

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгородское отделение Общества русской словесности
во имя митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова)
Луганский государственный университет имени Владимира Даля

Дали Даля

Сборник статей
по материалам II Всероссийской научно-практической
конференции «Далевские чтения»,
приуроченной ко Дню славянской письменности
и культуры

Белгород 2022

УДК 811.161.1*27(470.325)

ББК 81.2Р-3 (2...)

Д 15

Рецензенты:

Л.И. Плотникова, доктор фил. наук, профессор, профессор кафедры русского языка и русской литературы педагогического института НИУ «БелГУ» (Белгород)

В.И. Ковалев, канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры русского языка и культуры речи ЛГУ им. Владимира Даля (ЛНР, Луганск).

Редакционная коллегия:

ответственный редактор – *И.И. Чумак-Жунь*, доктор филол. наук;

члены ред. коллегии – *Н.М. Голева*, канд. фил. наук,

К.К. Ли, канд. фил. наук, *В.К. Харченко*, доктор фил. наук

Д 15 **Дали Даля**: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции 19-20 мая 2022 г. «Далевские чтения», приуроченной ко Дню славянской письменности и культуры / Отв. ред. д. филол. н. *И.И. Чумак-Жунь*. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2022. – 190 с.

ISBN 978-5-6049183-3-3

Издание представляет собой сборник статей и материалов Всероссийской научно-практической конференции. «Далевские чтения» (19-20 мая 2022 года, Белгород, педагогический институт Белгородского государственного национального исследовательского университета). В материалах рассмотрены актуальные для современного этапа развития филологии культурологические, лексикографические и лингвометодические проблемы. Участники «Далевских чтений» обозначили роль В.И. Даля и его «Толкового словаря живого великорусского языка» в истории русской культуры, рассмотрели словарь как объект и инструмент филологического анализа, обратились к далевским традициям в филологических и историко-культурных исследованиях, к новым формам изучения наследия В. И. Даля в вузе и школе. Материалы сборника представляют интерес для преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов, школьных учителей, для всех, кто интересуется историей и современным состоянием русского языка.

УДК 811.161.1*27(470.325)

ББК 81.2Р-3 (2...)

ISBN 978-5-6049183-3-3

© Авторы статей, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ КАК ОБЪЕКТ И ИНСТРУМЕНТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	6
Алейник А.С. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЛЕКСИКИ БЕЛГОРОДСКИХ ГОВОРОВ	6
Бобо-Хожайева А.Л. СЛОВАРНАЯ РАБОТА С ТЮРКИЗМАМИ ПРИ АНАЛИЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА.....	10
Буров А.А., Бурова Г.П., Фрикке Я.А. ФЛОРОНИМЫ В СЛОВАРЕ ТЕКСТА СТИХОТВОРЕНИЯ Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ЛЮБКА»: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ «ОКО» В.И. ДАЛЯ.....	16
Волошина А. В. ОБРАЗ ЖЕРЕБЕНКА САВРАСКИ В РАССКАЗЕ В.И. ДАЛЯ	22
Голева Н.М. ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ	26
Еременко О.И., Демичева В.В. СЕМАНТИЧЕСКИЙ ОБЪЕМ СООТНОСИТЕЛЬНЫХ ЛИЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ: ПО МАТЕРИАЛАМ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ.....	29
Киданова Е.В. СЛОВАРЬ-ТЕЗАУРУС УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. ПУШКИНА, ИЗУЧАЕМЫХ В ШКОЛЕ)	32
Кошарная С.А. СЛОВАРЬ В.И. ДАЛЯ И ЕГО МЕСТО В ИССЛЕДОВАНИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОЙКОНИМИИ	36
Левина Э.М. СЕМАНТИЗАЦИЯ ЛЕКСЕМЫ «ХРАМ» В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ.....	41
Лопина М.Р. «ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ КАК СРЕДСТВО В ПОНИМАНИИ ЧЕЛОВЕКА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XIX СТОЛЕТИЯ	47
Мальцева Г.Ю. ЛЕКСЕМА «КРУГ» В НАБОКОВСКОМ ДИСКУРСЕ: СИНХРОНИЧЕСКИЙ И ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ.....	50
Новикова Т.Ф. ПРОИЗВЕДЕНИЯ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА И ЕГО «СЛОВАРЬ ЯЗЫКОВОГО РАСШИРЕНИЯ» В БОРЬБЕ С «ИССУШИТЕЛЬНЫМ ОБЕДНЕНИЕМ» РУССКОГО ЯЗЫКА	54
Озерова Е.Г. СЛОВАРЬ В.И. ДАЛЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ	59
Пиавраи Ш. СЛОВАРНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОЛИЦЕТВОРЕНИЙ КАК СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ ЭКЗОТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В ТЕКСТЕ ПОЭМЫ А.С. ПУШКИНА «ЦЫГАНЫ»	62
Половнева М.В., Заманова И.Ф. УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В СКАЗКЕ П.П. ЕРШОВА «КОНЕК-ГОРБУНОК: ОПЫТ АНАЛИЗА	68
Титова А.С. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИССЛЕДОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ	73
Токарев Г.В. ПРОБЛЕМА СЕМАНТИЗАЦИИ БРЕНДА В СЛОВАРЕ	76
Харченко В.К. ТРАДИЦИИ В.И. ДАЛЯ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ СЛОВАРЯ ЦВЕТА	78

Чистов В.В. СЛОВАРЬ В.И.ДАЛЯ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА.....	84
Чумак-Жунь И.И., Титовская А.В. НОМИНАЦИИ «СВОИХ» И «ЧУЖИХ» В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА»	89
Якимова Е.М. УЛЫБКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.И. КУПРИНА: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	93
Секция 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЛОВАРЕЙ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ В ВУЗЕ И ШКОЛЕ.....	99
Артемьева Е.И. НОМИНАЦИЯ ЖАНРОВ ПУБЛИЦИСТИКИ КАК ОБЪЕКТ СЛОВАРНОЙ РАБОТЫ НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	99
Губанова В.А. ФУНКЦИИ НЕОЛОГИЗМОВ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ: ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ. НЕОЛОГИЗМЫ КАК ОБЪЕКТ СЛОВАРНОЙ РАБОТЫ.....	102
Дьячкова И.Н. РАЗВИТИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАМКАХ УЧЕБНО-ПРОЕКТНОЙ ПРАКТИКИ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ).....	107
Корнейко Е.А. СЛОВАРЬ ЭТНОХОРОНИМОВ КАК ПРОДУКТ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ	112
Пашкова Г.И. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЗАНЯТИЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	115
Петрашова А.О. МЕТОДЫ РАБОТЫ С ЛИНГВИСТИЧЕСКИМИ СЛОВАРЯМИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	119
Покручина М.Ю. МЕНТАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ АВТОРСКОГО ТЕЗАУРУСА ВЛАДИМИРА КРУПИНА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ВРЕМЯ ГОРЯЩЕЙ СПИЧКИ»).....	123
Проненко В.М. ЭЛЕКТРОННЫЕ СЛОВАРИ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ УЧАЩИХСЯ.....	127
Сорокина И.Т. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛОВАРЕЙ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ.....	131
Токарева И.Ю. РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПРИ РАБОТЕ СО СЛОВАРЕМ В.И. ДАЛЯ.....	133
Чибухашвили В.А. ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ СО СЛОВАРЕМ В.И. ДАЛЯ.....	135
Шаповалова А.Э. НОВЫЕ ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СЛОВАРЕЙ И ДРУГИХ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ В ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАНИИ	139
Яковлева Т.В. ФОРМИРОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ В.И. ДАЛЯ)	143
Секция 3. МОЛОДАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ	150
Алейник Ю.В. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СЛОВА «ПОБЕДА».....	150
Борченко А.С., Реутова Д.А. СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ СЛОВ ПО ПРОИЗВЕДЕНИЮ А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА».....	154

Голотовская Р.А. ЛЕКСИКА ОГРАНИЧЕННОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ «ПОВЕСТЬ О СОНЕЧКЕ»	160
Кириенко О.В. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СЛОВ ОГРАНИЧЕННОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ В ПОЭЗИИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ.....	163
Кутраева А. Э. ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ КАЗАКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ УРАЛЬСКОГО ПРЕДАНИЯ «ПОЛУНОЩНИК»).....	167
Ламанова А.Ю., Рудакова А.В. МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ (РАЗРАБОТКА ИНТЕРАКТИВНОЙ ВИКТОРИНЫ)	169
Марченко Э. С. ОТРАЖЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ИДИОМАТИЧНОЙ СЕМАНТИКОЙ В СЛОВАРЕ В. ДАЛЯ.....	173
Скиба А.А. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА ЛЕКСЕМЫ «ВДРУГ» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО	176
Хорошилов М. ЗАЧЕМ НУЖЕН КОМПАС? (ЗАРИСОВКА В. ДАЛЯ «МАТКА»)	180
Чернова В.Д. СЛОВАРЬ ОДЕЖДЫ ГЕРОЕВ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ».....	182
Ширинова А. А. СЛОВАРЬ В. И. ДАЛЯ КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ РУССКОЙ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ОПИСАНИЯ РЕАЛИИ ПАУК)	186

**Секция 1. ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ КАК ОБЪЕКТ И ИНСТРУМЕНТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

*Алейник А.С.,
аспирант, НИУ «БелГУ», г. Белгород.
Науч. рук. – Кошарная С.А.,
д. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ
ЛЕКСИКИ БЕЛГОРОДСКИХ ГОВОРОВ**

Аннотация. В данной статье рассматривается сельскохозяйственная лексика белгородских говоров с точки зрения ее функционирования в русском языке, дается ее классификация по языковым группам, определяются ее языковые особенности, а также определяется этимология данных слов.

Ключевые слова: диалект, говор, диалектизм, лексика, диалектология

Summary. This article discusses the agricultural vocabulary of the Belgorod dialects from the point of view of its functioning in the Russian language, its classification by language groups is given, its linguistic features are determined, and the etymology of these words is determined.

Key words: dialect, dialect, dialectism, vocabulary, dialectology

На сегодняшний день диалектологические исследования делают огромный рывок в области изучения народных говоров, поэтому многие лингвисты получают возможность использовать диалектологический материал в качестве объекта многоаспектного изучения. Одна из весомых причин, обуславливающих интерес к исследованию диалектов, состоит в том, что народные говоры отражают в себе представление о том, как была устроена культурно-историческая жизнь разных народов.

В объективе нашего исследования находится сельскохозяйственная лексика, функционирующая в белгородских говорах. Изучение наименований сельскохозяйственных предметов несет в себе информацию о повседневной деятельности человека, обеспечивающей его материальными продуктами жизнедеятельности (инструменты, жилье, пища и т.д.). Ведущую позицию среди этих объектов описания занимает инструмент, или рабочий инвентарь, а также хозяйственные процессы, связанные с обработкой земельной почвы и животноводством.

Как отмечает Т.Н. Данькова, «сельскохозяйственная лексика относится к наиболее древним пластам словарного состава русского языка и восходит к праславянскому языку. Это объясняется значительной ролью сельского хозяйства в жизни древнейших славян, для которых земледелие и скотоводство имели большую экономическую и культурную ценность» [Данькова 2008: 44].

Известно, что территория Белгородской области отличается развитым аграрным сектором, традиционностью земледелия, птицеводства и скотоводства. Богатство сельскохозяйственной жизни естественным образом нашло полное отражение в языке.

Еще Р.И. Аванесов отмечал, что «современный русский национальный язык – сложное и многообразное явление, в котором представлен литературный и нелитературный (социальные и территориальные диалекты) язык» [Аванесов 1954: 88]. Помимо литературного языка, в принципе единого для всех говорящих по-русски, существуют и другие разновидности русского языка, употребление которых ограничено определенной социальной средой (профессиональные языки, жаргоны) или определенной территорией (народные говоры). Как указывает О.И. Блинова, «первые называются социальными диалектами, а вторые – территориальными диалектами (или просто диалектами), а также говорами» [Блинова 1984: 156].

Так, в пограничных районах под влиянием украинской культуры нередко формируются окающие диалекты. В то же время в русских селах Болхолец, Пушкарное Белгородского района, в селе Белый Колодец Вейделевского района (бывшего Валуйского уезда) и др. формировались русские акающие говоры.

Интенсивное развитие экономики региона, развитие традиционных занятий населения особенно активизировалось в период существования Белгородской губернии (1727-1779 гг.), в состав которой входили территории современных Белгородской, Курской, Орловской, частично Брянской областей Российской Федерации, а также Харьковской и Полтавской областей Украины. Этот факт нашел отражение в народных говорах и культуре быта.

Так, белгородские говоры отражают межэтническое взаимодействие, обусловленное территориальными особенностями Белгородской области. В силу соседства с Украиной говоры Белгородчины характеризуются таким явлением, как смешение диалектов. Например, в сельской местности употребляются следующие диалектизмы:

«**Гамán** – суц., -а, муж.р., нейтр. 1. Кошелёк. /Ваз'м'í **гамán** у тумб'ач'к'и и пайд'óm'ý мауаз'ýн//; /Палóжыла у **гамán** п'иццот /схадила у мауазин /и п'уста// (х. Глушковка, Старооск., 1994 г.; с. Кузькино, Чернян., 2013 г.; г. Алексеевка, Алексеев.; п. Пролетарский, Ракитян.; с. Верхопенье, Ивнян.; Ровеньск.); 2. Карман. /У **гамán** палажы// (с. Верхняя Покровка, Красногвард., 2016 г.); 3. Мешок для табака. /**гаманы** дл'и табакá вышывáлы// (с. Троженец, Новооск., 1999 г.). Украинизм, ср. укр. *гаманець*, *гаман* – ‘кошелёк’. [СРНГ 6: 127]+ **R**» [ООСБ 2017: 74];

«**Бодня** – суц., -í, жен.р., нейтр. Деревянная посуда, в которой солят сало. /**Бодн'á**// (п. Пролетарский, Ракитян.; с. Шмеховое, Чернян., 1999 г.). [СРНГ 3: 55]+» [ООСБ 2017: 39];

«**Кухлик** – суц., -а, муж.р., спец. Кувшин для молока, сливок; кувшин, в котором хранят сметану. /**Кухл'ик** /в'иришók у **кухл'ик'и** станав'íl'и у п'еш'// (х. Высокий, Прохоров.; п. Прохоровка, Прохоров.; с. Белый Колодезь, Вейдел., 2013 г.; с. Боровое, Новооск.). Украинизм, ср. укр. *кухлик*

– ‘кружечка’. || «**Кўхлик**, а, м. <...> 3. Глиняный кувшин. Курск., 1848. Орл., Брян., Пск., Смол., Ворон.» [СРНГ 16: 183]+» [ООСБ 2017: 158].

Особенность белгородских говоров заключается и в проявлении архаичных черт на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях. На уровне фонетики фиксируется замена фонем <ф> и <ф’> на [ʃ] неслоговое (на месте оглушения звука [в]), сочетание [хв] (на месте [ф] в сильной позиции перед гласным) или [х] (перед согласным): «**Грахвін** – суц., -а, муж. р., нейтр. Графин. /урахв’ін дарау’ој / разб’іл// (с. Ураково, Краснен., 2005 г.). [СРНГ]» [ООСБ 2017: 84].

Белгородские говоры нередко представлены собственно диалектной лексикой, фиксация которой отсутствует в общенародном словаре:

«**Др́чка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Терка механическая. /Др́чкај м’оркву тру// (п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.). || «**Др́чка**, я, ж. <...> 2. Терка для размельчения, растирания чего-либо. Смол., 1852» [СРНГ 8: 177]+» [ООСБ 2017: 100];

«**Осл’он** – суц., -а, муж.р., нейтр. Деревянная скамейка. /Асл’он// (п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.). || «**Осл’он**, а, м. <...> 4. Переносная скамейка в избе. Южн, Зап., Даль» [СРНГ 24: 24]+» [ООСБ 2017: 195];

«**Тырт’ушка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Тёрка. /Тырт’ушка// (с. Шмеховое, Чернян., 1999 г.; Ровеньск.). Украинизм, ср. укр. тертушка – ‘тёрка’. || «**Тёртушка**, ж. 1. Терка (для размельчения овощей и т.п.). Рыльск., Судж. Курск., 1849. Курск. **Терт’ушка**. Орл., Курск., Даль» [СРНГ 44: 85]+ » [ООСБ 2017: 294] и др.

В бытовую лексику входят диалектизмы различного типа:

- фонетические:

«**В’інык** – суц., -а, муж.р., нейтр. Веник. /В’інык// (х. Глушковка, Старооск., 1994 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.). Под влиянием украинского языка, ср. укр. віник. [СРНГ]-» [ООСБ 2017: 58].

«**Карв’ать** – суц., -и, жен.р., нейтр. Кровать. /Карв’ать’//; /Мы’ н’овују карв’ат’ куп’іл’и// (с. Богородское, Новооск., 1993 г.; с. Киселевка, Новооск.). [СРНГ]-» [ООСБ 2017: 135].

«**Рог’ач** – суц., -а, муж.р., нейтр. Длинная палка с металлической рогаткой на конце, которой захватывают и ставят в печь горшки; ухват. /Рауач’’ом гаршк’у таскал’и ис п’ич’у’//; /Рауач’у’//; /Сн’аты роуач’’ом//; /Выт’ан’иши рауач’ом//; /Чапл’ишка / рог’ач’// (п. Борисовка, Борисов.; с. Никольское, Белгор.; с. Грушевка, Волокон.; с. Боровое, Новооск., 1993 г.; с. Илек-Пеньковка, Краснояруж.; с. Головчино, Грайвор.; с. Большая Ивановка, Новооск., 1999 г.; с. Николаевка, Новооск.; с. Лубяное, Чернян., 1999 г.; с. Большая Халань, Корочан., 1999 г.; с. Хмелевое, Краснен., 1999 г.; с. Ураково, Краснен., 2005 г.; с. Избушки, Вейдел.; с. Клименки, Вейдел.; с. Банкино, Вейдел.; п. Уразово, Валуйск., 1999 г.; с. Яблоново, Валуйск., 2010 г.; Ровеньск.; с. Никольское, Белгор.; с. Большетроицкое, Шебекин.,

2005 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; г. Бирюч, Красногвард.; с. Вязовое, Прохоров.; с. Яковлево, Яковлев.). [СРНГ 35: 122]+ **Р**» [ООСБ 2017: 245].

- морфологические:

«**Рушнік, рушнік** – суц., -а, муж.р., нейтр. Полотенце. /**Рушнік** / ут'ірка/ на ус'акаму зав'ом//; /**Рушнік** нада наст'ират' / а на к'ухн'у н'овыј нав'ес'//; /**Рушніком** абатр'іс'//; /**Рушнік** в'ішила н'овыј//; /**Ч'істај рушнік**// (с. Песчаное, Корочан., 1998 г.; с. Яблоново, Корочан., 1995 г.; с. Хмелевое, Корочан., 1998 г.; с. Гарбузово, Алексеев., 1999 г.; с. Верховенье, Ивнян.; с. Камызино, Краснен., 1999 г.; с. Яблоново, Валуйск., 2010 г.; с. Головчино, Грайвор.; с. Теплый Колодезь, Губкин.; п. Борисовка, Борисов.; с. Никольское, Белгор.; с. Кузькино, Чернян., 2013 г.). **Рушнык**. /**Рушнык**//; /**Куп'іла н'овыј рушнык**//; /**Рушнык'і**// (с. Грушевка, Волокон.; х. Миндоловка, Корочан., 1999 г.; Ровеньск.; с. Илек-Пеньковка, Краснояруж.; с. Головчино, Грайвор.; с. Большая Ивановка, Новооск., 1999 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; с. Банкино, Вейдел.). Украинизм, ср. укр. рушник – 'полотенце'. [СРНГ 35: 291](+) **Р**» [ООСБ 2017: 247-248].

«**Скр'іня** – суц., -и, жен.р., нейтр. Ящик для хранения вещей (одежды, постельного белья и т.п.) с крышкой на петлях, род сундука. /**Аткр'ој скр'ін'у** и плат'ок ваз'м'і//; /**У скр'ін'у** ул'ад'і//; /**Схов'ат' тр'апкы в скр'ін'у**//; /**Закр'ој скр'ін'у** на зам'ок// (с. Яблоново, Корочан., 1995 г.; с. Кощеево, Корочан., 1999 г.; с. Лубяное, Чернян., 1999 г.; с. Клименки, Вейдел.; п. Вейделевка, Вейдел.; с. Банкино, Вейдел.; с. Киселевка, Новооск.; с. Никольское, Белгор.; с. Н. Таволжанка, Шебекин., 2005 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.; с. Кузькино, Чернян., 2013 г.). || «**Скр'іня**, ж. 1. Сундук; ящик. Слов. Акад. 1847. Дон., 1848. Южн. *А эту шириночку в скр'іню положу*. Ворон., Курск., Орл., Ряз.» [СРНГ 38: 163-164]+ **Р**» [ООСБ 2017: 261].

«**Ст'улка** – суц., -и, жен.р., нейтр. Стул. /**Ст'улка**// (повсеместно по области). || «**Ст'ула**, ж. 1. Стул, табуретка. Рыльск. Курск., 1853. *Стула сподломилась – Девка провалилась*. Курск., Орл. <...> Ворон., Дон. <...> 1. **Ст'улка**, ж. 1. Стул, табуретка. Дон., 1929. *Сядь на стулку, на табуретку*. <...> Дон. Южн., Свердлов.» [СРНГ 42: 88-89; 90]+ **Р**» [ООСБ 2017: 275].

- семантические:

«**Варетт'я** – суц., -і, ср.р., нейтр. Покрывало или полотенце, которое использовали для просушки и перевозки зерна. /**Вар'етт'я**// (п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.). [СРНГ 4: 141-142]» [ООСБ 2017: 49].

«**Пап'она** – суц., -ы, жен.р., нейтр. 1. Вид одеяла; покрывало из ткани, изготовленной из конопли. /**Пап'оны** ф ст'анах тк'ал'у//; /**Покр'ојус' сук'онај пап'онај**// (х. Глушковка, Старооск., 1994 г.; с. Казачье, Прохоров.; п. Пролетарский, Ракитян.; с. Банкино, Вейдел.; г. Бирюч, Красногвард., 2016 г.); 2. Одеяло, покрывало на лошадь. /**Пап'она**// (Вейдел.); 3. Простыня. /**Пап'она**// (Борисов.). [СРНГ 29: 334]+» [ООСБ 2017: 225].

«**Чувáл** – сущ., -а, муж.р., нейтр. Мешок, большой мешок из грубой ткани, в котором переносят картофель или овощи. /Пр'ин'ис'и́ **ч'увáл** / картóху у пóур'ип с'н'ис'т'и́//; /Собрáв чувáл картóшкы//; /Я́ **чувáл** штóпала//; /Г'ажóльj **ч'увáл**// (с. Киселевка, Новооск.; с. Богородское, Новооск.; с. Клименки, Вейдел.; с. Банкино, Вейдел.; с. Волотово, Чернян., 1999 г.; с. Ураково, Краснен., 2005 г.; п. Пролетарский, Ракитян.; Ровеньск.; с. Кузькино, Чернян., 2013 г.). || «**Чувал** м. татарск. очаг с очельем, камин, камелек, огнище, шесток с колпаком и дымволоком, у татар, башкиров, остяков, якутов, горских народов и пр. | Комнатный камин. | **Шерстяная обшивка тюка, кипы**» [Даль IV: 611](+) **Р**» [ООСБ 2017: 321].

Примечательно, что диалектизм может проявлять себя сразу на нескольких языковых уровнях. Например, **рогáч** – одновременно фонетический диалектизм, так как вместо фонемы <г> употребляется [γ] фрикативный, свойственный большинству белгородских говоров, и собственно лексический (слово не является элементом общенародного языка).

Изучение белгородских говоров способствует постижению культурно-исторической и лингвистической специфики нашего региона. Так, белгородские говоры способны дать ответ на вопросы, решение которых необходимо для реконструкции языка и истории народа.

В силу этого белгородские говоры представляют особое, чрезвычайно интересное для лингвистов образование, и всестороннее описание лексических групп диалектизмов Белгородчины будет способствовать решению целого ряда значимых для науки вопросов.

Литература и источники

1. Аванесов Р.И. Общенародный язык и местные диалекты на разных этапах развития общества / Р.И. Аванесов // Материалы к курсам языкознания / Под общей ред. В.Я. Звегинцева. – Москва, 1954. – С. 87-93.
2. Блинова О.И. Русская диалектология. Лексика / О.И. Блинова. – Томск, 1984. – 133 с.
3. Данькова Т.Н. Сельскохозяйственная лексика праславянского периода: (из истории становления сельскохозяйственной лексики русского языка) / Т.Н. Данькова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филол. науки». – №7 (31). – 2008. – С. 40–44.
4. Опыт областного словаря Белгородчины: дифференциально-сопоставительный словарь: 3700 слов / С.А. Кошарная, А.С. Алейник, А.И. Медведева; под общ. ред. С.А. Кошарной. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. – 332 с.

Бобо-Хожайева А.Л.,
магистрант, НИУ «БелГУ», г. Белгород.
Науч. рук. – Новикова Т.Ф.,
д. пед. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

СЛОВАРНАЯ РАБОТА С ТЮРКИЗМАМИ ПРИ АНАЛИЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация. Статья посвящена приемам словарной работы с тюркизмами в ходе анализа художественного текста. В качестве примера взят классический текст – стихотворение М.Ю. Лермонтова «Бородино». В работе даны образцы работы с тюркизмами, встречающимися в последних строфах: *басурманы, товарищи, богатыри* и др., в виде словаря к тексту.

Ключевые слова: тюркизм, словарная работа, художественный текст, словарь к тексту

Summary. The article is devoted to the methods of dictionary work with turkisms during the analysis of a literary text. As an example, a classic text is taken – a poem by M.Y. Lermontov «Borodino». The work provides samples of work with turkisms found in the last stanzas: *basurmany*, *tovarischi*, *bogatyry*, etc., in the form of a vocabulary to the text.

Key words: turkism, dictionary work, literary text, text vocabulary

Для глубокого и полного восприятия текста, для раскрытия того духовного мира, который скрывается за словами, почти всегда необходимо осмысление заключенного в нем **культурологического фона**. Возникновение фона возможно при условии, что в процессе обучения будут использоваться методы и приемы работы, позволяющие восстанавливать недостающие звенья фоновых знаний учащихся. Подобная работа с лингвистическим материалом предполагает выход на контекст и на специальные приемы и виды анализа слова в тексте [Новикова 2011: 4-9].

В связи с необходимостью реализации культурологического подхода к преподаванию русского языка и литературы вырастает значение того вида работы, который традиционно назывался **«словарная работа»**, а сейчас приобретает форму лингвокультурных комментариев к тексту или составления словаря художественного произведения.

Известный ученый-лингводидакт М.Р. Львов относил к наиболее распространенным способам толкования значения слов в процессе словарной работы на уроке следующие: наглядный, текстуальный, способ подстановки синонимов, подбор антонимов, логическое определение, развёрнутое описание, анализ морфемной и морфологической структуры слова, словообразовательный анализ и др. К менее распространенным относится, например, языковая игра [Львов 1976: 45-46]. Традиционные приемы словарной работы, описанные в методических работах, например, в вышеуказанной работе М.Р. Львова [Львов 1976], в известном пособии Л.К. Скороход [Скороход 1990], подкрепляются и дополняются инновационными [Львова 2001, Новикова 2011]: анализ текста диктанта, культуроориентированные словарные и текстовые диктанты, словари к тексту.

Среди культурологических приемов работы со словом в тексте, предложенных Т.Ф. Новиковой [Новикова 2011: 8-9], мы, планируя словарную работу с заимствованными словами и с тюркизмами в частности, выбрали такой прием, как **составление словаря примечаний** к используемому на уроке тексту, реализуемый с помощью ряда вопросов:

- какие слова и выражения требуют комментирования?
- какие слова вы пометили бы звездочками (*) для толкования?
- каким способом вы бы попытались объяснить эти слова и выражения?
- что вы можете рассказать о «культурной истории» слова? и др.

В качестве примера организации словарной работы возьмем отрывок из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино» (последние строфы):

*Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал **булат**, **картечь** визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.
Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась – как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...
Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали **барабаны** –
И отступили **басурманы**.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.
Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри – не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не Божья воля,
Не отдали б Москвы!*

После беседы об истории создания и основных мыслях хорошо известного школьникам произведения М.Ю. Лермонтова предлагаем назвать слова, которые не совсем понятны им как читателям. Ученики называют слова *булат*, *картечь*, *заутра*, *басурманы*. С помощью толкового словаря или на основе заранее подготовленной презентации объясняем эти слова:

1) **Була́т** (от персидского ‘pulad’ – «сталь») – сталь, благодаря особой технологии изготовления отличающаяся, высокой твёрдостью и упругостью и особым видом («узором») поверхности.

2) **Картечь** – артиллерийский снаряд для поражения противника в ближнем бою, наполненный поражающими элементами, которые разлетаются после выброса из ствола орудия.

3) **Заутра** (устаревшее) – то есть с раннего утра, на рассвете.

4) **Басурман** – человек иной веры; иноверец, иноземец; так говорили раньше про турок и татар, однако в данном случае – это французы.

Не случайно завершаем краткий словарный комментарий к отрывку из стихотворения «Бородино» словом *басурман*, так как оно позволяет перейти к разговору о других тюркизмах в этом тексте. По В.И. Далю, *басурман* (*бусурман, босурман, бесермен, басурманин*) – неверный, нехристианин, особ. – мусульманин; всякий иноземец и иноверец – в неприязненном значении, особенно азиатец или турок [Даль 2005: 38]. В словаре не отмечено тюркское происхождение слова, но фонетический облик слова, повтор гласных свидетельствуют об этом.

Несомненно, будет интересной и значимой для культурного развития учащихся информация о хорошо знакомых на первый взгляд и вполне понятных им словах *барабаны, товарищи, богатыри*. Значение этих слов учащимся известно, поэтому можно попросить объяснить их любым из способов толкования: а) дать логическое определение по модели А1 (видовое понятие) – это А (родовое понятие): *барабан – ударный музыкальный инструмент*; б) с помощью подбора синонима: *товарищи – друзья, приятели*; в) составление предложений или словосочетаний: *богатырь – человек большой силы: богатырская сила, богатырский дух, богатырское здоровье*.

Далее следует краткая беседа.

Учитель: *Как вы думаете, все эти слова – русские по происхождению?*

Учащиеся отвечают утвердительно.

Учитель: *Очевидно, я вас удивлю, но все эти слова – тюркского происхождения. Но они так давно заимствованы русским языком, что не воспринимаются как «иностранцы». Тем не менее, это так. Давайте убедимся.*

Далее учитель или подготовленный учащийся предлагает ознакомиться слушателям с краткой историей и этимологией слов *барабан, богатырь, товарищ*.

1) **Барабан** – ударный музыкальный инструмент в виде полого широкого цилиндра ...с натянутой на него кожей. Слово **барабан** впервые отмечается в письменных памятниках 17 в. Происхождение слова **барабан** до сих пор остается не вполне ясным. Многие языковеды считают, что они тюркского происхождения... [Елисеев 2009: 53].

2) **Богатырь** – 1. Герой русских былин. 2. Человек большого роста и крепкого телосложения, полный отваги, стойкости и удачи. Слово **богатырь** появилось в древнерусском языке не позднее XI в., т.е. за два века до монголо-татарского нашествия на Русь. Поэтому, хотя языковеды абсолютно уверены в восточном происхождении этого слова, невозможно с такой же уверенностью определить язык, из которого оно заимствовано. Многие ученые отмечают исторически родственные слова в тюркских языках (к примеру, турецкое *batir*, имеющее значение *смелый, отважный*,

доблестный воин). Но это слово не только тюркское. Монгольское и бурятское слово *баатар* означает *богатырь, герой*. Это же слово известно и в языках персидской группы: афганском, таджикском. Поэтому некоторые исследователи предполагают, что слово *богатырь* – персидское и означает буквально «сын бога» [Елисеев 2009: 67- 68].

3) **Товарищ** – человек, связанный с кем-либо дружескими узами или общей деятельностью. В «Малом академическом словаре» (МАС) приведено 6 значений данного слова.

Несмотря на то, что слово *товарищ* – самое распространенное в современной речи, у него самая сложная и запутанная этимологическая история. Сравним несколько версий происхождения слова на основе открытых электронных лексикографических источников.

1. Согласно наиболее признанной версии, слово *товарищ* представляет собой заимствование из тюркских языков. Первоначально оно состояло из двух частей, подобных турецкому *tavar* ‘скот, имущество, товар’ и *eş, iş* ‘сотоварищ’. Таким образом, первоначальное значение слова *товарищ* можно сформулировать как ‘компаньон в торговле’, оно этимологически связано со словом *товар*, также заимствованным из тюркских языков. 2. Однако в древнерусском языке у слова *товарь* ‘предмет торговли, товар, имущество’ имелся омоним со значением ‘походный лагерь, военный стан’. Он связан родством с еще одним заимствованием из тюркских языков – словом *табор* (ср. турецкое и крымско-татарское *tabur* ‘походный лагерь’). Существительное *товарь* в этом значении фиксируется в древнерусских памятниках письменности даже раньше, чем *товарь* ‘товар, имущество’. И нельзя исключать, что в слове *товарищ* первая часть означала когда-то именно ‘военный лагерь’. Если это так, первоначальную семантику его можно реконструировать как ‘товарищ по оружию, соратник’. 3. Делались попытки обосновать исконно славянское происхождение трудного слова. Увы, результаты надо признать малоубедительными в фонетическом и словообразовательном плане. Несмотря на всю гипотетичность, этимология слова *товарищ* правдоподобнее всего объясняется на тюркском материале.

Подведем некоторые итоги. Скорее всего, *товарищ* – это заимствование из тюркских языков, с изначальной семантикой ‘компаньон в торговле’. Но даже если верна, скажем, версия с ‘соратником’ или ‘спутником’, можно заметить одно: все эти реконструируемые значения отчасти пересекаются между собой. Они имеют общий компонент: ‘человек, участвующий в какой-либо деятельности с другими людьми’. Именно эту семантику слово *товарищ* и пронесло через всю свою многовековую историю в русском языке.

Продолжение беседы учителя с классом.

Учитель: *А как будет выглядеть образование жен. р. от слова товарищ?*

Ученик: В славянских языках производных от слова *товарищ* для обозначения женщин совсем мало. Например, по-словенски женщина-товарищ будет названа *tovarišica*, в польском *towarzyszka* – ‘подруга, спутница’. Тем не менее в русском языке есть слово *товарка* – ‘женщина, связанная с другими людьми общей деятельностью’, ‘подруга, приятельница’. Но в литературном языке этот вариант может употребляться только в разговорной речи. Слово *товарка* воспринимается как несколько сниженное, просторечное. По этой причине в советские годы обращением к женщине оно не стало. В наши дни слово *товарка* является малоупотребительным и скоро, вероятно, окончательно устареет [см. О жизни слов].

Как мы могли убедиться, современными школьниками часто не понимаются или неверно толкуются многие культурно-исторические реалии прошлого, причем не только XIX в, но и XX в. На наш взгляд, большинство школьных программных произведений нуждается в комментариях, наподобие тех, что сопровождают тексты в учебниках и хрестоматиях для иностранных читателей. Можно и нужно предлагать сделать такого рода комментарии к любому художественному тексту или диктанту на основе текста.

Словарная работа в каждодневной практике учителя всегда занимала значительное место, а сейчас, в связи с усилением антропологических и культурологических тенденций в лингвистике, ее значение возрастает. Словарная работа по толкованию, этимологизации и текстовой роли тюркизмов может быть осуществлена с помощью различных приемов, среди которых мы представили составление мини-словаря к художественному тексту.

Литература и источники

1. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: Изд. Эксмо, 2005. – 736 с.
2. Евсеев М.Ю. Современный этимологический словарь русского языка. История заимствованных слов: ок.1000 слов, пришедших в рус.яз. со всего света. – М.: АСТ: Астрель. – Владимир, 2009. – 381 с.
3. Львов М.Р. Работа учащихся над значением слова // Начальная школа. – 1976. – №1. – С.45-46.
4. Львова С.И. Диктант с языковым анализом текста // Русская словесность. – 2001. – №8. – С. 43-52.
5. Новикова Т.Ф. Культуроориентированные приемы работы с текстом и со словом в тексте // Русский язык в школе. – №12. – 2011. – С.3-10.
6. Скороход Л.К. Словарная работа на уроках русского языка: Книга для учителя: из опыта работы. – М.: Просвещение, 1990. – 223 с.
7. Успенский Л. В. Этимологический словарь школьника [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/t/товарищ> (дата обращения – 31.03.2022).
8. О жизни слов: Этимология и история русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rus-et.ru/istoriya-yazyka/etimologiya/iz-zhizni-slova-tovarishh-v-russkom-yazyke/> (дата обращения – 31.03.2022).

Буров А.А.,
д. фил. н., ПГУ, г. Пятигорск
Бурова Г.П.,
д. фил. н., филиал СГПИ, г. Эссентуки
Фрикке Я.А.,
к. фил. н., филиал СГПИ, г. Эссентуки

ФЛОРОНИМЫ В СЛОВАРЕ ТЕКСТА СТИХОТВОРЕНИЯ Б.Л. ПАСТЕРНАКА «ЛЮБКА»: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ «ОКО» В.И. ДАЛЯ

Аннотация. В статье анализируются особенности употребления флоронимов как элементов словаря стихотворения Б.Л. Пастернака «Любка». Функции цветообозначений осмысляются в аспекте сопоставления двух картин мира: статической, отраженной в Словаре В.И. Даля, и динамической, представленной в авторском словаре текста великого русского поэта, рассматривавшего природу, историю и человеческую судьбу как звенья единого циклического процесса динамики мироздания. Особое внимание уделено лексикографическому комментарию индивидуально ощущаемой поэтической картины мира.

Ключевые слова: В.И. Даль, Б.Л. Пастернак, флороним, картина мира, словарь поэтического текста, лексикографический комментарий, речевая динамика.

Summary. The article analyzes the features of the use of floronyms as elements of the dictionary of B.L. Pasternak "Lyubka". The functions of color designations are comprehended in the aspect of comparing two world views: static one, reflected in the Dictionary of V.I. Dahl, and dynamic one, presented in the author's vocabulary used in the text of the great Russian poet, who considered nature, history and human destiny as links in a single cyclic process of the dynamics of the universe. Particular attention is paid to the lexicographical commentary of the individually perceived poetic world view.

Key words: V.I. Dahl, B.L. Pasternak, floronym, world view, poetic text vocabulary, lexicographic commentary, speech dynamics

Наверное, вряд ли найдется человек, равнодушный к такому чуду природы, каковым являются божественные представители флоры (лат. *Flora*) – цветы, получившие свою номинацию *флоронимы* как главные представители удивительного мира, где вечно царствует Флора – «древнеримская богиня цветов, расцвета, весны и полевых плодов» [Обнорский 1902: 147].

Очевидно, что языковой образ, при всем многообразии трактовок скрывающегося за этим термином представления, которое он включает в себе в плане номинативном и когнитивном, претерпевает качественную семантическую трансформацию, обретая *внутреннюю форму* именованного и ее озвучивание, вербализацию во *внешней форме* [Потебня 1989: 160]. Возникающий между мыслью и словом «зазор» как естественное и закономерное проявление того, что при восприятии мира наша мысль «лишь скользит по поверхности реальности» [там же: 182], обнаруживается в коммуникативно-прагматическом ракурсе на двух уровнях языковой картины мира (в том числе и поэтической [Чумак-Жунь 2009]), – статическом и динамическом [Чесноков 2011: 63]. Причем далеко не всегда статическая картина фиксируется преимущественно в словаре, а динамическая – в тексте.

Творческий генезис лирического текста Б.Л. Пастернака, а следовательно – и словаря этого текста как индивидуально-авторского проявления субъективного и имманентного взгляда на мир, основан на внутренней динамике, имеющей колоссальную экспрессивно-

эмоциональную силу воздействия на воображение, что заложено в репрезентации его языковых образов. На первый взгляд, *Словарь* В.И. Даля должен отличаться ярко выраженной языковой статичностью как представитель лексикографического речевого жанра, а выражение языкового образа в нем – приобретать строго метаязыковое вскрытие внутренней формы именованного посредством дефиниций или дескрипций. Последние могут лишь сопровождаться контекстами – примерами, которые только иллюстрируют употребление в том же поэтическом тексте, но никак не выражают внутреннюю поэтическую динамику языкового образа. Он в толковом или энциклопедическом словаре статичен и получает относительно объективное, метафизическое, нехудожественное – и тем более непоэтическое – выражение.

Между тем взгляд сквозь лексикографическое «око» *Словаря* В.И. Даля на употребленные в поэтическом тексте Б.Л. Пастернака слова убеждает нас в том, что соотношение статики и динамики при репрезентации языкового образа флоронимов и у Пастернака, и у Даля выходит на качественно новый уровень осмысления. Это видно, когда мы рассматриваем *Словарь* как комментарий отдельных фрагментов текста.

Очевидна явная близость творческих подходов к созданию языкового образа у обоих великих мастеров русского слова. Именно поэтому сквозь призму далевского лексикографического метода сам словарь лирического текста Пастернака и его элементы органически синтезируют два аспекта картины мира, которые, диалектически взаимодействуя, взаимно дополняют друг друга, являя собой образец гармонии – динамического равновесия.

Сказанное представляется нам весьма важным моментом при определении специфики употребления флоронимов в стихотворном тексте пастернаковской «Любки».

*Недавно этой просекой лесной
Прошелся дождь, как землемер и метчик.
Лист ландыша отяжелен блесной,
Вода забила в уши царских свечек.
Взлелеяны холодным сосняком,
Они росой оттягивают мочки,
Не любят дня, растут особняком
И даже запах льют поодиночке.
Когда на дачах пьют вечерний чай,
Туман вздувает паруса комарьи,
И ночь, гитарой брякнув невзначай,
Молочной мглой стоит в иван-да-марье.
Тогда ночной фиалкой пахнет всё:
Лета и лица. Мысли. Каждый случай,
Который в прошлом может быть спасен
И в будущем из рук судьбы получен.*

Этот текст сразу же вызывает одну мысль: русский язык открывает нам уникальную возможность – «пить» духовную силу из «родимой груди родного слова», что само по себе совершенно чудесным образом открывает нам мир природы с ее тайнами [Титлянова 2008]. В итоге скрытое обнажается, становится явным, и ощущается естественная, первозданная глубина именуемого слова. Обнаруживается «растительная» динамика пастернаковских флоронимов, обретающих в поэтическом тексте статус особых единиц *авторской* номинации, в которой реализуется субъективная, индивидуально ощущаемая, имманентная данность языкового образа денотативного фрагмента картины мира. И вот здесь становится ясно: традиционных характеристик знака (семантика, синтактика и прагматика) нам недостаточно, чтобы осмыслить формирующийся поэтический образ, который осознается на глубинном уровне и требует особого, *эвристического подхода* к своей интерпретации [Григорьев 2006: 676].

В нашем случае это флороним. Интересно, что основной лексический репрезентант базового концепта текста Б.Л. Пастернака – народное название ночной фиалки *любка* – обозначен лишь в заглавии и в тексте ни разу не упоминается, выступая своеобразным мистификатором, рядящимся в различные флоронимические «маски», коих собственно четыре; это номинации *ландыш, царская свечка, иван-да-марья, ночная фиалка*. Однако эта загадочность создает определенное эстетическое напряжение, придавая некую интригу и вызывая различные ассоциации.

Белые цветы *любки* венчают ее стебель своеобразным «шлемом с ушками», издавая специфический дурманящий аромат [Солоухин 1984: 61-63]. Неприметная, загадочная, любящая одиночество и прячущаяся в высокой траве, *любка* имеет более открытых и известных «родственников», и в пастернаковском тексте происходит перевоплощение героини в своих природных *vis-à-vis* – то в *царские свечки*, то в *иван-да-марью*, то в *ночные фиалки*. «Приворотный» флороним-эвфемизм *любка* выступает в заголовочной номинации текста маской, намекающей на официальные наименования: *ночная фиалка, орхидея* (о намеках социального плана, связанных с выражением отношения поэта к событиям 1917 года, см.: [Канатова]).

Словарь В.И. Даля, следуя гнездовому принципу, отсылает нас к глаголу «любить» и фиксирует производное употребление: *Любка, растен. Orchis moris, дремлик. Растен. Platantera bifolia, перелой, кукушкины слезки. Любжа ж. яросл. кур. орл. любовь. Она любжсею, по любжсе сошлась. | Любовное зелье, корень, приворотный напиток. Его любжсей приворожили, испортили. | Растен. Orchis incarnata, дремлик* [Даль 1979, 2: 282-283]. Во многом развивающий традиции далевского труда, энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона включает дефиницию *любки* с более полной «растительной» внутренней формой: *Любка. Народное название многих растений, преимущественно различных орхидей* [Брокгауз и Ефрон].

Данный источник трактует и флороним *царские свечи*, под которым подразумевается *народное название некоторых видов коровяка (Verbascum), напр. V. Lychnitis nigrum, Thapsus и др.* Именованье же *иван-да-марья* употребляется в двух значениях: 1. *Марьянник, Брат с сестрой, Желтяница, Иванова трава и др., Melampyrum nemorosum L. – травянистое однолетнее растение из семейства норичниковых (Scrophularineae), с желтыми цветами и ярко-синими прицветниками; 2. трехцветная фиалка, Viola tricolor L. (причем ее третий цвет – белый – не принимается в расчет) – в ее диком виде и в садовых разностях [там же].*

Специфика поэзии Пастернака заключается в том, что образность её рождена энциклопедизмом знаний автора о русском мире Природы, её Жизни. Особенность такого рода словаря поэтического текста, особенность в некотором роде уникальная, состоит в следующем: когда поэт останавливает прекрасные мгновения бытия, запечатлевая их в языковых образах, их *поэтическая ипостась* продолжает ощущаться в нашем сознании как динамическое представление, продолжающее жизнь того же цветка – только уже в нашем воображении, пополняя наш индивидуальные лексикографический опыт, расширяя его.

Взгляд на лирический текст о природе, сотворенный Б.Л. Пастернаком – поэтом, для которого этот Божественный Храм стал точкой отсчета эстетического измерения мира во всем многообразии, простоте и величии его естественной динамики, требует не только чуткого и восторженного, но и такого же умиротворенного в своем величии и первозданной красоте взгляда и толкования. Если рассматривать подобный текст с позиции отечественной лексикографии, то становится очевидно, что лексикографическое «око» Даля ближе других словарей сродни пастернаковскому тексту. И не только его словесной гармонии, но скорее – духу «неслыханной простоты», судя по «растительному» генезису языковой образности. Да и по времени, тем более что стихотворение «Любка», о котором мы ведем речь, написано в 1927 году, когда поэт перестал сотрудничать с ЛЕФом, всерьез задумываясь над тем, что ему уготован свой, пастернаковский, путь в искусстве и во всем том, что связано с определением авторского отношения и к миру природы, и к русской революции и ее месте в истории, и к поискам художественной Правды.

Далевский *Словарь* основан на *естественной данности* живого великорусского языка, отражающей проявления той же самой Жизни, и *данность* эта закреплена в языковых знаках – как народных, диалектных, так и научных, терминологических. Сегодня мы назвали бы *Словарь* В.И. Даля когниолингвистическим, поскольку словарные статьи этого уникального Лексикона включают такую культурную информацию, которая позволяет нам составить верное, непредвзятое, не искаженное тем или иным субъективно-идеологическим ракурсом представление о картине русского мира середины XIX века – того периода в отечественной истории, когда

закладывался фундамент социокультурного прорыва России в будущее. Мало того, что эта информация буквально пропитана внутренней экспрессией автора *Словаря*, выражающей ни с чем не сравнимое чувство русскости генетического датчанина, его искреннейшую в своей чистоте и силе идентичность человека, который «думает по-русски» [Порудоминский 1971], – здесь ярко проявляется личностный взгляд на язык как природное чудо, являющееся в своей основе *поэзией земли*, шире – Природы. Очевидно, и флоронимы как языковые элементы – это «не просто средство технической обработки (языкового образа – *А.Б., Г.Б., Я.Ф.*), но и само бытие, которое надо духовно открыть» [Костомаров 2005: 109], обнаруживая при этом накапливаемую в нем веками духовную энергию. Так и поступает в своей «Любке» ее автор, воплощая в поэтическом образе ночной фиалки свое внутреннее чувственное восприятие мира и развертывая, подобно пружине, внутреннюю динамику языкового образа этого загадочного цветка с народной номинацией *любка* в целой текстовой микропарадигме флоронимических номинаций (*царская свечка, иван-да-марья, ночная фиалка*). Их сладкий любовный дурман, в соседстве с ароматом *ландыша*, усиливает и внутреннюю динамику, которой пронизано заголовочное именование текста, исполненного внутренней (можно сказать, и эротической) энергии любовного движения. В контексте всего стихотворения флоронимы, представляющие мир Природы, утверждают всеильное могущество «растительного» природного начала, которое определяет ход миропорядка, где неразрывны художник, его творчество, история с ее прошлым, настоящим и будущим. Подтверждается тонкое наблюдение И.И. Чумак-Жунь, согласно которому в поэтической картине мира формируется особое динамическое пространство, которое является равнодействующей трех известных локальных ипостасей любого текста: физической, ментальной и когнитивной [Чумак-Жунь 2009: 8-9]. В итоге вполне закономерно то, что каждая частица природы нравственно бесценна. Любой лесной цветок заключает в своем имени частицу бытия всего мироздания. Эта пастернаковская эстетическая концепция основана на осознании того, что «именно через слова, связанные с растительным миром, происходит наложение Божьего и Исторического миров, связь которых организуется творчеством, искусством» [Фатеева 2003: 168-169].

Что сближает Пастернака с Далем? Стремление во всем дойти до самой сути и запечатлеть красоту мира в слове – и прежде всего в «растительных» именах. В своей лирике Пастернак средствами поэтической образности создает творческую энциклопедию Природы, а Даль в *Словаре* воплощает свою Поэзию Жизни как многогранное энциклопедическое познание народного взгляда на мир, и прежде всего мир Природы, – во всех жизненных проявлениях русского слова. Цель словаря лирического текста Пастернака – познание смысла жизненного развития как основы поэтического метода. Динамика природы – естественная данность,

определяющая реальность и простоту поэтического образа, непрерывную перманентность художественности монументальных образов поэтической картины мира. Цель *Словаря* Даля – динамизация лексикографической статистики запечатленных, но насыщенных жизненной энергетикой, внутренней диалектикой лексических мгновений бытия многомерного русского мира XIX века. Употребляемые в рассматриваемом нами тексте стихотворения «Любка» флоронимы под лексикографическим «оком» Даля «расцветают» многообразием номинационных проявлений внутренней формы отдельного природного денотата. Его *Словарь* не только энциклопедичен, он основан на принципе многообразия (множественности) номинационного проявления отдельного денотата в своих именах, чьи этимологические «корни» – не только греко-латинская ботаническая терминология, но главным образом это диалектные источники, русская народная речь. Пастернаковский *ландыш* в *Словаре* Даля – «ландышки, растение *Convallaria majalis*, сорочка, молодило, молодильник, виновник (вино)» [Даль 1979, 2: 236]. Фиалка же, важнейший репрезентант *любки*, представалена так: *Фиалка (фиалка) ж. цветок и растен. Viola; фиалка трехцветка, анютины глазки; фиалка пахучая, маткина душка; ночная фиалка, Hesperis, ночная красавица; см. мотыльки. | Фиалка, юла, лесной жаворонок. Фиалковый корень, корень растенья из рода косатиков, Iris florentina* [Даль 1980, 4: 535].

Даль придает значимость каждому из обретенных им имен-флоронимов как к единственной и бесценной находке с уникальной внутренней формой, и каждое из этих именовании заслуживает уважения как обладатель права на уникальность и неповторимость. Можно предположить, что здесь мы впервые в лексикографической практике имеем дело с проявлением природной энергетики накопления номинационной вариативности как проявления бесконечности живой, природной именуемой стихии. Проявляется скрытая динамика внешне статического словарного флоронима. Когда же это имя цветка обретает свой вектор поэтической динамики в стихотворном тексте такого автора, как Пастернак, чье сознание оперирует языковыми образами глобальной и «неслыханной простоты», «растительная» жизнь флоронима приобретает яркую субъективную, индивидуально ощущаемую и имманентную образность. В случае с пастернаковской «*Любкой*» эта образность носит латентный эвфемистический характер, получающий метатекстовый комментарий за счет пространства текста и употребленных в нем флоронимов-аналогов *любки*, однако и не исключаяющий присутствие подтекстового слоя. В любом случае подтверждается мысль А.Ф. Лосева: в именовании энергия сущности вещи «достигает своего полного определения. < > ...имя и есть расцветшее и созревшее сущее < > Имя – как максимальное напряжение осмысленного бытия вообще – есть также и основание, сила, цель, творчество и подвиг всей жизни...» [Лосев 1999: 152-153]. Естественная динамика «растительного»

потенциала определяет эстетические и экспрессивные функции авторского именованя флоронимов в поэтическом тексте.

литература и источники

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. – Режим доступа: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/> (дата обращения – 28.05.2022).
2. Григорьев В.П. Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка. Избр. работы 1958–2000-е годы. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 813 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. – М.: Русский язык, 1978-1980.
4. Канатова М. Тема истории в стихотворении Б. Пастернака «Любка». – Режим доступа: https://ruthenia.ru/rus_fil/xxv/Kanatova_M.pdf (дата обращения – 28.05.2022).
5. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2005. – 266 с.
6. Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Самое само: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс. 1999. – С. 29-204.
7. Обнорский Н.П. Флора, в мифологии // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб., 1902. – Т. XXXVI. – С. 147.
8. Пастернак Б.Л. Избранное. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья Д.С. Лихачева; Сост., подгот. текста и коммент. Е.В. Пастернак и Е.Б. Пастернака; Худож. Л. Пастернак. – М.: Худож. лит., 1985. – 623 с.
9. Порудоминский В.И. Даль. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 384 с.
10. Потенция А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 205 с.
11. Солоухин В.А. ,и др. Дары природы / Сост. С. Л. Ошанин. – М.: Экономика, 1984. – 304 с.
12. Титлянова А.А. «Дремучее царство растений» Бориса Пастернака глазами ученого-эколога. – М.: Новосибирск: Фолиум, 2008. – 132 с.
13. Фатеева Н.А. Поэт и проза. Книга о Пастернаке. – М.: Новое лит. обозрение, 2003. – 399 с.
14. Чесноков П.В. Картина мира в языке и речи // Ярославский педагогический вестник. – 2011 – Т.1. – №2. – С. 149-153.
15. Чумак-Жунь И.И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 244 с.

Волошина А. В.,

учитель русского языка и литературы,
ГБОУ СОШ № 23 им. Б.И.Кучера, г. Севастополь

ОБРАЗ ЖЕРЕБЕНКА САВРАСКИ В РАССКАЗЕ В.И. ДАЛЯ

Аннотация. Автор обращается к этимологии названий мастей лошади и анализирует образ коня на уровне мифопоэтического символа. В статье рассмотрены художественные средства создания образа жеребенка Савраски в художественном тексте В.И. Даля.

Ключевые слова: образ, символ, художественные средства выразительности

Summary. The author refers to the etymology of the names of horse colors and analyzes the image of a horse at the level of a mythopoetic symbol. The article considers the literary means of creating the image of the Savraska foal in the text by V.I. Dahl.

Key words: image, symbol, literary means of expression

История российского коневодства имеет свои особенности, обусловленные комплексом причин, оказавших влияние на его становление и развитие. Основной очаг одомашнения лошади находился на просторах современных Сибири и юга европейской части РСФСР. Славянские племена заселяли их в I тысячелетии н.э. Территория эта представляла собой бескрайние привольные степи и лесостепи с обильной травяной растительностью, что благоприятствовало формированию хорошей степной лошади.

Здесь обитало и кочевало множество племен с разным уровнем социального развития, своеобразным жизненным укладом. Большинство из них имели своих лошадей определенного типа и свою практику ведения коневодства. Бесчисленные захватнические набеги и войны, совершавшиеся на громадной территории от Дальнего Востока до предгорий Карпат, позволяли тому или иному удачливому племени на какой-то период пополнять свои табуны, обогащаться знаниями по ведению коневодства. По своим климатическим и географическим условиям отдельные регионы этого пространства разнились довольно значительно, благодаря чему создавались условия для более заметной внутривидовой дифференциации домашней лошади тех времен. Все это привело к образованию разнообразных пород, различавшихся по экстерьерным и интерьерным качествам, что, несомненно, обогащало практику разведения лошадей в каждый конкретный исторический период, способствовало умелому ведению коневодства.

На русские рынки в тот период стали поступать лошади с Востока, так называемые аргамаки, в основном туркменского и персидского происхождения. В условиях хорошего содержания и кормления на княжеских и боярских конюшнях, в результате соответствующего отбора и подбора постепенно выработался тип русских лошадей, именовавшихся боярскими. Они сильно отличались от простой крестьянской лошади.

В это же время была проделана определенная работа и по созданию хорошей упряжной лошади. Она велась по двум направлениям:

- во-первых, совершенствовалась существовавшая в то время сравнительно рослая, ширококотелая, сильная, но рыхлая русская лошадь путем отбора при улучшении условий кормления и содержания как производящего состава, так и молодняка, получившего название «выкормков»;

- во-вторых, шло улучшение местных лошадей жеребцами как восточных, так и западных пород, которые во времена Ивана III поступали на княжеские и боярские конюшни в виде подарков от правителей различных государств или в качестве военных трофеев.

В казачьих станицах до сих пор еще жив обычай гадания девушек о суженом-ряженом с помощью коня. Если конь (ведомый под уздцы), переступая, задел копытом слегу (оглоблю), лежащую на земле, то муж будет сердитый. Воины так же гадали об удаче в воинском походе.

Во время грозы, раскатов грома говорили: «Конь бежит – земля дрожит». Бог Громовник (Перун) едет. Поговорка, как расхожая фраза, живет и в XXI веке. Изображения коня, образ небесного, божественного светила в качестве оберега, символа удачи в русском селении можно было встретить повсюду: на крышах домов (конек), на ручках ковшей, на вышивках полотенец и рубахах.

В качестве символов богов и небесных светил использовали только белых и рыжих коней, причем белые кони часто использовались как символ

луны. Это отразилось в народной загадке: «Сивый конь через ворота светит?». Отгадка: «Месяц». Белая коза (козел) с рожками, как у месяца, также представлялась посланницей Луны-Месяца.

Конь в образе солнца вошел в русскую обрядовую былинку, в песню, в культовые обряды двумя мастями: белой (сивой) и саврасой. Священный русский красный конь-солнце звался именем Савр, савраска. И в ведах Ригведы одно из имен солнца – Савитр (Савитар). Один образ и практически одно имя.

Русские сказки, знакомые с детства, хранят образ «Сивки-бурки, вещего каурки». *Вещий конь* означает божественный, данный богом. Масти *сивый* и *бурый* (белый и саврасый) нашему современнику расшифровывать не надо. А вот что такое каурка? Русские коневоды различали несколько десятков конских мастей. «Каурый – конская масть: стан рыжеватый, светло-буроватый, впрожелть, хвост и грива такие же или светлее». Если грива и хвост сивые, то видим чистой воды Сивку-бурку, вещего каурку, помощника богатырей русских. И тут красный конь-огонь.

В русском языке есть слова «саврасый» и «савраска». Обратимся к «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля. В словарной статье «Саврасый» лексикограф приводит следующее лексическое значение слова *саврасый* [Даль 1995: т. 1, 166] «Саврасый, конс. масть; светлогнедой с желтизною» – «конь-огонь», рыжий конь. Более того, савраска – общероссийское определение рабочей лошади. Известны и поговорки: «Укатали сивку крутые горки», «Умыкали савраску горы да овражки», «Савраска да каурка – на два века», загадка «Конь саврас по колено увяз?» (воротный столб).

У В.И. Даля против слова савраска есть еще одно определение – «пьяная медовая брага: из восчины с хмелем». Отметим, что эту савраску тоже знали по всей России. Итак, видим соединение образа обожествляемого красного коня (коня-солнца) и ритуального напитка из меда.

Традиция обожествления солнца и реки, традиция именованя рек именами солнца, традиция обожествления красного коня Савра, название лошадей в целом саврасками, а коней рыжей масти – *савраска*, изготовление ритуального напитка с солнечным именем *савраска*, наличие собственных имен и фамилий с корнем «савр» и совпадение русских земель с гидронимами Савр полностью доказывает русское происхождение гидронима Савруша.

В рассказе «Савраска» В.И. Даля идет речь о лошади. Тип речи – повествование, стиль речи – художественный с элементами разговорного. Текст можно разделить на две микротемы: 1) рассказчику купили жеребенка; 2) описание жизни савраски. Имени главного героя автор не называл намеренно, так как похожие истории случались нередко, во многих зажиточных семьях в хозяйстве были лошади. Повествование ведется от первого лица. Он рассказывает о том, когда ему было тринадцать лет, дядя

купил жеребенка саврасой породы. Матушка мальчика определила жеребенка к кормилице-корове, жеребенок «зажил в доле». Рассказчик говорит, что не мог нарадоваться этому забавному животному, «которое вскоре стало тешить все семейство наше и весь дом». Подробно описаны повадки молодой лошади: «Он привык к рукам, как собачонка, шел на кличку, приходил за хлебом и сахаром в комнаты, взбегал по ступеням крыльца, прыгал, резвился, срывал по слову шапку с головы, подавал поноску как легавая, служил как моська, ласкался и терся как кошка, и шаловливо лягался, если его называли чухонцем».

Автор в рассказе, описывая жеребенка, использует такие **сравнения**, как: *собачонка* (уменьшительно-ласкательный суффикс -онк-), *легавая* (придавая образ лошади как верной собаки), *моська* (сравнение с породой мопса – маленькой комнатной собаки), *кошка* (домашнее животное, которое всегда находится рядом с хозяином и трется об него), *чухонец* (**ЧУХО'НЕЦ**, нца, м. (дореволюц.) [Ушаков 1997: т. 2, 235] пренебрежительное обозначение финна (в разг. речи, напр. в старом Петербурге, могло употребляться и без пренебрежительного оттенка).

Народная речь в рассказе достаточно проста, лаконична, сдержанна, но в то же время точна, поэтому понятна каждому. Несмотря на внешнюю и внутреннюю незамысловатость произведения, используемые в нем языковые средства призваны подчеркнуть простонародный язык повествования и убедить читателя в достоверности описываемых событий.

Эпитеты, которыми рассказчик награждает своего питомца, описывая рост: «она осталась прехорошеньким и презабавным карликом, маштачком». Прилагательные «прехорошеньким» и «презабавным» с префиксом *пре-*, при добавлении к прилагательным образует слова со значением высокой или наивысшей степени интенсивности признака.

Часто используя **ряды однородных членов**, В.И. Даль выразительно показывает быструю смену событий: *стали закладывать... катался... обгонял многих... все дивовались... которая мчится... легко обгоняете...*

В рассказе удивительно красочно работают **противопоставления**: *вообразите же лошаденку в аришин с четвертью, легко обгоняет четырехвершковых бегунов; крошка мой не раз тешил и забавлял праздную, гуляющую толпу Невского проспекта; белизна и блеск их почти не уступали блеску серебряного набора упряжи; вскоре коляска опять объехала савраску и который был пущен шагом, и вслед затем он опять помчался во все лопатки: и барин и кучер глядели зорко на нашего котенка.*

Значительную роль в продвижении идеи рассказа играют вопросительные и восклицательные предложения: *Купи жеребенка! Купи! Чья это лошадь? А что она стоит?*

Таким образом, В.И. Даль придает своему рассказу авторскую оригинальность. Оставаясь повествованием в духе описания жизни простых

людей, рассказ В.И. Даля изображает духовную жизнь русских людей в середине XIX века.

Литература и источники

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – М., 1995.
2. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. – М., 1997.
3. Даль В.И. Повести и рассказы. – Т. 5. – С.-Петербург, 1883. – С. 91-98.

*Голева Н.М.,
к. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ

Аннотация. В статье исследованы паремиологические единицы, аккумулированные в Словаре В.И. Даля, как носители этнокультуры, выражающие фундаментальные понятия русской ментальности, особенности национального характера.

Ключевые слова: паремия, народная мудрость, менталитет, национальный характер, этнокультура

Summary. The article examines the paremiological units, accumulated in the Dictionary of V.I. Dahl, as carriers of ethnic culture, expressing the fundamental concepts of the Russian mentality, features of the national character.

Key words: proverb, folk wisdom, mentality, national character, ethnoculture

«Толковый словарь русского языка» В.И. Даля представляет собой сочетание народной мудрости, энциклопедичности информации, стилистической многогранности, сочности и точности народного языка. Лексикографический материал подаётся с особой любовью к слову, с тщательными трактовками его лексического значения, с богатым иллюстративным материалом, в который мастерски вплетены тематические паремии. «Динамизация современного общества вызвала активизацию национального сознания, а с ним и интерес к такому малому жанру фольклора, как пословицы и поговорки» [Мокиенко 2010: 6]. Паремиологические выражения интересны как носители этнокультуры, как образительно-выразительные средства. В малых жанрах фольклора превалирует кумулятивная функция языка; именно она транслирует культурные ценности, язык при помощи этой функции является хранилищем культуры. Мы обращаемся к этому жанру, чтобы проследить, как В.И. Даль в Словаре взвешенно и спокойно переходит от лексем разговорного характера к грандиозной народной мудрости, выраженной в паремиях.

Обратимся к фундаментальным понятиям русской ментальности и культуры, какими являются **родина, род, родня**: – *И кости по родине плачут. – Коли на девочек род, то войны не будет. – Родня родней, а в горах не лезь. – Родила богатыря, что и отца сбил со двора* [Даль 2006: 566].

Особенности культуры отражаются и в такой родственной единице данной парадигмы, как семья. Это обусловлено тем, что русский человек практически всегда является частью рода, семьи, живёт в коллективе, подчиняется его правилам, ищет среди членов коллектива единомышленников, в трудных ситуациях – помощников. Философ

Н.А. Бердяев указывал, что «русский народ всегда любил жить в тепле коллектива, в какой-то растворённости в стихии земли...» [Бердяев 1990: 14]. В Словаре В.И. Даля понятие *семья* представлено как полный синоним лексемы *семейство*, автор приводит в пример одну поговорку: «*В семье не без урода*» [Даль 2006: 585].

Яркой национальной чертой русского человека является любовь во всех её проявлениях: любовь к родине, к родителям, к согражданам; любовь отеческая, агапе (разумная, призывает делать, а не получать), филия (в основе – дружеские отношения), сторге (семейная), эрос (чувственная, любовь между мужчиной и женщиной).

В Толковом словаре В.И. Даля лексема *любовь* входит в словарную статью глагольной лексемы *любить*. Отметим, что паремий в качестве иллюстративного материала немного: «*Люби, не влюбляйся, пей, не напивайся, играй, не отыгрывайся*» [Даль 2006: 376]. – Употребляется в значении «знай во всём меру». «*Любишь чужую бороду драть, люби и свою подставлять*» [Даль 2006: 376]. – Значение: уме́й принимать критику. «*Старая любовь долго помнится*» [Даль 2006: 376]. – Любовь трактуется в значении *сердечная привязанность, страсть*. В интернет-пространстве нами выявлено около 200 пословиц и поговорок о любви, среди которых синонимичные паремии: – *Насилу не быть милу. И – Насильно мил не будешь. – Любить хоть не люби, а почаще взглядывай. И – Нет лучше игры, как в переглядушки*. Нами отмечены и трансформированные пословицы, в которых отражается веяние времени, отмечается изменение ценностей в настоящее время, наблюдается языковая игра: – *Рублём не подари, только глазком взгляни. И – Лучше рубль дай, а не зря моргай*. Кроме пословиц и поговорок, нами обнаружено около 50 загадок о любви и около 100 примет, суеверий.

В жизни человека важную роль испокон веков играли животные. Во времена первобытного строя они обожествлялись и применялись в ритуалах. Животные близки человеку, постоянно с ним находятся рядом; человек соотносит с ними историческое преобразование, прогресс, развитие цивилизации. С древних времен человек проявлял свое творчество в культовом изображении животных. Большая часть зоопаремий связана с трудовой деятельностью, часто с крестьянским трудом; с нравственными качествами человека и моральными устоями общества. Толкование зоолексем в Словаре сопровождается использованием паремий. Например, **бык**: «*Поживёшь на веку – поклонисься и быку*» [Даль 2006: 96]; **вол**: «*Голова, как у вола, а все вишь мала*» (т.е. глуп) [Даль 2006: 136]; **волк**: «*Уж волк умылся, а кочеток спел*» (светает) [Даль 2006: 136]; **кабан**: «*На медведя идешь, соломки бери* (для подстилки на лабазе), *на кабана идешь, гроб теши* (готовь) [Даль 2006: 302]; **коза**: «*Отдам туда, где козам рога травят* (угроза) [Даль 2006: 328]; **корова**: «*Бодливой корове Бог рог не дает*» [Даль 2006: 340]; **кошка**: «*Позавидовала кошка собачью жизнью!*» [Даль

2006: 346]; **овен** – баран, овечий самец: «*Молодец на овец, а на молодца и сам овца*» [Даль 2006: 429]; **свинья**: «*Кабы свинье бычий рог да конское копыто*» [Даль 2006: 580]. Объектом паремий являются и птицы: **гусь**: «*Ровно у гусака: сердце маленькое, а печенка большая*» (о сердитом человеке) [Даль 2006: 201]; **кур, кура**: «*Напьется, так с царями дерется, а проспится, так и курицы боится*» [Даль 2006: 356]. Образные паремиологические выражения с зоонимами имеют как мелиоративную, так и пейоративную коннотацию. Ср.: «*Кто при первой ласточке умоется молоком, бел будет*» [Даль 2006: 362] И «*У нас такое ремесло, что к собакам занесло*» (о краже) [Даль 2006: 605]. На наш взгляд, отрицательная оценка выражается чаще, в таких паремиях высмеиваются человеческие пороки: трусость, жадность, лесть, леность, лживость. Наблюдаются случаи различных характеристик зоонима в одной паремии: «*Кляча воду возит, лошадь пашет, конь под седлом*» [Даль 2006: 336], где кляча – плохая, изнуренная лошадь, поэтому выполняет несложную работу; лошадь – трудолюбивое животное; полным синонимом этой лексеме является слово *конь* (стар. *комонь*), выносливое, скорое на скаку животное, верховая лошадь. Нами также отмечены паремии с ироничным оттенком, в них употребляется несколько зоонимов: «*Кабы лиса не подоспела, то бы овца волка съела*» [Даль 2006: 370].

Основой устойчивого выражения является образность, поэтому при помощи пословиц, поговорок, загадок, примет передаётся не только содержание лексемы, но и чувства человека, выражается эмоциональная составляющая действительности. К базовым понятиям русского менталитета относятся **добро**: «*За добро злом не платят*» [Даль 2006: 212]; «*Лихо помнится, а добро век не забудется*» [Даль 2006: 212]; **труд**: «*Трудовой грош и перед Богом хорош*» [Даль 2006: 658]; **душа**: «*Душа душу знает, сердцу весть подает*» [Даль 2006: 226]; **истина, правда**: «*Не о ростах речь, коли исто пропало*» [Даль 2006: 300]; «*Правдою жить, палат каменных не нажить*» [Даль 2006: 519]. Сопровождаются паремиями и такие лексемы, как **речь, слово**: «*Речист, да на руку не чист*», «*Не речист, да кафтан борист*» [Даль 2006: 300] (в значении «не умен, да богат»; боры – раструбы по всей длине кафтана, вышитые складки, антоним – гладкий; «бора – сборка, складка, морщина» [Даль 2005: 87]).

Суждения, выраженные в паремиях, характеризуют различные стороны жизни человека, национальный характер, транслируют культурные ценности народа, представляют менталитет определённой этногруппы. При помощи этого малого фольклорного жанра люди передавали свой жизненный опыт, постигали народную мудрость, особенности языка и его семантики, культуру этноса. Пословицы и поговорки делают речь яркой, эмоциональной, образной.

Литература и источники

1. Бердяев Н.А. Судьба России. – Москва: Советский писатель, 1990. – 346 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Москва: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 704 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. – Москва: ЭКСМО, 2006. – 736 с.

Еременко О.И.,
к. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород
Демичева В.В.,
к. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ОБЪЕМ СООТНОСИТЕЛЬНЫХ ЛИЧНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ: ПО МАТЕРИАЛАМ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ

Аннотация. В работе описывается соотношение наименований мужского рода и образованных от них наименований женского рода на материале «Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, а также «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова. Выявлены условия формирования у феминативов значения женскости, мутационного и модификационного значений.

Ключевые слова: агентив, феминатив, лексическая семантика, лексическое значение.

Summary. The paper describes the ratio of masculine and feminine names derived from the material of the “Explanatory Dictionary of the Russian Language” by S.I. Ozhegov and N.Y. Shvedova, as well as the “Big Explanatory Dictionary of the Russian Language” edited by S.A. Kuznetsov. The conditions for the formation of the feminine, mutated and modified meaning are revealed.

Key words: agentive, feminative, lexical semantics, lexical meaning.

Антропологическая направленность современной науки обусловила пристальное внимание лингвистов к личным наименованиям, которые образуют в языке особую категорию – так называемую категорию агентивности.

Категория агентивности включает личные наименования мужского рода (агентивы) и личные наименования женского рода, или феминативы. Агентивы и феминативы способны образовывать в языке родовые корреляции, например, *учитель – учительница, певец – певица* и т.п. И если о причинах появления или отсутствия соотносительных женских наименований написано довольно много, то семантическое соответствие, семантический объем соотносительных личных наименований исследован в меньшей степени.

Семантический объем соотносительных мужских и женских наименований анализировался нами на материале толковых словарей современного русского языка. Объектом внимания стал «Толковый словарь русского языка», авторами которого являются С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова, а также «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова.

Анализ материалов данных словарей показывает, что можно выделить несколько групп личных наименований, которые образуют родовые корреляции.

Первая группа – это соотносительные наименования типа *учитель – учительница, агроном – агрономша, администратор – администраторша, аквалангист – аквалангистка*. Именно подобные феминативы в толковых словарях толкуются как ‘лицо женского пола по соотношению к

соответствующему лицу мужского пола'. Такие наименования полностью соотносительны. В словарях они содержатся в одной словарной статье. Подобные наименования лиц женского пола реализуют словообразовательное модификационное значение женскости. В Русской грамматике – 80, где впервые значение «женскости» было выделено в качестве отдельного словообразовательного значения, были определены условия выделения данного значения: его имеют только имена лиц женского пола по соотносительности с соответствующими именами лиц мужского пола. Такие феминативы, мотивированные соотносительными коррелятами мужского рода, как бы зачеркивают один семантический компонент (мужчина) и добавляют другой (женщина).

В данном случае производящие имена мужского рода не маркированы по признаку пола, и поэтому производные от них имена лиц женского пола можно рассматривать с полным основанием как модификационные структуры.

Однако далеко не все агентивы, от которых образуются женские наименования, являются немаркированными в отношении пола лица. Следующая группа соотносительных наименований – это пары слов типа *певец* ('тот, кто умеет петь, или занимается пением') – *певица* ('та, что умеет петь или занимается пением'), а также пары типа *красавец* – *красавица*, *блондин* – *блондинка*, *брюнет* – *брюнетка*. Такие феминативы в толковых словарях помещены в отдельную словарную статью. *Красавец* – это 'красивый мужчина'. *Красавица* – 'красивая женщина'; *старик* – 'мужчина, достигший старости', *старуха* – 'женщина, достигшая старости'. Наименования лиц мужского пола отличаются от предыдущей группы тем, что они являются маркированными в отношении пола лица (если лексема *учитель* может быть употреблена и в отношении лица женского пола, то словом *красавец* может быть обозначено только лицо мужского пола). К этой же группе будут относиться наименования по национальной и государственной принадлежности (этнонимы), а также слова, называющие лицо по месту жительства (*россиянин* – *россиянка*, *москвич* – *москвичка*).

Соответствующие наименования лиц женского пола (*блондинка*, *грузинка*) указывают на определенные ограничения в реализации структур со значением женскости. В толковых словарях оба члена таких пар толкуются отдельно, то есть значение лиц женского пола объясняется аналогично определению значения имен лиц мужского пола, а не через указание «женскость по отношению к лицу мужского пола».

Однако в подобных наименованиях лиц женского пола толковые словари иногда выделяют значение женскости, что является не вполне обоснованным. Так, в Словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой наименования *красавица*, *блондинка*, *брюнетка* обозначают 'лицо женского пола по соотношению к соответствующему лицу мужского пола', с чем трудно согласиться. Можно говорить о том, что такие имена теряют значение женскости и приобретают различные мутационные значения, так объем

ключевых смыслов у агентивов и феминативов различный. Так, существительное *монахиня* в толковых словарях толкуется как ‘женское к *монах*’. Однако монахи и монахини живут в разных монастырях: монахи – в мужских монастырях, монахини – в женских. *Монах* – ‘член религиозной общины, живущий в мужском монастыре’, а соответственно *монахиня* – ‘член религиозной общины, живущий в женском монастыре’. При таком соотношении у лиц женского пола не может быть выделено значение женскости. Такой же тип соотношений в словах типа *настоятель* – *настоятельница*, *игумен* – *игуменья*, где также у слов женского рода нельзя выделить значение женскости.

Своеобразным характером семантических отношений отличаются члены коррелятивных пар типа *математик* – *математичка*, *историк* – *историчка*, *химик* – *химичка* и т.п. Если слова мужского рода называют ученого, специалиста в той или иной области, то женские наименования употребляются с более узким значением для наименования студенток соответствующих факультетов, преподавательниц. В данном случае имеет место модификационное словообразовательное значение, однако в некоторых случаях словари квалифицируют подобные феминативы по-разному. Так, в Большом толковом словаре под редакцией С.А. Кузнецова у слова *химик* выделены следующие значения: 1. ‘Специалист по химии’. 2. ‘Работник химической промышленности’. 3. ‘Преподаватель химии’. 4. ‘Студент химического ф-та’. Соотносительное слово женского рода *химичка* имеет следующие значения: 1. ‘Химик 1-2 значение’. 2. ‘Учительница. Преподаватель химик в школе, лицее, институте’. Как видим, в одних значениях имеет место мутационное словообразовательное значение, а в других – модификационное.

Еще одной группой являются полностью несоотносительные наименования (*машинист* – *машинистка*, *техник* – *техничка*). К таким наименованиям примыкают также наименования лица женского пола по профессии, должности, званию мужа: *адмирал* – *адмиральша*. Для таких номинаций характерно мутационное словообразовательное значение. Так, в Большом толковом словаре под редакцией С.А. Кузнецова лексема *генеральша* толкуется как ‘жена генерала’ и размещается в отдельной словарной статье.

Однако наименования жены по мужу неактуальны в современном русском языке, они характеризуют прошлый этап словообразования. В современном русском языке такие номинации приобрели новую семантику и стали обозначать лицо по профессии, должности. В результате такой трансформации значения подобные наименования перешли в группу соотносительных наименований.

Материалы современных толковых словарей говорят о том, что ряд феминативов, называющих жену по мужу, приобретя новое значение, продолжают сохранять и прежнюю семантику. Так, лексема *докторша* в современных толковых словарях характеризуется как ‘жена доктора’ и

‘женщина-врач’; а *майорша* как ‘жена майора’; ‘женщина, служащая в армии’. Таким образом, в словообразовательной структуре таких женских наименований имеет место значение женскости.

Своеобразным характером семантических отношений отличаются пара *алиментщик – алиментщица*. *Алиментщик* – ‘лицо, которое платит алименты’, *алиментщица* – ‘женщина, получающая алименты’. Конечно, в этом случае нельзя говорить о значении женскости. Однако алименты могут платить и разведенные женщины, и тогда в структуре слова *алиментщица* может быть выделено значение женскости.

И мутационное, и модификационное значение имеют такие феминативы, как *принцесса, инфанта, королева, царица*, которые являются женскими соответствиями к мужским (модификация) и имеют значение «жена» или «дочь» лица, названного мотивирующим словом (мутация).

Таким образом, материалы толковых словарей позволяют сделать следующий вывод: если существительное женского рода имеет тождественную эмпирическую зону и одинаковый характер отношений с существительным мужского рода, то в нем выделяют значение женскости; если же объем эмпирических зон у них разный, то женские имена теряют значение женскости и приобретают мутационное значение.

Литература и источники

1. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: «Норинт», 1998. – 1536 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь современного русского языка. – Москва: Издательство «АзЪ», 1992. – 960 с.
3. Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). – Москва: Наука, 1980. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 789 с.

Киданова Е.В.,
преподаватель, ОГАПОУ «Белгородский машиностроительный
техникум»
магистрант, НИУ «БелГУ», г. Белгород.
Науч. рук. – Новикова Т.Ф.,
д. пед. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

СЛОВАРЬ-ТЕЗАУРУС УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. ПУШКИНА, ИЗУЧАЕМЫХ В ШКОЛЕ)

Аннотация. В статье рассматривается проблема составления тезауруса архаичной лексики на основе произведений А.С. Пушкина, изучаемых в школе. Представлен пример фрагмента словаря-тезауруса архаичной лексики по повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка».

Ключевые слова: словарная работа, устаревшая лексика, толковый словарь, словарь-тезаурус

Summary. The article deals with the problem of compiling a thesaurus of archaic vocabulary based on the works of A.S. Pushkin, which are studied at school. An example of a fragment of a thesaurus dictionary of archaic vocabulary based on the story of A.S. Pushkin «The Captain's Daughter» is presented.

Key words: dictionary work, obsolete vocabulary, explanatory dictionary, thesaurus dictionary

Толкование слов, лексико-семантический анализ, словарная работа различного объема – все эти формы чрезвычайно важны при анализе

художественных произведений, особенно если эти произведения описывают времена и события далекого прошлого. Конечно же, в первую очередь необходимо обращать внимание школьников на толкование непонятных для них слов и выражений. Чаще всего такими словами являются историзмы и архаизмы, так как они либо отражают ушедшие из активного употребления реалии прошлого (*столбовая дворянка, ямщик, оброк*), либо «непривычно» называют знакомые ученикам предметы и явления (*очи, ланиты, брег, золотая цепь*).

Однако проблема понимания слова в художественном тексте гораздо важнее, чем простое объяснение тех или иных слов. «Первичное, не преследующее цели разобраться в значениях каждого из слов, составляющих текст, чтение дискретно: значения многих слов воспринимаются превратно или вообще не фиксируются, как бы пропускаются. Такое дискретное, механическое чтение вырабатывает пагубную привычку ухватывать лишь самый первый смысловой слой прочитанного – сюжетные перипетии» [Дыханова 2005: 131].

Для более полного усвоения художественного текста школьниками учителю необходимо прокомментировать особенности устаревших деталей быта, образа жизни прошлого, и «эти детали весьма существенны для раскрытия внутреннего и внешнего мира героев, отношения к ним автора, оценок читателей-современников. Комментарий в этом случае выполняет роль моста над пропастью, разделяющей “наше” и “то” время, или очков, которые помогут сегодняшнему читателю разглядеть детали минувших эпох» [Тер-Минасова 2012: 18]. Например, при изучении повести А.С. Пушкина «Станционный смотритель» необходимо разъяснить учащимся толкование многих устаревших слов (*кучер, лакей, сюртук*) и ключевое понятие – *станционный смотритель*. В романе А.С. Пушкина «Дубровский» к числу такой лексики относятся слова: *псарь, стремянной, купчая, корнет, лучина* и др. Приведем толкование некоторых из этих слов: *псарь* – «слуга на псарне, ухаживающий за собаками и участвующий в охоте» [СО: 630]; *стремьянной* – «конюх, ухаживающий за верховой лошастью» [СО: 773]. («Накануне был отдан приказ псарям и стремянным быть готовыми к пяти часам утра» А.С. Пушкин).

При изучении устаревшей лексики принципиально важно обращение к толковым словарям. В данном случае значимо, что современный толковый словарь – не просто справочник, а лексикографическая версия национального языка и, таким образом, источник изучения языка. Именно так толковый словарь должен быть использован в процессе обучения, и лексикографическая интерпретация устаревшей лексики в толковых словарях должна давать представление о таких словах и выражениях как части лексического состава русского языка [Генералова 2019: 372].

Одним из важных этапов словарной работы с текстом является составление тезауруса архаичной лексики на основе произведений

А.С. Пушкина. Это позволит увеличить процент самостоятельной работы школьников при работе с текстом и его анализом. Почему не просто словарь или словник, а словарь-тезаурус? Словарь-тезаурус – это средство описания художественной картины мира, её ядерной части, формирующейся на основе данного текста произведения; это средство изучения смыслового ядра, концептуальной части произведения и той картины мира, которая создается в сознании читателя в процессе глубокого, интенсивного, лингвистического восприятия данного поэтического текста [Казарин 2004: 360].

Приведем пример фрагмента словаря-тезауруса архаичной лексики по повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»:

1. **Адъютант** – «офицер (в некоторых армиях также прапорщик, мичман), состоящий при военном начальнике для исполнения служебных поручений или для выполнения штабной работы».

2. **Алтын** – «три копейки, а также монета в три копейки. *Не было ни гроша, да вдруг а. (посл.). Цена пять алтын. Пять медных алтынов*».

3. **Амбар** – «строение для хранения зерна, муки, припасов, а также товаров. *Амбарный замок (большой висячий замок). Амбарная книга (большая в переплете тетрадь для записей о товарах, припасах)*».

4. **Армяк** – «кафтан из толстого сукна».

5. **Вахмистр** – «в царской армии: унтер-офицерское звание в кавалерии и конной артиллерии, соответствующее фельдфебелю, а также лицо, имеющее это звание».

6. **Верста** – «1) старая русская мера длины, равная 1,06 км. Исчисление в верстах (но: он живет в двух верстах). *Прошел с версту (т. е. около версты). За версту или за версту увидеть кого-нибудь (издали). Семь верст до небес и все (все) лесам (шутл. погов.: 1) о многословной, запутанной речи; 2) о дальней трудной дороге); 2) выкрашенный черно-белыми полосами дорожный столб, отмечающий эту меру. Коломенская верста или с коломенскую версту (разг. шутл.) – о человеке очень большого роста*».

7. **Вестовщица** – (разг.) «любитель рассказывать новости, сплетни, сплетник».

8. **Временщик** – «человек, получивший высокое положение по воле стоящего у власти покровителя».

9. **Гарнизон** – «воинские части, расположенные в населенном пункте, крепости или укрепленном районе».

10. **Горница** – «1) комната (первонач. в верхнем этаже); 2) чистая половина крестьянской избы».

11. **Гребень** – «1) высокая, обычно с украшениями гребенка для поддержания прически, а также (устар.) вообще гребенка (в 1 знач.); 2) то же, что гребенка (во 2 знач.) (спец.). Прядильный гребень; 3) вырост на голове некоторых птиц, пресмыкающихся. Петушиный гребень; 4) верхняя точка, верх. Гребень горы. Гребень волны. Гребень крыши».

12. **Денщик** – «солдат, состоящий при офицере для личных услуг».

13. *Дорожный* – «1) прилагательное к слову «дорога». Дорожная пыль. Дорожные условия. Дорожные впечатления; 2) служащий для дороги, для путешествия. Дорожный костюм. Одеться по-дорожному. 3) находящийся в пути, в дороге (обл. и устар.). Дорожные люди».

14. *Драгун* – «в царской и некоторых иностранных армиях: военный некоторых частей кавалерии (первонач. предназначенных действовать как в конном, так и в пешем строю). *Эскадрон драгун*.

Это лишь эпизод, фрагмент тезаурусного оформления устаревшей лексики на основе повести «Капитанская дочка» (позиции от *А* до *Д*). Такие словари должны быть составлены и по другим произведениям А.С. Пушкина, изучаемым в средней общеобразовательной школе. Мы предполагаем обращение прежде всего к прозаическим произведениям: повесть «Капитанская дочка», «Повести Белкина», повесть «Пиковая дама», роман «Дубровский».

Словарь-тезаурус позволит увеличить процент самостоятельной работы школьников при работе с текстом и его анализом, поскольку в художественном произведении огромное значение имеет словесное окружение, контекст, одно и то же слово по-разному проявляет себя в разных текстах. Только пояснения учителя проблему не решают: должен быть встречный интерес, кропотливая, регулярная работа над словарем художественного произведения самих детей под руководством учителя [Пшегорская 2016: 32].

Таким образом, систематичная работа над устаревшей лексикой на уроках русского языка и литературы рождает в воображении подростков понятные образы, связанные с прошлым. Это помогает школьникам глубже проникнуть в суть художественного слова. Кроме того, работа с устаревшей лексикой расширяет словарный запас и кругозор учащихся, зарождаёт интерес школьников к истории своей страны.

Литература и источники

1. Генералова Е.В. Устаревшая лексика русского языка: вопросы преподавания и лексикографической интерпретации / Е.В. Генералова // Journal of Applied Linguistics and Lexicography. – 2019. – Т. 1. – № 2. – С. 371-380.
2. Дыханова Б.С. Книга для учителя-словесника. 10 класс средней общеобразовательной школы. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2005. – 131 с.
3. Казарин Ю.В. Филологический анализ поэтического текста: Учебник для вузов / Ю.В. Казарин. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 432 с.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 28-е издание. – М., 2012. – 1376 с.
5. Пшегорская О.В. Словарная работа на уроках литературы как средство осмысленного восприятия художественного текста (на примере изучения произведения А. С. Пушкина «Капитанская дочка») / О.В. Пшегорская, Е.М. Шендрикова // Образование и воспитание. – 2016. – № 4 (9). – С. 32-36. – Режим доступа: <https://moluch.ru/th/4/archive/39/1323/> (дата обращения – 05.05.2022).
6. Тер-Минасова С.Г. Роль классических национальных литератур в формировании национальной идентичности / С.Г. Тер-Минасова // Диалог культур в условиях глобализации : XII Международные Лихачевские научные чтения. – СПб., 2012. – С. 18-20.

*Кошарная С.А.,
д. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

СЛОВАРЬ В.И. ДАЛЯ И ЕГО МЕСТО В ИССЛЕДОВАНИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОЙКОНИМИИ

Аннотация. В свете новой научной лингвистической парадигмы оказывается весьма актуальной лингвокультурологическая интерпретация различных культураносных лексических пластов, в частности – ойконимической лексики, транслирующей посредством заключенной в ойконимах культурной коннотации, а также их внутренней формы значимую информацию об этносе, проживающем на данной территории. В этом контексте словарь В.И. Даля органично встроен в современную науку как один из надёжнейших источников и основы научных исследований в области ойконимии.

Ключевые слова: ойконим, лингвокультурология, этимон, Словарь В.И. Даля, Белгородская область

Summary. In the light of the new scientific linguistic paradigm, the linguoculturological interpretation of various cultural lexical layers, in particular, the oikonymic vocabulary, which translates through the cultural connotation contained in oikonyms, as well as their internal form, significant information about the ethnic group living in this territory, is very relevant. In this context, the dictionary of V.I. Dahl is organically embedded in modern science as one of the most reliable sources and foundations of scientific research in the field of oikonymy.

Key words: oikonym, linguoculturology, etymon, Dictionary of V.I. Dahl, Belgorod region

Сегодня в свете новой научной лингвистической парадигмы оказывается весьма актуальной лингвокультурологическая интерпретация различных культураносных лексических пластов, в частности – ойконимической лексики, транслирующей посредством заключенной в ойконимах культурной коннотации, а также их внутренней формы значимую информацию об этносе, проживающем на данной территории. Ойконим репрезентирует сведения культурного характера как в синхронии, так и на уровне этимона, устанавливая языковые и исторические связи между различными источниками ойконимической лексики, между денотатом и референтом (номинаруемым объектом действительности). И в этом опорой оказываются словари, причем не только этимологические, но и исторические, к которым мы с полным правом можем отнести «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля.

В нашей работе мы рассмотрим лишь небольшой корпус белгородских ойконимов, которые репрезентируют лексико-семантический способ образования и тем самым непосредственно выводят нас на производящее имя.

Как справедливо полагают исследователи, лексико-семантический способ образования географических имен является одним из самых старых. Его сущность заключается «в образовании ойконима от имеющегося слова апеллятивной лексики без изменения его структуры, путем создания омонима» [Жиленкова 2012: 102].

При этом в роли апеллятивов могут выступать имена собственные и нарицательные, как общенародные, так и диалектные.

Так, лексико-семантический способ образования характеризует ойконим **Айдар** – название села в Ровеньском районе БО. Свое название село получило по названию реки *Айдар*, на берегах которой оно расположено

(*Айдар* – река в Белгородской области России и Луганской области Украины, левый приток Северского Донца). В словарях и краеведческих публикациях приводятся различные толкования семантики мотивационной основы при единодушном мнении, что такие гидронимы, как *Илэк*, *Ворскла*, *Нежеголь*, *Псел*, *Оскол*, *Айдар* и др., не являются славянскими.

Судя по фонетическому облику слова, оно действительно возникает в силу межэтнических исторических контактов.

Известен тюркский антропоним *Айдар* – мужское имя, распространенное у некоторых тюркских народов – татар, казахов, киргизов, ногайцев, башкир и др. Существует версия, согласно которой данный антропоним образован от тюрк. *Ай* – ‘луна’. Однако история онима позволяет предположить иную этимологизацию.

Известно нарицательное слово *айдар*, зафиксированное в словаре В.И. Даля: «АЙДАР – м. казач. *ардар* ... «круглая казачья стрижка, под верховку, под-чуб, кругло обрубом, не в скобку» | Нестриженная маковка, вопреки обычаю, в Ниж. губ. по Волге» [Даль I: 7], на словарь В.И. Даля опирается и СРНГ, который также приводит значение (Нижегор.) – ‘круглая казачья стрижка, под верховку’ [СРНГ 1: 223]; *айдар* (Казан.) – ‘длинные запущенные волосы на голове’ [СРНГ 1: 223].

Исходя из различных толкований слова в разных тюркских языках, перед нами полисемант (слайд), ср.: у казахов нарицательное *айдар* означает «чуб» – прическа с вихром, которую имели кочевые воины. У калмыков слова *айдар* означает «коса на лбу». По-монгольски *айдар*, *гайдарь* – «всадник, скачущий впереди». Это был воин-конник, который первым принимал на себя удар врага.

Э.М. Мурзаев указывает, наряду с этим, еще одно значение: «**АЙДАР** – букв. ‘чуб’, ‘коса’. **В географии:** «возвышенность, обычно с большой кучей камней, сложенной на самой вершине в виде конуса» (тюрк.). Термин часто употребляется в топонимии Казахстана [Конкашпаев 1951]. Ср. хакас. *айдар* – ‘возвышенность с кучей камней на вершине’. Слово известно в рус. диалектах Поволжья в значении ‘особая стрижка волос’ [СРНГ 1965: 1]. ◊ Айдарлы (с чубом, чубастый) в Западном Казахстане и других местах; солончак Айдар на юге пустыни Кызылкум; р. Айдар – л. пр. Северского Донца» [Мурзаев 1984: 41].

Полагаем, что в данном слове объединились несколько направлений развития метафоры / метонимии:

айдар – «возвышенность» > «особая форма прически, чуб, коса» > «тюркский воин-кочевник, имеющий такую прическу» > «мужское имя собственное (воинское, ханское)»;

айдар – «возвышенность» > (метонимия) «гидроним – название реки, берущей начало с такой возвышенности» > «омонимичный ойконим».

Можно полагать, что название реки *Айдар*, протекавшей на подконтрольной воинам-кочевникам территории, было унаследовано

славянами от кочевников, а восходящее к гидрониму наименование населенного пункта *Айдар* образовано самими славянами.

Думается, что слово, характеризующее воина-степняка, проникает на Юг России через посредство украинского языка, а слово распространяется совместно с культурным фактом. Как полагает Лазарь Захарович Будагов, вполне возможно, что у славян *айдаром* стали называть мужчину, у которого была иная прическа, нежели было принято у славян. На наш взгляд, значение 'круглая казачья стрижка' вряд ли можно считать первичным. Впоследствии такие прически распространились у казаков Запорожской Сечи. Аналогичная прическа известна также под названием *оселедец* – символ запорожских казаков: мужчины оставляли часть волос на макушке, остальные пряди сбрасывали. Носить его могли только те казаки, которые участвовали в сражениях и отличились доблестью. Молодые же, только-только вступившие в казачью общину, носить чуб на голове не могли. Юнцов коротко стригли, как правило, «под горшок». Со временем волосы казака всё укорачивали и укорачивали, пока на голове не оставалась лысина с чубом. Чуб запорожского казака был не просто причёской и напоминанием о храбрости в бою. Он был признаком того, что казак не забыл о своей вере и чтит её. И донские казаки считали, что с потерей чуба они теряют и свою веру, и им теперь не спастись из ада.

В этой связи маловероятна этимологизация мужского имени *Айдар* как «лунный юноша», хотя, исходя из принципа множественной этимологизации, постулируемой О.Н. Трубачевым, мы не можем абсолютно отрицать ее.

От нарицательного существительного *айдар* (или имени собственного *Айдар*) образована фамилия (и псевдоним писателя) *Гайдар*, где первый согласный возник как протетический (видимо, через диалектный вариант протетического γ-фрикативного в южнорусских говорах).

Заметим, что в Гагаузии (в южной Молдавии), а также в Акмолинской области Казахстана существует село *Гайдар* (ойконим с протетическим согласным).

В то же время нарицательного слова *гайдар* в словаре В.И. Даля нет, вероятно, это связано с относительной неполнотой словарной базы, либо это более позднее образование.

В целом перед нами тюркское заимствование, возникшее на пересечении этносов и культур.

Заметим, что и слово *казак* происходит от тюркск. *kazak* – 'свободный, независимый человек, искатель приключений, бродяга'. Словарями, начиная с XIV века, фиксируется др.-русс. КОЗАКЪ.

Таким образом, ойконим очерчивает нам определенный круг этнокультурных контактов и семантических трансформаций слова.

Возможно, тюркским по своему происхождению является и ойконим **Короча** – город в БО. Ойконим *Короча* восходит к омонимичному названию реки: город расположен на реке *Короча*. Если предположить тюркское

происхождение (что характерно для данной территории), то первоначальный облик гидронима следует восстанавливать как *Карача* – тюркск. ‘чёрная (грязная) вода’. Полагают, что река была трудно проходима для наездников, чем могло быть обусловлено наименование. В то же время существует народная этимология, связывающая наименование реки с прилагательным *короткий*: краеведы-любители полагают, что устаревшим наименованием водоема является река Короткая, тем не менее еще в эпоху строительства Белгородской оборонительной черты, при Петре I, река упоминается в документах как *Короча*. Поскольку однозначной версии на сегодняшний день не существует, приведем еще одну, основанную на данных словаря В.И. Даля, где упоминается диалектное слово КОРОЧЬ ж. – «сеть мешком на обруче, с крыльями, разставляемая по рекам на уток» [Даль II: 169].

Название села **Нежеголь** демонстрирует тот же лексико-семантический способ словопроизводства. Село стоит на реке *Нежеголь* – одном из крупных притоков Северского Донца. Гидроним *Нежеголь* – финно-угорского происхождения со значениями ‘налёт, осадок’ > ‘тинистая река’. Вероятно, угры, оставившие на территории региона свои языковые «меты» (ср. белгородский ойконим *Венгеровка*), отразили в названии реки её природную особенность.

Однако не только заимствованная ойконимия требует от исследователей интегративного лингвокультурологического анализа, при котором языковые «версии» верифицируются посредством собственно культурологических изысканий. Даже, казалось бы, вполне прозрачные онимы на поверку могут вызывать этимологические разночтения.

Например, ойконим **Плотва** (хутор в Волоконовской районе БО), по мнению И.И. Жиленковой, относится к группе однокоренных названий, обозначающих особенность рельефа местности: *плота*, *плотва* (апеллятив *плота* – ‘лог, балка, раздол’), и потенциально может восходить к праславянскому диалектизму **plota*, распространённому в Черноземье или – как гидроним – в районах рек Сейм, Ока [Жиленкова 2012: 27]. Многочисленны составные гидронимы от данного апеллятива: с. *Плота* (Прохоровский район БО), д. *Ржавая Плота*, с. *Лецинская Плота* (Курская область) и др. Заметим, что данное существительное возводится О.Н. Трубачевым [Трубачев 1994: 9] к праславянскому корню **plъt-*, от которого образовано и слово *плот* – ‘средство передвижения по воде’, откуда апеллятив **плота*, зафиксированный В.И. Далем в значении ‘овраг’ с пометой «воронежское» [Даль III: 128].

В то же время, по нашему мнению, здесь возможна и иная этимологизация ойконима *Плотва*. Так, известно, что в Волоконовском районе Белгородской области протекает река *Плотва*, левый приток реки *Волчья*. Образование ойконима от гидронима – традиционный способ образования в области топонимики (но не наоборот). Таким образом, наименование хутора может являться результатом своеобразного

«метонимического переноса» (по смежности): *река Плотва => хутор Плотва*.

Что касается «дальнего» производящего имени, то наименование реки *Плотва* вполне может восходить к нарицательному существительному *плотва* – ‘пресноводная рыба семейства карповых’. Гидронимы нередко отражают природные условия существования этноса, характер флоры и фауны.

К тому же, в подобных наименованиях рек находят отражение древние мифологические – тотемистические – воззрения, например: «*р. Тетерев, р. Медведица* (названия правых притоков Днепра), *р. Уж* (бассейн Припяти), характеризующие область древнейшего распространения восточных славян, предполагаемую в качестве их европейской прародины» [Кошарная 2002: 67], ср. также суффиксальный гидроним *р. Волчья* (< волк), от которого образуется один из белгородских ойконимов (*Волчья Александровка*).

Значимым лексическим пластом, генерирующим многочисленные ойконимы, является диалектная лексика. И здесь словарь В.И. Даля, наряду со словарями народных говоров, становится для исследователя настольной книгой.

Например, влияние диалектов на ойконимическую систему проявляется в таких наименованиях, как **Раздол** – посёлок в Ракитянском районе БО. Ойконим возникает на базе диалектного апеллятива *раздол* – «долина, лог, дол, разлог, равнина в долу, меж гор» [Даль IV: 27]. Соответственно, наименование отражает ландшафтные особенности местности.

В этом же ряду могут быть упомянуты белгородское село **Россошь** в Валуйском районе и одноименный город в соседней Воронежской области. Оба ойконима восходят к омонимичному наименованию реки, на которой расположены, – река *Россошь*: белгородское селение возникло «в 1859 году в Валуйском уезде» – «на большом проселочном тракте от города Валук на слободу Ровеньки» как «деревня владельческая *Россошь (Ростошь)* при речке *Россоши*» [Осыков 1990]. Производящий гидроним, видимо, восходит к диалектизму слову *рассоха* – «место разветвления, раздвоения дороги, пути, реки» [СРНГ 34: 63; 219-220]. Как указывает В.И. Даль, *разсоха* – не только раздвоенная соха, раздвоенный конец чего, но и разбившаяся надвое дорога: «дорога разохой пошла, разошлась на две дороги, под острым углом»; «разсоха реки, сев.-вост. разречье, вернее два притока, две речки, которые сливаются под острым углом; зовут разохой» [Даль IV: 48-49].

То есть ойконим маркирует место слияния двух рек и образуемую ими развилку. Так, известно, что и воронежский город *Россошь* располагается на развилке рек *Черная Калитва* и *Сухая Россошь*.

Название хутора **Колок** (Чернянский район БО) восходит к апеллятиву *колок* – ‘отдельная рощица, лесок’, ‘сырое болотистое место в пади, поросшее кустарником’ [СРНГ 14: 162]. Согласно словарю В.И. Даля,

«КОЛОК м. – вост. отдельная рощица, лесок или лесной остров; кустарник на сухом, непоемном месте; астрах. камышевый островок» [Даль II: 140]. В.И. Даль приводит поговорки с данным нарицательным наименованием: «*Вызвал волка из колка. Не вызывай волка из колка! Бьют волка и в чужом колке. Есть волки и в нашем колке*» [Даль II: 140].

Оттолкнувшись от ойконима мы, благодаря словарным данным, реконструируем историю, в том числе языковую и ландшафтную историю нашего края.

Таким образом, ойконимическая лексика оказывается своеобразным текстом культуры, отражающим историю народа и вбирающим этнокультурные знания о мире.

При этом материалы словаря В.И. Даля не только дают нам ответы, но и ставят перед исследователями новые вопросы, требующие дальнейших размышлений, привлечения нового материала, что дает нам право утверждать, что словарь В.И. Даля удивительно органично встроено в современную науку как один из надёжнейших источников и основы научных исследований в самых разных областях лингвистики.

Литература и источники

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1992.
2. Жиленкова И.И. Топонимы Белгородской области (системный лингвоанализ названий населенных пунктов): Учебное пособие по лингвокраеведению. Издание второе. – Белгород, 2012. – 124 с.
3. Кошарная С.А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. – Белгород: Изд-во НИУ «БнлГУ», 2002. – 288 с.
4. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.
5. Осыков Б.И. Белгородский алфавит (Краткий краеведческий справочник). – Воронеж: Центр. – Чернозем. изд-во, 1990. – 208 с.
6. Словарь русских народных говоров / Академия наук СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. – М.: Наука; Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1965.
7. Трубаев О.Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // Этимология 1994-1993. – М., 1994. – С.3-23.

*Левина Э.М.,
к. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

СЕМАНТИЗАЦИЯ ЛЕКСЕМЫ «ХРАМ» В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Аннотация. В статье проанализирована семантическая структура лексемы «храм». С помощью материалов Национального корпуса русского языка проиллюстрировано, как в русских художественных текстах реализованы отдельные компоненты семантической структуры данной лексемы, в том числе индивидуально-авторские смыслы, отражающие художественную картину мира автора.

Ключевые слова: религионим, семантика, смысл, индивидуально-авторская картина мира, Национальный корпус русского языка

Summary. The article analyzes the semantic structure of the lexeme “temple”. Based on materials from the Russian National Corpus, it is illustrated how particular components of the semantic structure of this lexeme are realized in Russian literary texts, including individual author’s meanings that reflect the artistic world view.

Key words: religion words, semantics, meaning, individual author’s world view, Russian National Corpus

В настоящее время в лингвистической литературе наблюдается интерес к изучению религиозной лексики, что связано с активизацией религиозной

жизни общества, а также с возвращением религионимов в активное употребление. В центре нашего исследования находится лексема *храм* и ее семантика в русском художественном творчестве. Весьма часто лингвисты обращаются к изучению экклезионимов [Коренева 2013:12], которые представляют собой отдельный ономастический пласт, не входящий ни в одну из групп имен собственных. Лексема *храм* в структуре экклезионима – «номенклатурный термин, т. е. такая единица, которая выполняет конструктивную функцию и сама не является именем собственным» [Лукина 2014: 15]. Данное слово является составной частью религиозной лексики и образует семантическую группу «наименование места для богослужения» [Тимофеев 2001]. Лексема *храм* может употребляться в различных дискурсах, однако основной функциональной сферой ее является религиозная. Исследование проведено на материале текстов Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

Слово *храм* является заимствованием из церковнославянского *храмъ* (древнерусское *хоромъ*), которое восходит к общеславянскому **chormъ* – ‘дом’ [Фасмер 1987: 273]. По внешнему своему виду храм представляет собой корабль, в котором верующие спасаются от суеты житейской и вечной гибели.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля выделяет два значения [Даль]: 1) устар. «*хоромы, жилой дом*»; 2) «*здание для общественного богослужения, всякого исповедания; церковь*». В современном русском языке слово *храм* обладает следующей семантикой: 1) «*здание, предназначенное для совершения богослужений и религиозных обрядов*»; 2) высок. «*о чем-л., внушающем чувство глубокого почтения, благоговения*» [Ожегов 2009: 868].

Таким образом, наиболее древним компонентом в структуре слова *храм* является сема «*дом/здание*», которая с течением времени переживает переосмысление. Значение «дом» как место, предназначенное для жилья, утрачивается, и остается понимание храма как особого места общения и единения человека с Богом.

Отметим поэтические строки, сохраняющие древний компонент в структуре слова.

1. «дом»: в коммуникативном сознании любого христианина храм – это особое место, готовое принять любого в любой момент его жизни независимо от глубины и степени его веры, это место, куда приходят за успокоением, умиротворением, место, где каждый находит душевное спокойствие.

«Не колоннад обманчивый устой, // не портиков позорная резьба: // храм подлинный есть дом простой, // без красного угла изба...». (А. Гингер. *«Не колоннад обманчивый устой...»*).

«Я покидаю дом, как старый храм, // Где совершалась тайна очищенья, // Где сброшен был тряпичный этот хлам // Моих греховных дум». (Т. Олейникова. «Я покидаю дом...»).

Обратимся к значениям, которые обнаруживаются в семантической структуре лексемы *храм* в русском художественном творчестве.

2. «место богослужения»: наименования церковных помещений, сооружений (храмов, церквей, монастырей и т.д.) служат особым знаком присутствия Бога. Религионимы-локативы репрезентируют пространственный континуум бытия религиозного человека и могут быть представлены синонимическим рядом *храм, церковь, собор*. Семантические различия наименований церковных помещений отражают различное назначение сооружений: **храм и собор** в какой-то мере можно считать синонимами – в обоих зданиях проводятся служения, совершаются таинства. Однако храм и собор отличаются более высоким статусом, в нем хранятся мощи святых. **Церковь** – помещение, с одной стороны, предназначено для проведения служений, а с другой стороны – простое собрание верующих в любом месте, даже не приспособленном для молитв и пения:

«Там храм Матери Чудотворной» (А. Вознесенский. «"Авось" называется наша шхуна...»).

«Она жива, жива Россия – / Снега. Крещение. Купола. / Стою один в просторном храме. / Небесный хор сошел с высот». (И. Чернухин. Русские колокола).

Храм многолюдный, дуб уединенный – // тревожат, мучат, из ума нейдут (Б. Ахмадулина. Прегрешения вольныя и невольныя: «Уж сколько раз воспет мной час четвертый...»).

3. «человек, народ»: человек как венец творения становится местом присутствия Бога, неким вместилищем Божественной Благодати.

«Народ что храм // И души что свечи, зажигающиеся друг от друга». (Г. Н. Айги. «Народ что храм»).

4. «наука, искусство»: лексема *храм* может быть использована для обозначения науки и искусства. Языковой образ создается с помощью единиц, которые используются обычно для образного осмысления действительности (актуализация семы 'сфера высоких духовных ценностей') и как место очищения и спасения души (актуализация семы 'служение высоким помыслам'). Православный храм объединяет в себе несколько видов искусств: архитектура храма, фрески – настенная роспись, иконы, искусство музыкальное – пение молитв, церковная утварь, церковные облачения, искусство церковной службы как некоего театрализованного символического действия, где каждое движение должно о чем-то свидетельствовать и сообщать молящимся, молитвы, несомненно, относятся к образцам поэтического искусства.

Останется сей храм наук, // наполненный гурьбой задорной, // из страшных герценовских мук // последнюю и смехотворной (Б. Ахмадулина. «Осенний день, особый день...»).

А впрочем, // концертный зал на тыщу с лишним мест // не так уж безнадежен: это – храм, // и храм искусства (И. А. Бродский. «Остановка в пустыне»).

Литература? Храм сей свят. // Недопустима здесь фривольность, // А то от церкви отлучат // За еретическую вольность (А.А. Баркова. «Одна... Хотя бы человечка!..»).

Это, наверно, был храм поэзии: // яркое чувство, дерзкая мысль (Н.Н. Асеев. Небо).

Театр для нас – ежевечерний храм (М. Вега. Петербург).

Кто не идет в университет как в храм науки, тот идет в него как в преддверие карьеры (Д.И. Писарев).

Наша литература – наша гордость, лучшее, что создано нами как нацией. В ней – вся наша философия, в ней запечатлены великие порывы духа; в этом дивном, сказочно быстро построенном храме по сей день ярко горят умы великой красоты и силы, сердца святой чистоты – умы и сердца истинных художников (М. Алексеев).

5. «природа»: человек сам по себе является основной частью природы, они единое целое, и человек должен относиться к природе, входить в нее с глубокой верой и уважением. Лексема *храм* выступает в значении «что-то высокое, внушающее чувство глубокого почтения, благоговения».

Ночь, суровая сподвижница, // Воздвигает белый храм (Л.Н. Мартынов «Мне зимою легче пишется...»)

Полночь мая – белая синица, // Майский город – храм без потолков. (Р.Ч. Мандельштам. Белая ночь).

По сырým вечерам // и в туманные ночи апреля // Этот город – как храм (Д.Л. Андреев. Александру Блоку).

6. «вера»: подобную трансформацию прямого значения, реализацию новых смысловых приращений лексемы *храм* наблюдаем в русском художественном творчестве. Лексема *храм* становится символом веры в Бога, её обретения.

«Вьется среди цветов тропинка узкая, // нас она до храма доведет». (Н. Дроздова).

«...Рухнет храм старой веры и создастся новый храм истины» (А. Булгаков. Мастер и Маргарита).

«Мне захотелось представить это в реальности, а единственная знакомая мне реальность – мир самого вымышленного города на свете, где все может (могло) быть, где, в конце концов, живут вместе православные храмы, костел, мечеть, синагога и буддийский храм» (Е. Шварц. Соседи помогают друг другу : «В бывшем доходном доме...»).

7. «любовь»: лексема *храм* может быть использована как перифрастическое наименование для чувства любви. Образ создаётся с помощью языковых единиц, которые используются обычно для описания храма как архитектурного сооружения (актуализация семы «прочность,

нерушимость») и как место очищения и спасения души (актуализация семы «страдание, жертвенность»). В контексте осуществляется перенос указанных семантических признаков, что позволяет автору репрезентировать любовь не только как постоянное, прочное, бережно хранимое человеком чувство, но и как чувство, которое подвергается испытаниям, требует от человека определённых жертв.

Но никому меня на целом свете // Не попрекнуть за чистый жар любви, // За то, что не разрушит град и ветер // Храм этот, возведённый на крови. (Т. Олейникова).

И в сердце проносились зовы, // И видел я тогда душой // Чистейший храм святыни новой, // Святейший лик любви земной (Л.В. Гроссе. Она).

8. «родина, пространство»: народ увековечивал знаменательные события своей истории, воздвигая храмовые сооружения. В русском художественном творчестве наименования христианских артефактов (например, мест богослужения, церковных праздников и т.п.) могут быть представлены в одном контексте и репрезентировать как временной, так и пространственный континуум. Данная группа религиозной лексики участвует в формировании лексико-семантического поля, вербализующего концепт «Родина». Как одно из важных ценностных ментальных образований, концепт «Родина» выражает у писателя глубокую привязанность героев к родной земле. Родина ассоциируется не только с местом, где он родился, с детством, но и с храмами и церквями.

«Я здесь на родине: во всякие часы дня могу смотреть на места, где провел свое детство; там я родился, тут, ближе, Софьино, где я воспитывался; здесь Коломенское, а здесь золотоголовая Москва с ее храмами и белокаменными палатами, с ее святынею и благолетием» (И. Лажечников. Последний Новик).

«Я уходила в Киевскую Русь, // Как в подростковую большую грусть, – // По косогору, к храму у моста, // До пустоты Великого поста...»; «Она жива, жива Россия – / Снега. Крещение. Купола. / Стою один в просторном храме. / Небесный хор сошел с высот» (И. Лажечников. Последний Новик).

Неоднократное использование религионима *храм* в качестве средства создания и выражения языкового образа говорит о его значимости в русском художественном творчестве, о богатом потенциале для вербализации концептов.

Для концептуализации действительности автор продуктивно использует семантический потенциал религионима *храм*: в текстах представлено как общезыковое употребление религионима, так и индивидуально-авторское, которое создаёт условия для возникновения дополнительных образных смыслов и функционирования словоформы в качестве языкового образа. Благодаря семантическим возможностям (прямому и переносному значению, актуализации сем в структуре

словоформы), потенциально многомерному смысловому содержанию религиозным *храм* может выступать как языковой образ.

В рамках художественной картины мира религиозно отмеченными оказываются не только вербализации элементов религиозного мировидения, но и другие концепты национальной культуры, идейно сопряженные с концептуальным полем РЕЛИГИЯ («Родина», «Любовь», «Духовность» и т.п.). Такое сопряжение отражает особенности индивидуально-авторской религиозной картины, обогащает поэтический текст новыми смыслами и ассоциациями, способствует выразительности.

Многочисленные номинации русских селений по наименованию возведённых храмов, церковных праздников, евангельских персоналий позволяют утверждать, что репрезентанты концепта «Религия» находят множественное отражение и в топонимике (с. *Рождественское*, с. *Богородицкое*, с. *Троицкое* и г. *Троицк*, с. *Спасское* и под.).

На основании словарных дефиниций мы можем в целом представить *храм* как религиозное архитектурное сооружение, предназначенное для богослужения. Наиболее полно семантика слова реализуется в контексте. Нами приведен далеко не весь спектр значений, реализующихся в русском художественном творчестве. На материале рассмотренных примеров видим, что лексема *храм* обладает многомерной семантикой, это связано, прежде всего, с принадлежностью слова к религиозному дискурсу. Для понимания полного представления о семантике данной лексемы очень важно обращение к реализации семантики слова в различных типах текстов.

Таким образом, обращение к русскому художественному творчеству позволяет установить значения, благодаря которым лексема *храм* не просто становится языковой единицей, а обретает статус лингвокультурного феномена.

Литература и источники

1. Коренева Ю.В. Онимы в концептосфере преподобнического жития // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Рус. филология. – 2013. – № 3. – С. 11–15.
2. Лукина О.А. Экклезионимное пространство Беларуси: моногр. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2014. – 110 с.
3. Национальный корпус русского языка. 2003–2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ruscorpora.ru (дата обращения – 01.05.2022).
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. – Москва: ИНФОТЕХ, 2009. – 944 с.
5. Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля. – Режим доступа: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=42514> (дата обращения – 20.05.2022).
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 (Т–Ящур) / пер. с нем и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. – Москва: Прогресс, 1987. – 864 с.
7. Тимофеев К.А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения / К.А. Тимофеев. – Новосибирск: НГУ, 2001. – 88 с.

*Лопина М.Р.,
аспирант, НИУ «БелГУ», г. Белгород.
Науч. рук. – Липич В.В.,
д. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

«ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ КАК СРЕДСТВО В ПОНИМАНИИ ЧЕЛОВЕКА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XIX СТОЛЕТИЯ

Аннотация. Статья посвящена лексикографическому наследию В.И. Даля, в основу которого легли его изыскания в области этнографии, фольклористики, повседневной культуры русского человека начала XIX столетия. Делается попытка схематически представить раскрытую В.И. Далем картину мира русского народа, нашедшей выражение в русском языке, отражающем традиционные ценности российской культуры.

Ключевые слова: слово, язык, речь, русский человек, картина мира, традиционные ценности, русская культура

Summary. The article is devoted to the lexicographic heritage of V. Dahl, which is based on his research in the field of ethnography, folklore, everyday culture of the Russian people of the early XIXth century. V. Dahl reveals the world view of the Russian people, which found expression in the Russian language, reflecting the traditional values of Russian culture.

Key words: word, language, speech, Russian person, world view, traditional values, Russian culture

Язык – это не только «знаковая система, используемая для целей коммуникации и познания» [Философия 2004], но и «инструмент мышления» [Философия 2004], насыщающий действительность смыслами, выступающий ее отражением. Каждая вещь, каждый предмет, каждое явление названы словом.

В.И. Даль утверждает: «Слово – это исключительная способность человека выражать гласно мысли и чувства свои; дар говорить, сообщаться разумно сочетаемыми звуками; словесная речь» [Даль 1998: 221]. Приведенное в «Словаре» высказывание К.С. Аксакова: «Человеку слово дано, скоту немота. Слово есть первый признак сознательной, разумной жизни. Слово есть воссоздание внутри себя мира» [Даль 1998: 221] – раскрывает ключевое значение слова для человека. А.С. Шишков также подчеркивает главное отличие людей от всего живого, именно как существ, выражающих свои мысли словами, выстраивая линию «человек» – «слово»: слово – словек – человек – человек. [Шишков 2020: 84] В «Словаре» В.И. Даля также подчеркивается эта мысль: «словесное существо – это разумное, одаренное речью, словом, человек». Осознание человеком своей действительности, по мнению А.С. Шишкова, выражается словом «язык», так как это слово можно разделить: «я – зык», – и расшифровать – «я звучу». То есть речь человека – это не только главная особенность, выделяющая его из всего живого мира, но и отражение его миропонимания. Слово исходит не столько из разума, сколько из сердца, поэтому о духовном мире человека, образе его жизни можно составить представление, проанализировав его речь.

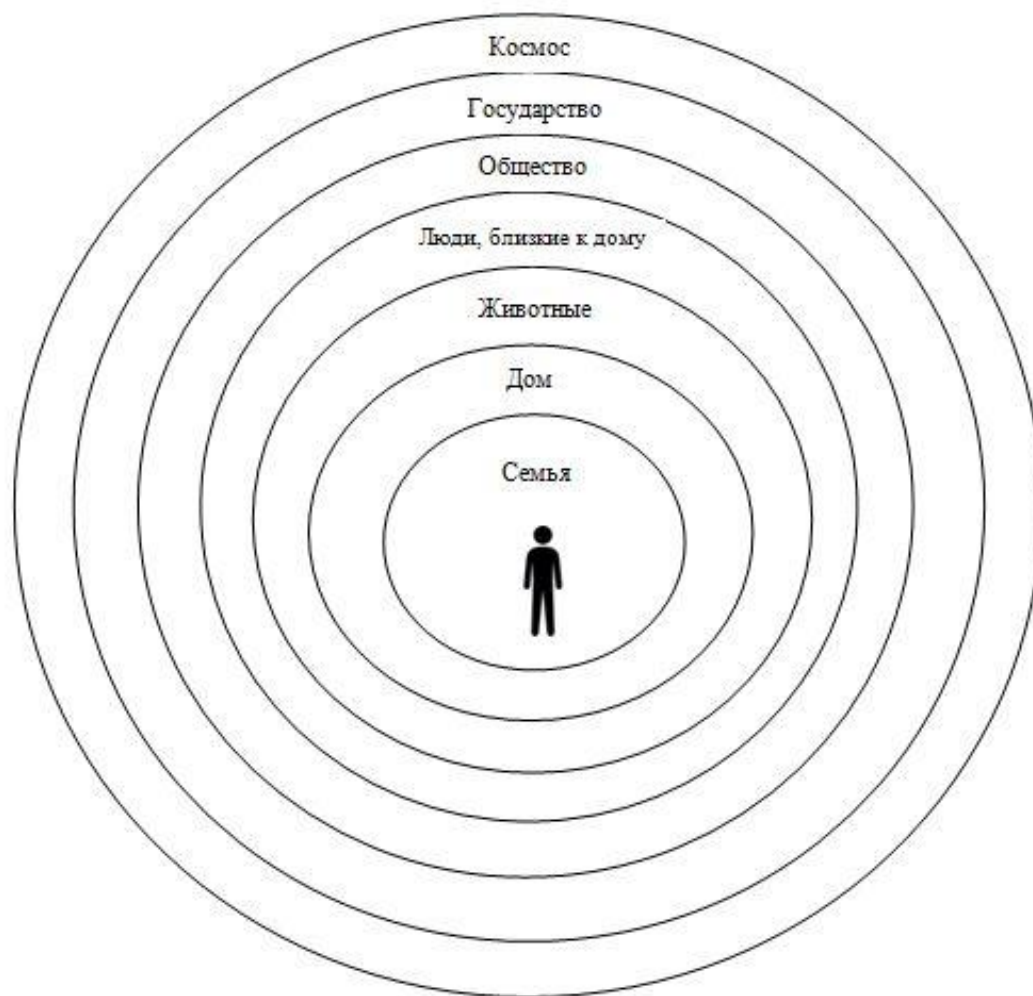
Каждая эпоха пронизана характерными сложившемуся быту словами. Основные идеи, живущие в обществе, религиозные взгляды, культурные достижения отражаются в языковой реальности того или иного столетия. С

переменами, неизменно происходящими из века в век, меняется и язык: речь людей насыщается новыми выражениями или теряет какие-то понятия. Язык, как явление, постоянно претерпевающее изменения, требует фиксации. Сохранившиеся литературные памятники, словари – лучшие хранители живого слова. Важность сохранения живого языка, то есть использовавшегося в повседневной речи, осознал еще в XIX веке В.И. Даль – русский писатель, этнограф, собиратель фольклора. В.И. Даль интересовался жизнью русского народа, его бытом, духовным и материальным миром. За свою жизнь он собрал множество слов, дал им толкование. Главным его трудом стал крупнейший словарь русского языка – «Толковый словарь живого великорусского языка», не имеющий аналогов по сегодняшний день. В понимании В.И. Даля слова являются «осязаемой связью, союзным звеном между телом и духом» [Миронова 2002: 208], выражающей жизнь человека во всех ее проявлениях. Являясь не столько филологом-собираателем, а этнографом, В.И. Даль, составляя «Словарь», а также и другой немаловажный труд – «Сборник пословиц и поговорок», воспроизвел сознание русского общества XIX века. Гнездовой тип «Словаря», а также нехарактерная для подобных работ того времени структура «Сборника пословиц...» – деление на тематические разделы – определили широкое назначение этих трудов. Их читали и читают не только специалисты в области языкознания, но и переводчики, литераторы, а также люди, любящие родную русскую речь, родную русскую культуру, как и автор словаря.

Мир, который окружал В.И. Даля, жившего в XIX веке, имеет определенную иерархию, которую можно представить в виде слоеного шара, ядром которого является сам человек (схема).

Слои предствленного на схеме мира выстроены согласно их пространственному расположению, но для человека важность того или иного слоя может быть иная.

В «Сборнике пословиц...» у В.И. Даля тематические разделы определяют систему авторитетов для человека той эпохи: религия, закон, общество и государство, ученость (наука), повседневная мораль (практическая деятельность), личность, общественное мнение и словесность (заветы, данные в пословицах, поговорках, сказках и песнях). Представлены также категории оценки мира: положительное и отрицательное; пространственное восприятие; обычное и необычное; описание будней и праздников, дней, месяцев, времен года; истинное и ложное; различное и сходное.



Схема

В «Словаре» же, заключающем в себе более 200 000 слов, демонстрируется «живое слово» современника В.И. Даля, его религиозные взгляды, знания государственного и общественного устройства, семейный уклад. Приведенные в словарных статьях загадки, пословицы, поговорки расширяют представление о приводимом слове, а также отображают разнообразие, неоднородность и величие русского языка, являясь «самым полным выражением национального образа жизни, кристаллизацией национальной мысли» [Миронова 2002: 210].

Можно сказать, что речь человека – это языковая реальность, центральное место в которой занимает человек, миропонимание, мировоззрение которого будет формироваться с первых дней жизни через слово. Эпоха, которая выражена в языке, опыт многих поколений, а также особый взгляд целого народа на мир будут обязательно отражены в его сознании.

Образ русского человека XIX столетия, его картину мира можно представить, согласно приведенным сведениям в «Словаре...» и «Сборнике пословиц...», следующим образом:

Человек
Космос
Государство
Семья
Дом
Общество
Люди, близкие к дому
Животные [Шуйская 2002: 231].

Данная иерархия может претерпевать изменения в течение жизни человека, так как картина мира – динамичное явление. Но в целом она статична, так как в ее основе лежат традиционные ценности, во многом обусловленные передаваемыми из поколения в поколение религиозными воззрениями.

Очевидно, что наследие В.И. Даля позволяет создать собирательный образ русского человека XIX столетия, составить представление об эпохе и услышать ее «звучание», так как понимание культуры начинается с осмысления ее языка.

Литература и источники:

1. Миронова Т.Л. Владимир Иванович Даль как этнограф / Т.Л. Миронова // В.И. Даль и Общество любителей российской словесности: Сборник / Отв. ред. В.П. Нерознак. Сост. Р.Н. Клейменова. – СПб.: «Златоуст», 2002. – С. 208-212.
2. Слово // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т.4 / В.И. Даль. – Репр. воспроизв. изд. 1912-1914. – Москва: Цитадель, 1998. – С. 221.
3. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/articles/1492/yazyk.htm> (дата обращения – 15.04.2022).
4. Шишков А.С. Славянорусский корнеслов / А.С. Шишков. – Москва: Концептуал, 2020. – С. 84.
5. Шуйская Ю.В. «Пословицы русского народа» В.И. Даля как отражение структуры сознания общества середины XIX века / Ю.В. Шуйская // В.И. Даль и Общество любителей российской словесности: Сборник / Отв. ред. В.П. Нерознак. Сост. Р.Н. Клейменова. – СПб.: «Златоуст», 2002. – С. 222-234.

Мальцева Г.Ю.

к. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ЛЕКСЕМА «КРУГ» В НАБОКОВСКОМ ДИСКУРСЕ: СИНХРОНИЧЕСКИЙ И ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию игровой поэтики творчества В.В. Набокова. Автор предлагает приёмы смыслового декодирования текста с опорой на прямое и переносные значения, внутреннюю форму, этимологию, ассоциативные связи ключевого слова.

Ключевые слова: игровая поэтика, художественный дискурс, В.В. Набоков

Summary. The article is devoted to the study of the ludic poetics of V.V. Nabokov. The author suggests methods of semantic text decoding based on direct and figurative meanings, internal form, etymology, associative links of the key word.

Key words: ludic poetics, artistic discourse, V.V. Nabokov

Известный ученый А.М. Люксембург, разработавший понятие игровой поэтики, изучая творчество В.В. Набокова, выделил три разновидности лабиринтизма: лингвистический, аллюзивный и структурный. Отметим, что в

его набоковедческих исследованиях подробно рассмотрены только примеры структурного и аллюзивного лабиринтизма. А.М. Люксембург определяет тактику читателя В.В. Набокова так: лабиринт создан не для того, чтобы поскорей найти выход, а для того, чтобы понять «его внутреннее устройство, освоить систему соединяющих его ходов, уловить заложенную в нем сеть взаимосвязей и, оказавшись на очередной развилке, почувствовать приятную дрожь возбуждения оттого, что видит все основные ловушки, заготовленные ему автором» [Люксембург 1999].

В русскоязычной прозе В.В. Набокова лингвистический лабиринтизм проявляется в стимуляции внутренней формы слова, что позволяет вложить в текст игровое многосмыслие. «Значение слова множится, разветвляется, углубляется до поиска этимологической, архаической праосновы. Эти лабиринты смысла вовлекают читателя в интеллектуальную игру, заставляя его, как ходы лабиринта, познавать ветвящиеся смыслы, заложенные в слове» [Мальцева 2021: 134].

Такой игровой прием, свойственный прозе писателя, был отмечен в диссертации Г.Ф. Рахимкуловой, которая утверждала, что актуализация этимологического значения слова призвана вносить в текст иные, неявные смыслы. Исследовательница отмечает произведения «Ада», «Прозрачные вещи», «Бледный огонь» как максимально насыщенные в этом плане.

Рассказ «Круг» впервые опубликован в 1934 году в Париже, в газете «Последние новости». Здесь именно игра с внутренней формой ключевого слова, лежащего в сильной предтекстовой позиции – заглавии – составляет основу лингвистического лабиринтизма, погружая читателя в лабиринты смысла.

Анализ ассоциативных полей концепта «Круг» раскрывает главную текстовую метафору, важную не только в рамках рассказа, но в цельном представлении об идиостиле писателя. Это метафора «жизнь – круг». Представление о земной жизни обывателя как о «порочном круге» пронизывает все творчество В.В. Набокова.

Чтобы в полной мере представить эту метафору, нужно провести комплексный анализ смыслового наполнения лексемы «круг» в рамках анализируемого текста. Для этого необходимо обратиться к словарям.

В «Русском толковом словаре» В.В. Лопатина, Л.Е. Лопатиной указаны следующие значения слова «круг»: 1. Часть плоскости или участок какой-н. поверхности, ограниченный окружностью, а также плоский предмет такой формы; 2. Окружность, а также предмет в форме окружности; 3. Замкнутая цепочка людей, близкая по форме к окружности; 4. Законченная цепь явлений, дел, событий; цикл; 5. Совокупность взаимосвязанных предметов, явлений, образующих единое целое; 6. Группа людей, объединенных какими-н. связями; 7. Общественная или профессиональная группировка; 8. Одна из повторяющихся частей спортивного соревнования, в ходе к-рой каждый из

участников встречается со всеми своими соперниками [Лопатин, Лопатина 2005: 292].

В словаре Д.Н. Ушакова в качестве переносных представлены значения «**замкнутая** цепь событий, исчерпывающая в своей совокупности развитие какого-нибудь процесса» (например, *круг жизни, круг развития*) и «**замкнутая** какими-то **границами** сфера, область чего-нибудь» (*круг занятий, круг чтения*) [Ушаков 2005: 382-383], важные в контексте нашего исследования.

В словаре С.И. Ожегова приведено 6 значений слова, в словаре Т.Ф. Ефремовой – 8. Конечно, первое значение «часть плоскости, ограниченная окружностью», более остальных подходит к значению круга в дискурсе В.В. Набокова.

И.В. Труфанова в статье «Типы повествования в рассказе В.В. Набокова “Круг”» перечисляет все варианты значений слова *круг*, которые встречаются на страницах произведения. Исследовательница анализирует 6 слов: слово *круг* и «производные от него слова» (такowymi являются слова *круг* в разных значениях, *круглый, кольцо, окружало*) [Труфанова 2012: 117]. Значение слова *круг* в контексте «*из круга сна*» И.В. Труфанова признает сугубо авторским, утверждая, что оно «не отмечено толковыми словарями» [Труфанова 2012: 117]. Мы считаем, что первое значение из «Большого толкового словаря русского языка» («часть плоскости, ограниченная окружностью; сама окружность»), с небольшими уточнениями, подходит к слову *круг* в контексте «*из круга сна*». Слово *ограниченная* в данном толковании становится смысловым центром для уточнения значения слова *круг* в дискурсе В. Набокова. Одной из основных характеристик набоковского «порочного круга» является ограниченность/отграниченность, черта между жизнью и смертью, обыденностью и потусторонностью, духовным и животным. Таким образом, и в контексте «*из круга сна*» скрывается указание автором на *границу* между сном и явью и, кроме того, между телом и душой. Иннокентию «после долгого, вольного дня спалось превосходно; случалось, однако, что иная грёза принимала особый оборот, – сила ощущения как бы выносила его из круга сна, – и некоторое время он оставался лежать, как проснулся, боясь из брезгливости двинуться» [326]. Неожиданная брезгливость рождается из внезапности выхода из сна – места, где душа путешествует без тела, – когда резко из мира духовного, неземного переходишь в реальность и ощущаешь свою телесность.

Этимология слова также дает возможность декодировать текстовые смыслы. Так, большое количество слов с элементами -кр-; -чер-; -кор- маркируются как семантический повтор, который, как мы знаем, является важным узловым элементом текста.

Приведем список лексем с элементами *кр-, кор-, чер-*:

Черный [К: 322, 323, 327]; *красноватый* [К: 322]; *черемуха* [К: 323]; *открытие* [К: 323]; *кроме* [К: 323]; *выкрашенный* [К: 324]; *круторебрый* [К: 324]; *короткий* [К: 324]; *коренастый* [К: 324]; *корявый* [К: 324]; *окраска* [К: 324]; *черви* [К: 324]; *кряж* [К: 325]; *подчеркнутый* [К: 325]; *крючок* [К: 325]; *кровь* [К: 325, 326]; *коричневый* [К: 326]; *чересчур* [К: 326]; *крестный* [К: 326]; *крест* [К: 326]; *крыльцо* [К: 326]; *крыша* [К: 326]; *черта* [К: 327]; *накрыть* [К: 327]; *через* [К: 327]; *крохотный* [К: 328]; *кружева* [К: 328]; *оскорбление* [К: 329]; *чертит* [К: 330]; *сокровища* [К: 330]; *скрытые* [К: 330].

Данные этимологии позволяют определить, какие этимоны, объединяющие эти слова, лежат в основе индивидуально-авторского представления концепта «Круг».

В этимологическом словаре Н.М. Шанского: «Круг. Общеслав. Родственно др.-в.-нем. *hring* (нем. *Ring*, англ. *ring*) «круг, обруч, кольцо». Суф. производное (суф. -g-) от **kren-* «крутить, вертеть», образованного в свою очередь от **kre* – тж., содержащегося в кривой, кряж, крендель (см.). Исходное **krongъ* > круг после изменения носового [o] (<on) в [y] и отпадения конечного слабого редуцированного ъ» [Шанский 1994: 57].

Данные этимологического словаря совпадают с ассоциативным, индивидуально-авторским пониманием *круга*. Выделенные нами лексемы со значением «вращать», «вертеть» и лексема *кряж*, присутствующие в тексте, этимологически родственны лексеме *круг*.

Для остальных слов с элементами *кр-* этимологическое родство в словарях М. Фасмера и Н.М. Шанского не просматривается.

Мы высказали смелое предположение об использовании В.В. Набоковым слов из книги адмирала А. Шишкова «Славянорусский корнеслов». Хотя она не была издана при жизни ученого, но В.В. Набоков должен был знать произведения А. Шишкова. Документально подтверждено родство Набокова и рода Шишковых. Псевдоним *Василий Шишков* украшал ранние произведения писателя, в рассказах «Лебеда» и «Обида» действует один и тот же герой: Путя Шишков.

Не принятые официальной наукой, определяемые как «наивная этимология» труды А. Шишкова были, по мнению С.В. Иванова, «не вполне методологически корректны с точки зрения зарождавшейся индоевропеистики и потому получили пренебрежительную оценку со стороны представителей отечественной младограмматической традиции, тем не менее ... они оставили след не только в научном, но и в художественном творчестве последующего времени» [Иванов 95]. Однако для читателя рассказа «Круг» должно вызвать интерес (еще один путь игрового лабиринта), что все слова с вышеперечисленными элементами есть и в книге А. Шишкова, в главе «Дерево слов», стоящее на корне ГР, КР, ХР») [Шишков 2002]. Происхождение их он возводит к звукоподражанию, слышимому «в преломлении сухих вещей, в ударении друг о друга твердых тел, в

воздушных трениях, в голосе животных», которые «подали человеку повод к составлению из них слов, означающих разные гласы или шумы» [Шишков 2002]. Первым Шишков комментирует слово «кора» как факт звукоподражания при преломлении, далее почти все слова возводятся к *коре* и обозначают что-то преломленное, скрытое, отгороженное. Например, слово *кровь* трактуется у Шишкова «от глагола крою! Мысль о скрытности, сокровенности должна была породить сие слово в уме человеческом, поскольку он видел, что кровь всегда сокрыта под кожей, и не прежде появляется, как после разрезания кожи» [Шишков 2002].

Таким образом, в игровой поэтике набоковского текста важно сопряжение смыслов, достигаемое за счет стимуляции как основного значения слова, так и внутренней формы слова, связанной с его этимологией.

Литература и источники

1. Иванов С.В. Этимология поэтическая и научная: Хлебников и Шишков // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2006. – № 10 – С. 95-97.
2. Лопатин В.В. Русский толковый словарь / В.В.Лопатин, Л.Е. Лопатина. – Москва: Эксмо, 2005. – 928 с.
3. Люксембург, А. Лабиринт как категория набоковской игровой поэтики [Электронный ресурс] / А. Люксембург // RelGa: научно-культурологический журнал. – № 16 [22] 21 августа 1999 г. – Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1721&level1=main&level2=articles> (дата обращения – 01.05.2022)
4. Мальцева Г.Ю. Игровые аспекты репрезентации макроконцепта «Жизнь» (на материале русскоязычной прозы В.В. Набокова): дис. ... канд. филол. наук / Г.Ю. Мальцева. – Белгород, 2021. – 205 с.
5. Набоков В.В. Круг // Набоков В.В. Собр. соч.: в 4 т. – Москва: Правда, 1990. – Т. 4. – С. 322-331.
6. Рахимкулова Г.Ф. Языковая игра в прозе Владимира Набокова: К проблеме игрового стиля: дис. ... д-ра филол. наук / Г.Ф. Рахимкулова. – Ростов н/Д, 2004. – 332 с.
7. Труфанова И.В. Тип повествования в рассказе В.В. Набокова «Круг» / И.В. Труфанова // «Филология, искусствоведение и культурология в XXI веке»: материалы международной заочной научно-практической конференции. Часть I. (15 февраля 2012 г.) – Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. – С. 113-122.
8. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – Москва: Альта-Пресс, 2005. – 1216 с.
9. Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – Москва: Прозерпина, 1994. – 400 с.
10. Шишков А.С. Славянорусский корнеслов [Электронный ресурс] / А.С. Шишков. – М.: Фонд славянской письменности и культуры, 2002. – Режим доступа: <https://www.litlib.net/bk/110038/read/3> (дата обращения – 01.05.2022)

Новикова Т.Ф.,

д. пед. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ПРОИЗВЕДЕНИЯ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА И ЕГО «СЛОВАРЬ ЯЗЫКОВОГО РАСШИРЕНИЯ» В БОРЬБЕ С «ИССУШИТЕЛЬНЫМ ОБЕДНЕНИЕМ» РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье приводятся результаты наблюдений над примерами из «Русского словаря языкового расширения» А.И. Солженицына и из его художественных текстов, иллюстрирующими факты словотворчества писателя, обращения его к диалектизмам и другим периферийным пластам языка как средству противостояния обеднению современного русского языка. Примеры извлекались методом выборки из авторских текстов, апелляции к работам самого писателя и к работам исследователей А.И. Солженицына. Основные результаты заключаются в анализе примеров языкового творчества писателя.

Ключевые слова: А.И. Солженицын, язык, языковая периферия, словотворчество, диалектизмы.

Summary. The article presents the results of observations on examples from the «Russian Dictionary of Language Extension» by A.I. Solzhenitsyn and from his literary texts, illustrating the facts of the writer's word creation, his appeal to dialectisms and other peripheral language layers as a means of resisting the impoverishment of the modern Russian language. Examples were extracted by sampling from author's texts, appealing to the works of the writer himself and to the works of researchers of A.I. Solzhenitsyn's texts. The main results are in the analysis of examples of the writer's linguistic creativity.

Key words: A.I. Solzhenitsyn, language, linguistic periphery, word creation, dialectisms

Утверждение, что язык произведений А.И. Солженицына – явление уникальное, не нуждается в доказательствах. Тексты писателя узнаваемы по первым предложениям. Окказионализмы и неологизмы, диалектизмы, народные названия многих привычных вещей и явлений, нестандартные определения, жаргонные и образные выражения, близкий к разговорному синтаксис – это далеко не полный перечень ярких черт оригинального авторского стиля. Писатель выступает знатком народного языка – «корневого», по его собственному выражению, – но, по его же мнению, теряемого нашими современниками. Борясь с оскудением русского языка, писатель выступает не только хранителем и защитником основ языка, но и новатором, языкотворцем, автором и изобретателем новых русских слов. Словесное новаторство Солженицына не всем ревнителям языка по нраву, писателя часто подвергают критике за его «неудобоваримый» слог, за перенасыщенность текстов необычным, нестандартным языковым материалом, но и отрицать его стремление обогатить язык невозможно. Высокую оценку слога и слова писателя встречаем в работах современных критиков – см., например, статью А. Архангельского «Солж земли»: «...“Чудо Солженицына” совершает язык Солженицына. Он создал язык, в котором вязнешь, очень скоро начинаешь говорить и даже мыслить по его законам. Почему это работает до сих пор, почему попадаешь в капкан обаяния солженицынского слога при всей, прямо скажем, искусственности этой языковой конструкции даже по меркам второй половины XX века?» [Архангельский 2018].

Одержимый идеей возвращения к истокам языка, А.И. Солженицын старался заменить чуждые русскому языку нововведения на собственные, иногда искусственные, однако, как ему казалось, более уместные, более «русские», связанные с русской традицией словообразования. Он стремился даже пусть русские по происхождению, но истрепанные частым употреблением, стандартизированные слова и словоформы заменить на однокоренные, отличающиеся новизной и свежестью. Писатель противостоит «иссушительному обеднению» языка современников с помощью таких непривычных окказионализмов (но легко толкуемых на основе русских корней), как *бедовище*, *губление*, *окаянство*, *людоджорство*, *перемес* и *перемол*, когда говорит о России времен перестройки, когда борется с *нахлыном* международной английской волны в русский лексикон или обличает невежественную *образованщину* (последнее слово давно вошло в словари и естественную речь) и др. Подобные языковые факты

исследователями определяются как «солженизмы» – специфические, присущие только стилю и языку А.И. Солженицына новообразования и неологизмы, неожиданные словообразовательные варианты общеупотребительных слов [См. Новикова 2021: 220-221].

Поскольку в качестве цели работы мы видим поиск аргументов, позволяющих ответить на вопрос, как широкое использование лексики, относимой к периферии языка, позволяло писателю борьбе с «иссушающим обеднением» современного русского языка, обратимся непосредственно к языковым фактам. Получение основных результатов мы связываем с анализом примеров авторских языковых находок, представленных как в «Русском словаре языкового расширения», так и в его текстах; основное же наше внимание будет направлено на анализ «Словаря» [Русский словарь 2000].

Анализ словаря Солженицына с точки зрения лингвистических особенностей в достаточной степени освещен в отечественной филологической науке [Мельникова 1996, Малыгина 2016 и др.]. Однако вопрос функционирования словесных единиц, представленных в «Словаре» Солженицына, в творческом наследии самого писателя, в русской литературе остается сегодня малоизученным.

«Русский словарь языкового расширения» содержит около 40 тысяч слов. Составлением его писатель занимался треть века, «по мере сил противясь» <...> «оскудительному процессу» [Русский словарь 2000: 4] в русском языке, и это неоспоримый вклад писателя в работу по сбережению «живого» языка народа, по активизации в речи наиболее выразительных диалектизмов, забытых слов.

Источником языкового вдохновения для Солженицына всегда был «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля: «С 1947 года много лет (и все лагерные, так богатые терпением и лишь малыми клочками досуга) я почти ежедневно занимался обработкой далевского словаря – для своих литературных нужд и языковой гимнастики» [Русский словарь 2000: 5]. Ежедневная работа над далевским словарем шла в несколько этапов: сначала выписки обширнейших словарных статей из Даля, потом их сокращение, подбор современных литературных иллюстраций. При этом Солженицын не просто сокращал статьи, а шел по пути концентрации, выделения главной мысли, глобального значения того или иного понятия. Столь глубокое проникновение в суть языковой системы помогло писателю в достижении главной цели: возродить несправедливо забытые слова и «восполнить всеобщее падение чутья» к языку. Важно отметить: А.И. Солженицын не ставил задачу представления полного состава языка как в большинстве словарных изданий, подчеркивая, что критерием при отборе слов у него был не научный метод, а единственно «художественная цель».

Слова, вошедшие в «Русский словарь языкового расширения», брались автором не только из живой, звучащей речи русского народа, не только из

словаря В.И. Даля, но и из художественных источников. Так, в «Русском словаре...» [Русский словарь 2000] мы можем встретить лексику из произведений А. Пушкина, Н. Гоголя, И. Тургенева, Н. Лескова, Л. Толстого, И. Бунина, И. Шмелева, С. Есенина, Е. Замятина, В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина и мн. др. Приведем пример. Слово И.С. Шмелева помогало его читателям увидеть особенности русской жизни, традиции, православное сознание и мировосприятие. Из произведений И.С. Шмелева Солженицын взял в свой «Словарь...» такие слова, как «*доброусердие*», «*незнанный*», «*проспор*», «*неразлучники*», «*омоленный*», «*опаско*», «*первопоследний*» и др.; однако в своем литературном наследии Солженицын использовал только одно шмелевское слово – «*потайно*»: «*Отец в кабинете: принесли выручку из бань, с ледяных катков и портмоен. Я слышу знакомое **почокиванье** (тоже включено в «Русский словарь языкового расширения» – И. М.) **медяков** и тонкий **позвонец** серебреца: это он ловко отсчитывает деньги, ставит на столе в столбики, серебрецо завертывает в бумажки <...>. У него, Горкин сказывал мне **потайно**, есть особая книжечка, и в ней вписаны разные бедняки и кто раньше служил у нас...» («Лето Господне»). А.И. Солженицын включил это слово в роман «В круге первом»: «*И, **потайно** подстережа этот глубокий ночной час, <...> – двести восемьдесят первый арестант тихо вышел из полукруглой комнаты, жмурясь на яркий свет...*» Слово *потайно* «с максимальной точностью передает атмосферу таинственности, скрытости и боязни раскрытия сокровенного, того, каким знанием обладают герои (как у Шмелева), или того, насколько они осторожны в своих поступках, помыслах (как у Солженицына)» [Малыгина 2016: 38].*

Конечно, предлагаемые Солженицыным к активному употреблению слова в основном являются окказиональными, что создает особые условия их функционирования в литературных текстах Солженицына. Однако, по нашему убеждению, представленные здесь народные названия знакомых явлений и предметов удачны и выразительны, тем более, сам писатель предупреждает, что собрал здесь не то, что используется, а то, что не должно быть утрачено, что имеет право быть в языке – «живое в языке», как он сам это обозначил. Разумеется, нет надежды, что весь лексический фонд, представленный в словаре, может быть возвращен в активное пользование, однако в нем есть беспрецедентные по смысловым нюансам языковые единицы: *безмирье* (войны нет, но нет и мира), *безлетье* (лето наступило, но холодно не по-летнему), *бавка* (игрушка), *якало* (зацикленный на себе человек) и др. Весьма значимы в мировоззренческих, воспитательно-нравственных целях глаголы с приставкой *обез-*: *обезъязычить*, *обезбожить*, *обезыкониться* [По Русский словарь 2000]. Или возьмем емкое слово *бесиво* – так называли в народе любое одурманивающее средство: табак, алкоголь, наркотики. В этом слове не только корень, но даже суффикс (ср.: *месиво*, *чтоиво*) содержит оценку называемого. Не случайно в речи современников получили распространение презрительные окказионализмы *смотриво*,

слушиво, разводилово и подобные им слова с ярко выраженной отрицательной коннотацией для обозначения того, что мы видим и читаем в современных СМИ и интернете. Жаль, что такие краткие, яркие диалектизмы, как, например, вышеприведенные *бесиво* или *якало*, не востребованы в современной речи.

И все-таки основное поле языкотворчества А.И. Солженицына, арсенал «языкового расширения» – его художественные произведения. «Любое произведение может дать яркое представление о стремлении писателя найти точное, единственное для данной ситуации, для данного героя слово. И если в поздних вещах заметно стремление автора к выискиванию, а иногда и придумыванию необычных словоформ, к замене привычного, «затёртого» слова архаизмом или авторским неологизмом, то его ранние произведения: «Один день Ивана Денисовича», «Матрёнин двор», «Захар Калита» – гармоничны в языковом плане, в умелом поддержании баланса между естественной простотой языка автора и его героев и соразмерной с ними долей нестандартных слов и выражений, тонко включенных в ткань повествования. В большинстве случаев это не придуманные, а взятые из народной речи выражения, «оживленные» речью героев диалектизмы» [Новикова 2021: 223].

Представление о качестве лексики, характеризующей подлинную, «нутрянную», по определению автора, Россию, можно получить, обратившись к примерам, взятым только из «Матрёниного двора» [Солженицын 2010]: *доброжилая* изба, *непрохожие* леса, *неурядная* вещь, жить в *запуци*, *любота*, *грево*, *картофь* и мн. др. В рассказе употреблены уместные в данном языковом поле диалектные и просторечные слова: *дивирь* – ‘деверь, родной брат мужа’; *чаять* – ‘чувствовать’; *горница* – ‘чистая половина избы’; *четверть* – ‘бутыль определенного объема’; *вязаночка* – ‘вязаная вещь’ (кофта, платок); *болезная* – ‘несчастливая’ и др. Народную речевую стихию отражают также разговорные и просторечные лексемы: *таскать* – ‘носить’; *подаде* – ‘подальше’, *сулить* – ‘обещать’, *балаболка* – ‘болтливый человек’; *беспритульный* – ‘бесприютный’; *здоровяга* – ‘сильный человек’ и др. Употребление диалектных, просторечных, жаргонных слов у Солженицына не является приемом стилизации, как у других авторов. Нелитературное слово органически вплетается в ткань произведения. Писатель восхищается выразительностью и точностью народной речи – иногда куда большей, чем нормативная речь: например, употребленное автором *грево* («*Ветрами студенными выдувало из нее печное грево не сразу*») намного точнее, чем общелитературное *тепло*. *Грево* – ‘то, что греет, создает тепло’. Ощутимо, что и герои, и автор чувствуют красоту удачно найденного слова, умеют хранить язык, полученный в наследство от предков, иногда привнося и своё словотворчество, например, Матрёнино «изобретение» *дуель* вместо *метель*. Слово ‘дуель’ образовано наложением основ ‘дует’ и ‘метель’ и представляет собой явно авторское новообразование. Другие примеры из рассказа: «У

самой у нее места не было (они с мужем **воспитывали** ее престарелую мать»): *воспитывали* – в значении ‘кормили-поили’, ‘ухаживали’; «*было тесно и лопотно*»: *лопотно* – возможно, от ‘лопотать’, т.е. ‘говорить быстро, неясно’, но больше вероятности, что от ‘лопоть’ – ‘верхняя одежда’, т.е. было много тряпья; «*у нее не так уборно, в запущи она живет, болеет*»: *уборно* – ‘чисто, прибрано’; *запушь* – ‘запустение, упадок’; «*если попадалось что неурядное...*»: *неурядное* – ‘из ряда вон выходящее’, в контексте – ‘несъедобное’ и т.д.

Как видим, большая часть языковых находок автора связана с диалектной и просторечной лексикой. Этот лексический массив позволяет с максимальной долей вероятности выявить главные семантические тенденции, которыми отмечен языковой потенциал в концепции писателя-новатора. Мы убеждены, что А.И. Солженицын останется в истории русской литературы и культуры не только как великий писатель и общественный деятель, но и как собиратель и талантливый «строитель» родного ему русского языка.

Литература и источники

1. Архангельский А. Солж земли: статья // Огонек. №47 (5543) от 10.12.2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20201011040707/https://www.kommersant.ru/doc/3805224> (дата обращения – 03.09.2021).
2. Малыгина И.Ю. «Русский словарь языкового расширения» А. И. Солженицына как форма «диалога» с русскими писателями XX в. (А. Солженицын, Е. Замятин, И. Шмелев) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 1(55): в 2-х ч. Ч. 2. – С. 34-39.
3. Мельникова С.В. Лексический потенциал языка в оценке А.И. Солженицына: на материале «Русского словаря языкового расширения»: автореф. дисс. ... к. филол. н. – Москва, 1996. – 16 с.
4. Новикова Т.Ф. «Языковое расширение» по А.И. Солженицыну: словотворчество или слововыдумка? //Русский язык в России и за рубежом: изучение активных процессов в языке и речи: сб-к статей по материалам Межд. науч. конф. «Национальные коды в языке и литературе. Русский язык в России и за рубежом: изучение активных процессов в языке и речи». – Н-Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2021. – С. 220-225.
5. Русский словарь языкового расширения / Сост. А.И. Солженицын. – 3-е изд. М.: Русский путь, 2000. – 280 с.
6. Солженицын А.И. Матренин двор: рассказы. – Москва: Детская литература, 2010. – 224 с.

Озерова Е.Г.,

д. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

СЛОВАРЬ В.И. ДАЛЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы культурной памяти как когнитивной и культурологической категории; обосновывается значимость культурной памяти для русской культуры, выявляется своеобразие языкового сознания народа, вербально отображенного в словарях В.И. Даля.

Ключевые слова: словари В.И. Даля, культурная память, энграмма

Summary. The article deals with the issues of cultural memory as a cognitive and culturological category; the importance of cultural memory for Russian culture is substantiated; the originality of the linguistic consciousness of the people, verbally reflected in the dictionaries of V.I. Dahl, is revealed.

Key words: dictionaries by V.I. Dahl, cultural memory, engram

Словари В.И. Даля сохраняют культурную память народа, именно память хранит прошлое, «следует за нами целиком» и «сохраняется

бесконечно» [Бергсон 2006: 42]. Момент перерождения прошлого в будущее завершается переключением в состояние постепенного движения [Лотман 2000: 136]. Следовательно, культурная память – это фундамент нашего этноязыкового сознания, который формируется благодаря словарям Владимира Ивановича Даля: «*Памятуй добро, а зло забывай*», «*Смерть злым, а добрым вечная память*», «*Память в теле, мысль во лбу, а хотение в сердце*».

Механизм культурной памяти как экспликатора этнокультурных энграмм в теоретическом преломлении к языковым особенностям художественных текстов рассматривается в трудах учёных (М.М. Бахтин, Н.Г. Брагина, Д.С. Лихачёв, Ю.М. Лотман, М.К. Мамардашвили, О.Г. Ревзина). Память, по мнению Н.Г. Брагиной, концептуализируется в языке подобно произведению живописи, на что указывает смысловая близость предикатов *вспомнить* и *вообразить*, поскольку память трансформирует прошлое в образы. В языковом пространстве памяти деятельность сознания передаётся через творческое взаимодействие обыденных образов, функционирование которых является продуктом памяти [Кассирер 2002: 140]. Рассматривая образы прошлого в памяти, Н.Г. Брагина приходит к выводу, что «*образная память* (в отличие от *логической памяти*) «отвечает» за восприятие прошлого более, чем за его понимание» [Брагина 2007: 127]: «*На заем память, на отдачу другая*», «*Руки в головы не клади – память простишь*».

Н.Г. Брагина рассматривает память в качестве субъекта внутреннего мира человека, отмечая, что память выступает как артефакт, «*Я человека является субъектом, как владельцем, хозяином собственной памяти. Я человека контролирует, конструирует собственную память, то есть производит со своей памятью осознанные манипуляции*» [Брагина 2007: 49].

Обратимся к дефиниции лексемы «память» в «Толковом словаре» В.И. Даля: «способность помнить, не забывать прошлого; свойство души хранить, помнить сознание о былом. Память, относительно прошлого, то же, что заключение, догадка и воображение, относительно будущего» [Даль 2006: 456].

По результатам Национального корпуса русского языка данное слово 1) в основном корпусе зафиксировано 59 022 раза в 15 130 источниках; 2) в газетном корпусе – 78 348 раз в 53 088 документах, что говорит о масштабности функционирования данной лексемы, поскольку «лексика – очень чувствительный показатель культуры народа» [Сепир 1993: 243].

Память, отмечает Н.Г. Брагина, «является одним из ключевых концептов, влияющих на формирование мировоззрения и, следовательно, неоднократно интерпретируемых. Над памятью (её свойствами, характеристиками, ролью) в течение многих веков размышляют и оставляют письменные свидетельства своих размышлений философы, теологи, писатели, поэты, психологи, социологи, историки, филологи. В таких

интерпретациях память устойчиво и регулярно сближается с некоторым набором слов-концептов» [Брагина 2007: 29-30].

Данная лексема также используется для определения термина *концепт*, подчёркивается, что это «содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга» [КСКТ 1996: 90].

Благодаря культурной памяти происходит взаимодействие логических структур психики человека и эстетических чувств, что находит подтверждение в художественных и публицистических текстах: «*И я не буду рассказывать того, чего не видел, – я расскажу то, что на всю жизнь записала моя память*» (Васильев «Оглянись на середине»); «*Любая искажённая информация, особенно в учебниках по истории, может иметь существенные последствия с точки зрения формирования в обществе исторической памяти*» (Школьным учебникам выставят оценки // Парламентская газета, 2021.12). Одной из функций текста, подчёркивает Ю.М. Лотман, является функция памяти, которая, вплетаясь в текст, становится не только создателем новых смыслов, но и «конденсатором культурной памяти» [Лотман 2000: 162].

Этнокультурные энграммы актуализируют когнитивно-культурное взаимодействие, поскольку носят аксиологический характер и интегрируют воспоминание, что позволило В.И. Даля выделить тему «Память – Помни»: «*Не будь тороплив, будь памятлив!*», «*И не грамотен, да памятен*», «*По старой памяти, что по грамоте*», «*Отбить кому память. Ему последнюю память отшибло*», «*Иван непомнящий (родства и родины, т.е. бродяга)*».

Сочетание «по старой памяти» в Национальном корпусе русского языка представлено достаточно частотным: 1) в основном корпусе зафиксировано 511 вхождений в 421 источнике; 2) в газетном корпусе зафиксировано меньшее количество употреблений – 213 в 210 документах. Сочетание «без памяти» является самым употребительным: 1) в основном корпусе зафиксировано 1 363 вхождения в 848 источниках; 2) в газетном корпусе – 262 употребления в 251 документе.

Н.А. Бердяев отмечает, что есть два прошлых: 1) которое исчезло; 2) которое и сейчас является составной частью настоящего. Второе прошлое, существующее в памяти настоящего, есть уже совсем другое прошлое – «преображённое и просветлённое, относительно его мы совершаем творческий акт и оно входит в состав нашего настоящего» [Бердяев 1994: 285].

Следовательно, словари В.И. Даля – это хранители культурной памяти, свидетели языкового богатства народной мудрости, которая является нашим настоящим.

Словари Владимира Ивановича Даля сохраняют статус культурных ценностей и отражаются в языковом сознании народа. Своеобразие культурной традиции зафиксировано в словарях В.И. Даля, которые демонстрируют диапазон культурной памяти.

Литература и источники

1. Бердяев Н.А. Философия свободного духа / Н.А. Бердяев. – Москва: Республика, 1994. – 480 с.
2. Брагина Н.Г. Память в языке и культуре / Н.Г. Брагина. – Москва: Языки славянских культур, 2007. – 520 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. – Москва: ЭКСМО, 2006. – 736 с.
4. Кассирер Эрнст. Философия символических форм / Эрнст Кассирер. – Том 3. Феноменология познания. – Москва; СПб.: Университетская книга, 2002. – 398 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М., 1997. – 245 с.
6. Лотман Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – С.-Петербург: Искусство – СПб, 2000. – 704 с.
7. Озерова Е.Г. Этнокультурная память лирикопрозаического текста / Е.Г. Озерова // Актуальные вопросы обучения русскому (родному) языку: сб. материалов Межрегион. конф., 15-17 декабря 2014 г.: в 2 ч./ научн. ред. О.А. Скрябина: Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина. – Рязань, 2015. – С. 112-116.
8. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. под ред. и с предисл. А.Е. Кибрика. – Москва: Прогресс, 1993. – 654 с.

*Пиавраи Ш.,
аспирант, НИУ «БелГУ», г. Белгород
Науч. рук. – Алефиренко Н.Ф.,
д. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

СЛОВАРНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОЛИЦЕТВОРЕНИЙ КАК СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ ЭКЗОТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА В ТЕКСТЕ ПОЭМЫ А.С. ПУШКИНА «ЦЫГАНЫ»

Аннотация. В статье исследуется, как при помощи олицетворений в художественном дискурсе дается авторская интерпретация коммуникативных событий. По мнению автора статьи, через интерпретацию смыслов, порождаемых олицетворениями в текстах А.С. Пушкина, можно выйти на смысловое содержание художественного концепта. Особое значение в такой интерпретации автор придает творческому анализу соответствующих словарных статей «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля.

Ключевые слова: олицетворение, художественный дискурс, художественный концепт, языковой образ.

Summary. The article explores how the author's interpretation of communicative events is given with the help of personifications in artistic discourse. According to the author of the article, through the interpretation of the meanings generated by personifications in the texts of A.S. Pushkin, one can reach the semantic content of the artistic concept. In such an interpretation, the author attaches particular importance to the creative analysis of the corresponding dictionary entries in the Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by V.I. Dahl.

Key words: personification, artistic discourse, artistic concept, linguistic image

Поэма «Цыганы», как и все «ножные поэмы» А.С. Пушкина, представляет собой яркое воплощение стиля поэтического романтизма, служащего созданию экзотического колорита текста. Тем не менее, описываемые события не лишены реалистического взгляда на мир. Такой симбиоз требует словарно-дискурсивной интерпретации языковых образов с авторским осмыслением понятий «коммуникативное событие» (фрагмент коммуникативной ситуации, интерпретирующий то, что описывается автором как стечение неповторимых жизненных обстоятельств), «дискурс» (текстопорождающая модель коммуникативно значимого события), «художественный концепт» (единица авторского сознания, служащая для вербализации сфокусированных дискурсивных объектов в порождаемом тексте). Это обеспечивает новый научный подход к исследованию поэмы.

Большое значение в этом принадлежит творческий анализ лексикографических работ, в частности «Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля», ровесника А.С. Пушкина.

Текст романтической поэмы уже в силу своей речеванровой специфики предполагает нетривиальное использование средств художественной выразительности [Махотина 2012; Полемика 2022], формирующих неповторимые языковые образы. В поэме Пушкина в качестве одного из таких поэтических инструментов служит синкретизм эпитета и олицетворения. Продуктом такой лингвопоэтической контаминации является эпитет-олицетворение, который, придавая предметам и явлениям человеческих свойств, служит их образной и эмоциональной характеристикой. Прилагательные в таком случае наполняются дополнительными смыслами, раскрыть которые помогает, в частности, «Словарь» Даля. Так, в начале поэмы описывается вечерний цыганский табор. Всё погружается в сон. Не спит только цыган-старик. «*Он перед углями сидит... / И в поле дальнее глядит*». Поэт разъясняет: «*Его молоденькая дочь / Пошла гулять в пустынном поле. / Она привыкла к **резвой** воле...*».

Раскрыть глубинный смысл эпитета-олицетворения **резвая** в сочетании с определяемым словом **воля** помогает работа В.И. Даля, который возводит его к глаголам *резать* и *резвиться*. Приводит образованное от этих глаголов наречие *резво* (играть, бегать, бороться). Наряду с другими смыслами, он приобрёл новые смысловые грани в прилагательном *резвый* – ‘бойкий, прыткий, скорый, шибкий, проворный’; ‘охочий резво играть’ (*резвый котёнок*). В «Словаре» Ушакова отмечается, что в русской речи обычно используется словосочетание *резвая лошадь*. По аналогии употребляется данное прилагательное и по отношению к людям (*резвый малыш*). Пушкин переносит одно из человеческих качеств (‘охочий резво играть’) на абстрактное понятие «воля», уяснить смысл которого в контексте поэмы также помогает Даль. В его словарном толковании воля – это «данный человеку произвол действия; свобода, простор в поступках; отсутствие неволи, ... принуждения». Для дискурсивной интерпретации дальнейшего коммуникативного события полезной считаем приводимые в словарной статье пословицы: «*Волю дать – добра не видать. Дай сердцу волю, заведет тебя в неволю. Воля губит, неволя изводит. Своя волюшка у батюшки. Покрасуйся, девушка, до святой воли батюшкиной. По своей воле лучше неволи*». В последующем событийном развёртывании истории любви Земфиры и Алеко такие паремии позволяют глубже осмыслить сюжетную развязку – гибель молодой цыганки.

Эпитеты-олицетворения соотносятся в поэме с дискурсивными, коммуникативно-событийными, обстоятельствами. Алеко «... *жил, не признавая власти / Судьбы **коварной и слепой***». В цыганский табор он попал именно по проискам злой судьбы. Судьба толкуется как складывающееся

независимо от нашей воли стечение обстоятельств. Согласно мифическим представлениям, а также обывательскому сознанию, судьба – это неразумная и непостижимая заданность событий и человеческих поступков. В этом её коварство. Даль так разъясняет значения прилагательного *коварный* – ‘злорадный, хитрый, скрытный и злобный, замышляющий, двуличный, проискливый на зло’. В мифических представлениях судьба слепая, а обывательском сознании – безрассудная.

Нужно отметить, что олицетворение – типичное, излюбленное для пушкинского стиля средство. С его помощью под пером Пушкина возникают неповторимые языковые образы. Пушкин пользуется данным приёмом с целью перевода обывательского восприятия коммуникативного события на уровень колоритного словесного живописания. Ср.: 1. «*Волынки говор, скрыт телег, / Всё скудно, дико, всё нестройно*». Даль противопоставляет говор молве через пословицу: «Молва ходит, говор бродит, на что наткнется, тут и приткнется». В тексте поэмы лексема *говор* наделена коннотацией случайности; говор воспринимается как ‘неразличимый, многоголосый шум’.

*Но вот на табор кочевой
Нисходит сонное молчанье,
И слышно в тишине степной
Лишь лай собак да коней ржанье.*

Эпитет *сонное* в сочетании с определяющим словом *молчанье*, обозначающим состояние безмолвного человека, в данном контексте служит олицетворением глубокой ночной тишины, царства покоя, при котором частично выключено сознание.

Языковой образ в форме олицетворённого эпитета обретает характерное обличье, а реципиент (читатель) погружается в состояние чувственного переживания. Это достигается созданием художественного концепта путём переноса личностных качеств человека на отвлечённые понятия (*сонное молчанье*), в результате которого происходит одушевление природы, когда неживые предметы наделяются умением чувствовать, говорить или размышлять: «*сонное молчание*», «*вольная луна*», «*волынки говор*». В отличие от метафоры, которая всегда является скрытым сравнением, переносом неживого на неживое (*море цветов*), олицетворение всегда является переносом предмета на живое существо: «*Светло. Старик тихонько бродит / Вокруг безмолвного шатра*». «*Теперь он вольный житель мира, / И солнце весело над ним*». Обычно в результате сравнения человека с солнцем возникает метафора *солнечный человек* или *человек-солнце*. Её устойчивость позволила Пушкину приписать солнцу человеческое состояние ‘быть весёлым’. Причём употребляет его как предикативное наречие в безличном предложении. Употребляясь в составе сказуемого, оно уже не указывает на признак солнца, а обозначает уподобляемое человеку состояние. В.И. Даль представляет солнце как «наше дневное светило; величайшее, самосветное ..., господствующее над всеми земными мирами».

Во многих культурах солнце считают не только разумным существом, но и Высшим Разумом, гармонирующим всё происходящее в мироздании. Всё это проецируется на состояние души Алеко, пришедшего в цыганский табор и ощущающего себя, «*подобно птичке беззаботной*».

Кроме переноса человеческих качеств в их прямом смысле на чувства и отвлечённые понятия, Пушкин использует олицетворения в контаминическом сочетании с другими тропами:

*Но боже! как **играли страсти**
Его **послушною душой!***

Поэтической конфигурацией слов *страсти играют его послушною душой* поэт чувственно, с состраданием говорит о том состоянии Алеко, когда необузданные порывы души волнением кипели, поглощая все чувства его податливой натуры. Одно из значений глагола *играть* в Словаре Даля – резвась, ‘тешиться, забавляться, заниматься чем-то для забавы’, обращаться легкомысленно, словно с игрушкой, забавой, а существительного *страсть* – ‘безотчетное влечение, необузданное, неразумное хотенье’. Если в страстях животного, – пишет Даль, – «всегда есть мера; страсти человека, напротив, отделены от разумного начала, подчинены ему, вечно с ним враждуют и никакой меры не знают. Всякая страсть слепа и безумна, она не видит и не рассуждает».

Страсть, согласно «Словарю» Даля, не совместима с душой, воплощающей бессмертие и духовность, разум и волю. Поэтому выражение «*играли страсти / его послушною душой*» у Пушкина является образным сочетанием, содержащим противоречивые концепты «страсть» и «душа». Возникающий при этом поэтический парадокс отличается дискурсивной глубиной мысли, хотя и плохо совмещается со здравым смыслом. В создании языковых образов поэтический парадокс играет роль весьма эффективного средства, не менее важного, чем метафора. В отличие о пышных тропов, в поэме «Цыганы» с его помощью извлекается внутренний, сокровенный подтекст коммуникативного события как когнитивного субстрата текстопорождающего дискурса. Извлечённый подтекст раскрывает имплицитный смысл противоречащих когнитивных метафор, проясняя, от чего «*играли страсти*» и что такое «*послушная душа*» романтического героя поэмы.

Такие тропеические языковые образы обостряются следующим контекстом, где поэт сочувственно восклицает: «*С каким волнением кипели (страсти) / В его измученной груди!*». Сочувствие выражается метафорическими сочетаниями (а) *кипели страсти* – ‘били через край, достигали предела эмоционального напряжения’ и (б) *измученная грудь*. В последнем сочетании слов языковой образ создаётся контаминацией (а) метонимического переноса *грудь* → *сердце* (локально-пространственное соотношение слов «сердце – грудь») и (б) прилагательного *измученная*, служащего эпитетом (художественным определением к слову *грудь*). В целом

сочетание *измученная грудь* выражает метафорическое значение ‘истерзанное сердце’ (эпитетом *измученная* в значении ‘истерзанная, подвергшаяся страданиям’ и метонимией *грудь* → *сердце*, где ‘сердце’ служит метафорой эмотивных переживаний). В подобных образных конфигурациях сложно переоценить поэтическую значимость олицетворения (*играли страсти, послушная душа, измученная грудь*).

В.И. Даль, противопоставляя два концепта, отождествляя значения слов *грудь* и *сердце*, интерпретирует семантику второго как ‘представителя любви, воли, страсти, нравственного, духовного начала’. В словаре уточняется, что *сердце* ‘противоположно умственному, разуму, мозгу; всякое внутреннее чувство сказывается в сердце’.

Пушкинское олицетворение, в отличие от метафоры (обычно сложной в силу своей скрытой многозначной глубине), как правило, очевидно, прозрачно: *судьба коварная и слепая, страсти играют, душа послушная*. Такие олицетворения в поэме не всегда подразумевают аллегорию, воплощающую абстрактное представление в конкретном предметном образе. Вместе с тем встречаются синкретические употребления олицетворения и аллегории. В результате такой сопряжённости элементы коммуникативного события, наделённые человеческими свойствами, играют роль символа чего-то более весомого и значительного.

Употребление в поэме «Цыганы» оксюморона обычно сочетается с олицетворением. Ср.:

*Что бросил я? Измен волнение,
Предрассуждений приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позор.*

Олицетворение в выражении *безумное гоненье* возникает путём наделения абстрактного концепта «гоненье» признаками невменяемости и помешательства или, по Словарю Даля, ‘безумия (сумасшествия, безрассудства, сумасбродства)’. В сочетании со словом *гоненье* эпитет *безумное* олицетворяет сложный дискурсивно-поэтический концепт «безумное гоненье», в котором *гоненье* объясняется Далем как ‘обида, притеснения’. Смысловое содержание этого концепта углубляется оксюморонам *блистательный позор*, тропом, создающим логически несовместимым сочетанием авторский художественный концепт, в эпицентре которого находится яркий двухъярусный образ. Первый ярус языкового образа составляет церковнославянский смысл, который вкладывался Пушкиным в ранних сочинениях: *позор* – ‘зрелище’. С ним вполне сочетается эпитет *блистательный*. Второй слой языкового образа делает первый архаичным (значение ‘зрелище’ в начале XIX века устаревает); оно заменяется нынешним значением ‘бесчестье, презренное состояние’. Эпитет *блистательный* с этим значением находится в дисгармонии с лексемой *позор*. Однако такое оксюморонное сочетание оправдывает второй план

авторского художественного концепта – ‘выставленное на всеобщий обзор презренное, жалкое положение’ Алеко.

В поэме встречается и двойное наращивание оксюморонного образа:

«Скажи мне, что такое слава?
Могильный гул, хвалебный глас,
Из рода в роды звук бегущий?»

К понятию «слава» поэт ищет оксюморонные определения. Оксюморонный смысл языкового образа «*могильный гул*» усиливается эпитетом «*хвалебный глас*» и олицетворением «*звук бегущий*». *Могильный гул* – исключительно пушкинский оксюморон. С одной стороны, прилагательное *могильный*, которое в словаре Даля толкуется как ‘к могиле относящийся’, а могила, согласно «Русскому ассоциативному словарю» под ред. Ю.Н. Караулова, вызывает образ, основанный на чувствах скорби, покоя и тишины. С другой стороны, *гул* – ‘дальний глухой звук, звон, зык; раскатистый шум’ ‘гулкое место’. Смысл оксюморонного концепта контрастирует с метафорическим эпитетом «*хвалебный глас*», где лексема *глас* выражает значение ладово-мелодическое построение (церк.), ‘тональность церковных напевов’ («Словарь» Ушакова). Хотя эпитет *хвалебный* здесь уместен, сопоставляясь в одном образном ряду с оксюморонным концептом «*могильный гул*», он вызывает смысловую дисгармонию, которая обостряет смысловые контуры восприятия этого концепта. Эпитет-олицетворение *бегущий* (звук) – быстро переносимый звук, предыдущие языковые образы – *могильный гул* и *хвалебный глас*.

Итак, словарно-дискурсивные интерпретации позволили выявить присущие идиостиллю Пушкина нарративно-дискурсивные приёмы создания олицетворений как средств создания в тексте поэмы «Цыганы» экзотической картины мира. Характерным для великого поэта является декорирование словесных репрезентаций художественного концепта эпитетами, придающими олицетворениям неповторимую авторскую выразительность. Этот приём позволяет выделить значимые свойства определяемого предмета мысли. При этом передаётся не только само коммуникативное событие, но и модусный характер сообщаемого, проявление чувственного к нему отношения.

Как правило, олицетворения входят в состав сложной нарративно-дискурсивной метафорики, создавая тем самым присущую только Пушкину контаминацию языковых образов. В этом случае олицетворениями создаётся яркая и оригинальная интерпретация коммуникативного события, передающая и авторские эмоции, и пучину переживаний лирических героев.

Литература и источники

1. Махотина И.Ю. Цыгане и русская культура: Автореф.т дисс. ... канд. филол. н. – Тверь, 2012. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/tsygane-i-russkaya-kultura> (дата обращения – 01.05.2022).
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов/ Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. – Москва: Рус. яз., 1989. – 750 с.

3. Полемика вокруг южных поэм поэмы А.С. Пушкина // Myfilology.ru – информационный филологический ресурс : [сайт]. – Режим доступа: https://myfilology.ru/russian_literature/istoriyarusskoj-literatury-xix-veka/czygany-kak-itog-razvitiya-zhanra-romantcheskoj-poemy-as-pushkina-polemika-vokrugyuzhnyx-poem/ (дата обращения – 15.05.2022).

4. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти томах. Том 3. – Режим доступа: <https://rvb.ru/pushkin/01text/02poems/01poems/0789.htm> (дата обращения – 15.05.2022).

5. Русский ассоциативный словарь / под ред. Ю. Н. Караулова. Т. 1. – Москва: Астрель, АСТ, 1994. – 784 с.

6. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В.И. Даль. – Москва: Рус. яз. – Медиа, 2003. Т. 4. – 688 с.

*Половнева М.В.,
к. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород
Заманова И.Ф.,
к. фил. н., БГИИК, г. Белгород*

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА В СКАЗКЕ П.П. ЕРШОВА «КОНЕК-ГОРБУНОК»: ОПЫТ АНАЛИЗА

Аннотация. В статье поднимается вопрос народно-разговорной языковой основы сказки П.П. Ершова «Конек-Горбунок». Подробно анализируется выражение «черная бабка», употребленное в тексте сказки, даётся толкование его смысла в контексте с опорой на словари. Авторы подчеркивают, что устаревшая лексика в сказке использована для отображения народных представлений об устройстве мира и для демонстрации крестьянского быта.

Ключевые слова: устаревшая лексика, П.П. Ершов, авторская сказка, национальная культура

Summary. The authors raise the question of the folk-colloquial language basis of P.P. Ershov's "Humpbacked Horse". The expression "black grandmother" used in the text of the fairy tale is analyzed in detail, its contextual meaning is interpreted on the dictionary basis. The authors emphasize that the outdated vocabulary in the fairy tale is used to display folk ideas about the structure of the world and to demonstrate peasant life.

Key words: obsolete vocabulary, P.P. Ershov, author's fairy tale, national culture

Тридцатые годы XIX века в истории русской литературы связаны с активным развитием жанра сказки. Особый интерес к сказке был обусловлен жаркой дискуссией о народности литературы, о русском национальном характере, об особенностях национальной культуры. В эти годы создаются сказки В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, О.М. Сомова, А. Погорельского, В.Ф. Одоевского, В.И. Даля. В этот же период в журнале «Библиотека для чтения» частями публикуется сказка девятнадцатилетнего студента петербургского университета П.П. Ершова «Конек-Горбунок», которая выходит отдельным изданием в 1834 году.

Петр Александрович Плетнев, известный поэт, критик, литературовед, читавший в университете курс русской словесности, дал необычайно высокую оценку произведению своего ученика, именно он и показал сказку А.С. Пушкину. Есть свидетельства, что великий поэт долго беседовал с молодым человеком, говорил о необходимости скорейшего издания «Конька-Горбунка», непременно большим тиражом, с картинками и по умеренной цене. Более того, А.С. Пушкин якобы сказал: «Теперь этот род поэзии мне можно оставить», – признавая чрезвычайно высокий уровень первого произведения П.П. Ершова.

Уникальность произведения Ершова состоит в том, что здесь соединены, представлены элементы трех типов сказки: волшебной, бытовой и сказки о животных. Произведение юного автора поражает слиянием фольклорного и литературного начал, оно проявляется и в композиции, и в используемых автором художественных приемах, и в звучании двух «закадровых» голосов – автора и сказителя. Начиная с первых страниц произведения, Ершов задает читателям загадки, вводя в повествование «таинственных» героев, заставляя размышлять о том, почему вором на пшеничном поле оказалась красавица-кобылица («Кобылица та была / Вся, как зимний снег, бела, / Грива в землю, золотая, / В мелки кольца завитая»), что за странный вид у волшебного конька, каков его рост. Конек представляет собой что-то среднее между лошадей, ослом и верблюдом:

«Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами».

В этих эпизодах, как и во многих других, в метафорическом и образном строе сказки Ершова проявились поэтические воззрения славян на природу. Так, в исследовании А.Н. Афанасьева читаем: «Золотогривый, золотохвостый, или просто золотой – конь служит поэтическим образом то светозарного солнца, то блистающей молниями тучи; на таком коне и сбруя бывает золотая» [Афанасьев 1995: 313]. И даже ставшее привычным сравнение «Горбунок летит как ветер», также имеет мифологические корни: «Конь, обгоняющий солнце, есть ветер или бурная туча» [Афанасьев 1995: 314]. Таким образом, чудесные кони из сказки П.П. Ершова, по мифологическим представлениям славян, непосредственно связаны с небом, то есть миром иным, далеким от бытовых реалий. С появлением кобылицы, а затем и коней в жизни Ивана-дурака поселяется чудо, которое предопределяет все его дальнейшие приключения и испытания.

Обращает на себя внимание и начало «мужицкой» сказки Ершова, так как в содержании традиционного для сказки зачина чувствуется некая «приземленность»:

«За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе – на земле
Жил старик в одном селе.
У старинушки три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села.

Там пшеницу продавали,
Деньги счетом принимали
И с набитою сумой
Возвращались домой».

Просторечные словечки «дурак», «недалече» подчеркивают, что повествование ведется сказителем-крестьянином, для которого сеять пшеницу не просто привычное, а основное дело всей жизни. Народный дух создается в сказке и за счет деревенского колорита событий, происходящих «против неба – на земле», и, конечно, за счет обилия разговорно-просторечной лексики. Остановимся на том фрагменте сказки, в котором кобылица дает характеристику рожденных ею и подаренных Ивану коней:

«Наконец она устала.
«Ну, Иван, – ему сказала, –
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Дай мне место для покою
Да ухаживай за мною
Сколько смыслишь. Да смотри:
По три утренни зари
Выпускай меня на волю
Погулять по чисту полю.
По исходе же трёх дней
Двух рожу тебе коней –
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да еще рожу конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за чёрную, слышь, бабку.
На земле и под землёй
Он товарищ будет твой:
Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет,
В голод хлебом угостит,
В жажду мёдом напоит.
Я же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле».

Что такое «пояс» и «шапка» – понятно, но что имеется в виду, когда говорится о «черной бабке»? Примечательно, что в «Словаре русского языка

XI-XVII вв.», в словарной статье с заглавным словом (вокабулой) «Бабка» отмечается, что это может быть «1. Бабушка. <...> 2. Повитуха. <...> 3. Конусообразная укладка снопов на поле для просушки. <...> 4. Маленькая переносная наковальня. <...> 5. Подставка, подпорка, стойка. <...> 6. Растение (попутник)» [Словарь 1975: 61-62]. Исходя из перечисленного, можно сделать вывод, что в сказке Ершова, вероятнее всего, речь идет именно об укладке снопов. Но почему к слову «бабка» в «Коньке-Горбунке» дается определение «черная»? И вновь ответ может подсказать пример, который приводится в словаре для подтверждения интересующего нас значения слова: «Анашко Алексеев да Артюшка Никитин... с поля и с полянки самосильством своим вывезли жатого хлеба ржи 140 бабок» [Словарь 1975: 61-62]. Изделия из ржи, ржаной хлеб – это темный хлеб, вероятно, поэтому ржаные снопы и называются «черными». На Руси снопы, или бабки, являлись своеобразным средством расчета, исходя из их количества, считался урожай, определялся уровень достатка.

Однако в сказке П.П. Ершова речь идет о выращивании и торговле пшеницей.

Обратимся в этой связи к «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля, где в словарной статье «Баба» читаем: «**Баба**, кроме бабушки и приемницы; || короткая коренастая стойка, столбик, ножка, подставка под рычаг, под подъем, подоловье вайё (дышло) с ярмом и пр.; || козлы для подмостков; || брус с пазами, по которым (по двум бабкам) ходят мельничные вешняки, творила, и песты толчеи; || стойки под перилами, поручнями (кроме балясин), <...>; || пень, надолба, для укрепления снастей на судах, морск. кнехт; || приставное ребро на барках: *кокора* (копань, накурок) кладется голоменем поперек днища, а корневищем, посменно, туда и сюда, вверх по борту: с противной же стороны наставляется бабка; || короткие стойки в разных машинах, напр. на токарном станке, в чем ходит веретено, во что упирается конец его и другой конец обтачиваемой вещи; | банка, скамья на шняке арх., сиденье для гребцов; || часть конской ноги (и др. животных) под щеткою, путовой сустав, козна, козан, козанок, лодыга, шляк, альчик, баска, костыга, игорная бабка, надкопытная говяжья кость. Игра в бабки разн. родов: конь, поджошка, пристенок, каточки, или краснокудан и пр. <...>; литок, свинчатка, если она налита свинцом, гвоздырь, если в нее, для веса, забит гвоздь; шлюшка, маленькая телячья бабка; хруль, хрулек, полбабки, в счете игры; бабки ставят на кон гнездами (парами); <...> || Ряз. шашка, в тавлейной или шашечной игре; || кур. колышек, в игре в мяч, для означения грани; | вор. орл. коренной зуб, особенно кутний; | вор. петелька, застежка, запонка; | смол. гриб белый и боровик. | Рыбка *Gobius*, бычок. || Наковаленка для мелкой ковки, для отбоя кос отбойным молотком, в виде тупой кирочки, после чего точат косу брусом и правят лопаткой. || Несколько составленных хлебных снопов на жниве; пятки, девятки, крест, стоянка; от 10-13 снопов, комлями наружу, а последним бабка накрывается

шатром; в новг. пять снопов яровых или шесть озимых; в костр. 16 снопов льна, и урожай льна считается бабками <...>; |; в перм. одна связка льна, по снятии с лежанки, со стлица, а также сноп или пучок конопли, поскони, называют бабкою. Лен со стлица ставят бабками, по две горсти, для просушки, потом вяжут в вязаницы, снопы, пучки. | Растение попутник, *Plantago arenaria*, толстушка, блошное семя; *Plantago lanceolata*, подорожник, попутник, ранник (его кладут на раны), порезник, арженик?; *Plantago major*, путник, попутник, подорожник крупный; *Plantago maritima*, вербейник; *Plantago media*, припутник, подорожник, арженик. | Новг. твер. печная бабка, заулк на шестке русской печи, влево от чела, для сгребя жару; <...>» [Даль I, 1955: 33]. Видим, что в словаре Даля присутствуют все имеющиеся в словаре XI-XVII веков толкования слова «бабка», с многочисленными уточнениями и некоторыми дополнениями, среди которых обращает на себя внимание еще одно: «надкопытная говяжья кость», используемая для игры. Возникает вопрос, в каком значении употребляет данное слово Ершов?

На первый взгляд, может показаться, что здесь все-таки говорится об игральных костях, которые использовались для игры в бабки. Но почему тогда в словосочетании присутствует определение «черная»? Это можно объяснить тем, что одну из костей использовали в качестве биты и, чтобы отличить от других, ее утяжеляли, набивая чем-нибудь, и окрашивали в черный цвет. И вроде бы пояс и шапка, наряду с которыми упоминается и черная бабка, тоже свидетельствуют о чем-то приземленном и материальном, но ценном.

Однако, на наш взгляд, есть все основания полагать, что в данном случае речь идет именно о хлебных снопах, о чем свидетельствует контекст произведения. Ведь в сказке говорится о крестьянской семье (для крестьян игра в бабки – это не игра в кости, а игра на выдавливание – игрище, забава), речь о семье, торгующей пшеницей, неслучайно и одаривающая Ивана кобылица поймана им за кражей пшеницы.

Вероятнее всего, к XIX веку слово «бабка» в значении «несколько составленных хлебных снопов на жниве», приобрело более широкое значение, так стали именоваться снопы любой культуры (рожь, пшеница, лен), о чем и свидетельствует «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. При этом выражение «черная бабка» приобрело устойчивый характер, закрепилось в языке с измененной семантикой. В данном контексте нельзя еще раз не обратить внимание и на то, что словосочетание «черная бабка» употреблено в одном ряду со словами «пояс» и «шапка» (еще одна мера, например, «два-пять шапок серебра»). Пояс и шапка имели большое значение для крестьянина. Примечательно, что в русских сказках упомянутые предметы ассоциируются с кругом, часто выступают в качестве оберега (в славянской мифологии пояс – символ пути через мифические и реальные преграды; крестьяне верили, что подпоясанного человека «бес боится», его не тронет ни домовая, ни леший).

Следовательно, есть все основания полагать, что данные предметы поставлены в один ценностный ряд **не случайно** (по принципу градации). Хлеб – высшая ценность для крестьянина. Сказанное, на наш взгляд, может служить еще одним подтверждением того, что в сказке Ершова речь идет именно о хлебных снопах.

Девятнадцатилетнему автору удалось воплотить в сказке народный характер; эстетический идеал русской национальной культуры, веками складывающийся в сознании крестьянина. Это стало возможным благодаря тому, что автор воссоздает русско-деревенский колорит событий, атмосферу детски простодушной веры в возможность чуда и в незыблемость представлений о чести, совести и высшей справедливости, а также обильно использует разговорно-просторечную лексику: «Вся моя заслуга тут, что мне удалось попасть в народную жилку. Зазвенела родная – и русское сердце отозвалось...» [Ершов 1984: 108].

Литература и источники

1. Афанасьев А.П. Поэтические воззрения славян на природу в 3-х т. – Т.1. – М., 1995.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, В 4-х т. Т.1 (А-З). – М., Издательство Иностраных и национальных словарей, 1955. – 699 с.
3. Ершов П.П. Конек-Горбунок. – М.: ДЕТГИЗ, 1950. – 110 с.
4. Ершов П.П. Сузге: стихотворения, драматургия, проза. – Иркутск, 1984.
5. Словарь русского языка XI-XVII вв. Выпуск 1 (А-Б). – М.: Наука, 1975. – 373 с.

*Тимова А.С.,
к. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ИССЛЕДОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема лексикографического анализа художественного прецедентного имени. Обосновывается идея о том, что исследование особенностей функционирования художественного прецедентного имени в массовом коммуникативном сознании целесообразно производить с обращением к ассоциативному, толковому и орфографическому словарям. На примере исследования прецедентного имени *Плюшкин* в русском массовом коммуникативном сознании автор показывает, что анализ соотношения данных лексикографических источников с результатами исследования текстореципиентов прецедентного имени позволяет лингвисту фактологически обозначить дифференциальные признаки и выявить ядерные и периферийные зоны денотативного и коннотативного функционирования исследуемого прецедентного имени.

Ключевые слова: прецедентное имя, Н.В. Гоголь, коммуникативное сознание, лексикографический анализ

Summary. The article deals with the problem of lexicographic analysis of a literary precedent name. The idea is substantiated that it is advisable to study the features of the functioning of an literary precedent name in the mass communicative consciousness with reference to associative, explanatory and spelling dictionaries. Using the example of the study of the precedent name “Plyushkin” in the Russian mass communicative consciousness, the author shows that the analysis of the correlation of these lexicographic sources with the results of the study of the recipient texts of the precedent name allows the linguist to factually identify the differential signs and identify the nuclear and peripheral zones of denotative and connotative functioning of the studied precedent name.

Key words: precedent name, N.V. Gogol, communicative consciousness, lexicographic analysis

Прецедентность как лингвокогнитивный феномен, в отличие от интертекстуальности, всегда соотносена «с тем, что происходит сейчас и

актуально сегодня, но вовсе не обязательно будет значимо завтра» [Кузьмина 2011]. Так, имя литературного персонажа может многократно встречаться в текстах-реципиентах, быть легко узнаваемым, но не для всех носителей языка и культуры являться значимым, широко употребляемым в коммуникации на протяжении десятилетий.

Изучению динамики смыслового содержания инварианта восприятия и уровня прецедентности феномена (прецедентного имени) способствует обращение лингвистов к лексикографическим источникам. Соотношение данных словарной статьи с результатами исследования текстов-реципиентов прецедентного имени (текстов, в которых прецедентное имя употребляется в коннотативном значении) позволяет лингвисту фактологически обозначить 1) дифференциальные признаки исследуемого прецедентного имени, 2) ядерные и периферийные зоны денотативного и коннотативного функционирования прецедентного имени.

На сегодняшний день ведущим лексикографическим источником при исследовании особенностей функционирования прецедентного имени можно считать **русский ассоциативный словарь** (РАС). Авторы, Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин, одними из первых осуществившие попытку лексикографически зафиксировать особенности массового коммуникативного сознания носителя русского языка, включили в словарь около 7000 стимулов (результаты эксперимента 1988-1997 годов), на которые зафиксированы различные ассоциации молодых людей в возрасте от 17 до 25 лет. Словарь состоит из двух томов, построенных на «обратной» друг другу связи: «От стимула к реакции» и «От реакции к стимулу».

При исследовании особенностей функционирования прецедентного имени *Плюшкин* в массовом коммуникативном сознании [Жиленкова, Титова 2020], мы поставили перед собой задачу проанализировать использование онима *Плюшкин* в данном словаре.

Анализ словарных статей показал, что имя *Плюшкин* зафиксировано как в словаре «От стимула к реакции», так и в словаре «От реакции к стимулу», т.е. лингвисты-исследователи включили оним *Плюшкин* в круг слов-стимулов носителя русского языка. Отметим, что другие известные имена литературных персонажей поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души» – *Манилов*, *Коробочка*, *Ноздрев*, *Собакевич*, *Чичиков* – в данном словаре как стимулы отсутствуют, что свидетельствует о более высокой прецедентности имени *Плюшкин* по отношению к этим именам. Если антропонимы *Коробочка*, *Манилов*, *Чичиков* и *Собакевич* зафиксированы в словаре как реакции на стимулы «Мёртвые души» (*Коробочка*, *Чичиков*), «беспечность» (*Манилов*), «Собакевич» (*Плюшкин*), то имя *Ноздрев* отсутствует и среди реакций на слова-стимулы. Подобная степень уровня прецедентности данных имен в русском массовом коммуникативном сознании подтверждается и проведенным нами анализом текстов-реципиентов, в которых встречаются имена *Манилов*, *Коробочка*, *Ноздрев*, *Собакевич*, *Плюшкин* [Титова 2018].

Дифференциальные признаки прецедентного имени *Плюшкин*, выявленные нами на этапе анализа текста-источника прецедентного имени и текстов-реципиентов, соотносятся с более частотными реакциями на имя, отмеченными в словаре: *Гоголь, скряга, герой, жадина, мёртвые души, жадный, скупой*. Отметим, что лексем с положительной коннотацией не отмечено и среди одиночных реакций на оним *Плюшкин* [РАС 1], в отличие от примеров, представленных в корпусе текстов-реципиентов. В качестве реакции на стимул оним *Плюшкин* зафиксирован как одна из ассоциаций на слова *скряга, экономный, жадный, жид, запас, накопленный, скупой* [РАС 2]. Таким образом, анализ данного словаря показал, что имя *Плюшкин* действительно является единицей номинативного поля концептов «Скупость», «Гоголь», «Мёртвые души», «Русская литература». Данные факты позволяют фиксировать о ядерной и периферийной зоне восприятия прецедентного имени.

При исследовании уровня прецедентности имени собственного существенным представляется обращение к современным **орфографическим словарям**, анализ статей которых позволяет лингвисту разграничить явление прецедентности и апелляции. Так, например, прочная связь прецедентного имени *Плюшкин* с текстом-источником (поэмой «Мёртвые души») подтверждается закреплением имени и в современном орфографическом словаре [Орфографический словарь], где зафиксировано написание слова *Плюшкин* с прописной буквы, в отличие, например, от имен, имеющих в русском массовом коммуникативном сознании слабую связь с текстом-источником, типа: *ловелас, донкихот, альфонс, донжуан* и т.п., которые закреплены в словаре, в первую очередь как слова нарицательные, пишущиеся со строчной буквы [Орфографический словарь].

При исследовании прецедентного имени как знака-символа определенной черты характера или внешности востребованным становится современный **толковый словарь**, анализ статей которого открывает ученому возможность установить причины ложной (несоответствующей инварианту восприятия прецедентного имени в массовом коммуникативном сознании) или неточной интерпретации носителем языка контекста, в котором адресант использует прецедентное имя.

Например, анализируя данные ассоциативного эксперимента, проведенного нами в 2020 году в отношении особенностей функционирования прецедентного имени *Плюшкин* в сознании молодого поколения носителей русского языка, мы обратились к данным толкового словаря. Фиксация значения однокоренной ониму *Плюшкин* лексемы *плюшка*: ‘сдобная булочка’ и ‘полный человек’ [Словарь РАН: 846] позволила выявить причину значительного количества ошибочных ассоциаций испытуемых [Титова 2020], обусловленных семантикой имени *Плюшкин* (в контексте типа: *Он настоящий Плюшкин*): ‘ест плюшки’, ‘любит плюшки’, ‘хорошо готовит выпечку’, ‘обжора’, ‘полный человек’.

Антонимическими по отношению к инварианту восприятия имени *Плюшкин* в приведенном выше контексте являются и ассоциации типа: ‘доброжелательный человек’, ‘мягкий по характеру’, ‘добрый’, ‘весёлый’, ‘праздничный’, ‘ленивый’. Опираясь на данные толкового словаря, мы можем предположить, что данные ассоциации связаны со значением однокоренного precedentному имени слова *плюш*, ключевым компонентом в семантике которого выступает сема ‘мягкий’: ‘хлопчатобумажная, шёлковая или шерстяная ткань с *мягким* ворсом на лицевой стороне’ [Словарь РАН: 846].

Таким образом, при исследовании особенностей функционирования precedentного имени в массовом коммуникативном сознании релевантным представляется этап лексикографического анализа precedentного имени через исследование русского ассоциативного словаря, современных орфографических и толковых словарей.

Литература и источники

1. Большой толковый словарь русского языка : А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1534 с. – Словарь РАН.
2. Жиленкова И.И., Титова А.С. Precedentное имя «Плюшкин» в коммуникативном сознании современного поколения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. – Т. 13. Выпуск 3. – С. 107-110.
3. Кузьмина Н.А. Интертекстуальность и precedentность как базовые когнитивные категории медиадискурса [Электронный ресурс] // Медиаскоп. – 2011. – № 1. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/?q=node/755> (дата обращения – 25.04.2022).
4. Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС Института русского языка им. В.В. Виноградова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: orfo.ruslang.ru (дата обращения – 5.02.2021). – Орфографический словарь.
5. Русский ассоциативный словарь: от стимула к реакции / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др.; Российская академия наук. – Москва: Астрель: АСТ, 2002. – 782 с. – РАС 1.
6. Русский ассоциативный словарь: от реакции к стимулу / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др.; Российская академия наук. – Москва: Астрель: АСТ, 2002. – 992 с. – РАС 2.
7. Титова А.С. Особенности функционирования имен персонажей поэмы Н.В. Гоголя «Мёртвые души» как precedentных в современной лингвокультурной среде: выпускная квалификационная работа / науч. рук. И.И. Чумак-Жунь. – Белгород, 2018. – 110 с.

Токарев Г.В.

д. фил. н., ФГБОУ ВО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого», г. Тула

ПРОБЛЕМА СЕМАНТИЗАЦИИ БРЕНДА В СЛОВАРЕ¹

Аннотация. В статье поднимается проблема регионального символа-бренда, нуждающегося в лексикографической фиксации. В качестве примера такого бренда анализируется лексема «пряник». Автор показывает, как при помощи расширения семиотических пространств происходит становление символа-бренда.

Ключевые слова: символ, бренд, лексикография, региональная культура.

Summary. The article raises the problem of a regional symbol-brand that needs lexicographic fixation. As an example of such a brand, the lexeme “gingerbread” is analyzed. The author shows how, with the help of the expansion of semiotic spaces, the formation of a symbol-brand takes place.

Key words: symbol, brand, lexicography, regional culture

¹ Исследование «Симболорий региональной идентичности» выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-28- 20342 и Правительства Тульской области (соглашение № 6 от 19 апреля 2022 г.).

Для описания региональной культуры актуально понятие символа-бренда, под которым мы понимаем вербальную единицу, выполняющую функцию презентации субкультуры и выражения идентичности. Перспективным является создание словаря региональной субкультуры, в котором будут описаны значения элементов её символярия. Одним из таких знаков в тульской культуре является пряник. Данный символ выражает ряд смыслов: сладость, приятный вкус, изысканность, достаток, материальное благополучие, гостеприимство, необычность / уникальность. Данные смыслы объективируются значениями паремий: *Для друзей у Тулы – пряник, для врагов у Тулы – меч, пекут всем на удивленье пряник тульский загляденье; когда в Тулу приезжают, гостей пряником встречают; Тульский край – пряничный рай.*

Для коллективной памяти актуальны следующие знания о тульском прянике:

- год появления – 1685; упадок пряничного дела, а затем его возрождение в 1954 году;
- пряник использовался при сватовстве (принять пряник означало согласие девушки выйти замуж).
- разнообразие надписей на прянике, подчёркивающих разные прецеденты преподнесения пряника (именные, к празднику, как визитная карточка Тулы и др.);
- ручное изготовление пряников, обеспечивающее их высокое качество;
- разнообразие пряников по вкусу и форме; связь пряника с резьбой по дереву для изготовления печатных досок, отсюда ещё одно название пряника – печатный;
- представления об уникальных свойствах пряника: долго не черствеет, имеет медовый вкус и аромат, обладает особой консистенцией (твёрдостью); особый вид тульского пряника – жамка. Это круглый, горкой, маленький пряник. Его название происходит от способа изготовления: путем жатия теста;
- имена выдающихся кондитеров-пряничников: братья Роман Гречихин, Василий Сериков, Михаил Белолипецкий, Иван Щукин, Николай Чулков;
- широкая сеть пряничных фабрик как в дореволюционное, так и настоящее время: «Ясная Поляна», «Лакомка», «Старая Тула», пекарня Поляковой, «Медовые традиции».

Идентификация города с опорой на образ пряника представлена составной номинацией *пряничная столица*, магнитами и брелочками. Жителя Тулы в шутку называют *тульским пряником*.

Развитие бренда осуществляется путём семиотизации пространства вокруг символа-бренда:

- в Туле создан памятник прянику (установлен в 2014 году);

- в городе функционирует несколько музеев пряника, в том числе и на фабрике «Ясная Поляна»;
- проведение мастер-классов по изготовлению пряника;
- проведение фестивалей пряника и учреждение дня пряника,
- одна из улиц в тульской области названа *Пряничной*,
- информационный портал, на котором публикуются тульские полуофициальные новости, называется *Тульские пряники*, в данном случае авторы информационного ресурса обыгрывают буквы в составе названия: *Пряник – PR*.

Таким образом, развитие символа-бренда осуществляется по пути увеличения семиотических пространств, формирования вариантов основного знака в виде различных арт-объектов. Формирование новых значений основывается на положительной интерпретации базового образа.

Харченко В.К.

д. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ТРАДИЦИИ В.И. ДАЛЯ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ СЛОВАРЯ ЦВЕТА

Аннотация. В статье исследуются лексикографические традиции, заложенные В.И. Далем и поддержанные в авторском словаре цвета. В ходе работы над словарем цвета автор выяснил, что современная лексикографическая деятельность может отказаться от целого ряда ограничений в отборе лексикона. Это ограничения, связанные с периодом распространенности слова, с его профессиональной закрепленностью, с территориальной распространенностью, узуализацией и с характером дискурса.

Ключевые слова: лексикография, словарь цвета, колоративы.

Summary. The article examines the lexicographic traditions established by V.I. Dahl and supported in the author's dictionary of color namings. In the course of work on the color dictionary, the author found out that modern lexicographic activity can abandon a number of restrictions in the selection of the lexicon. These are limitations related to the period of the word's usage, its professional fixation, territorial prevalence, regularization, and the nature of discourse.

Key words: lexicography, color dictionary, color namings.

Развитие отечественной лексикографии должно осуществляться при, казалось бы, незаметном, но реальном влиянии традиций В.И. Даля в составлении словарей, что может проявляться в совокупности следующих характеристик. Во-первых, это обращение к русскому языку в целом, во всех его звеньях, то есть равный учет писателей известных и совсем новых. Во-вторых, это одинаковое уважение к узуальным и окказиональным словоупотреблениям на том основании, что окказиональное слово может со временем стать узуальным. Наконец, в-третьих, это исследование семантики (в нашем случае – семантики цвета) в далеких дискурсах: фольклорном, научном, медицинском и других. Такое триединство требований-условий может коснуться и самой структуры словаря в целом и словарной статьи в частности.

Перед глазами у нас изданный в БелГУ «Словарь цвета: полная версия: около 6,5 тысяч слов в 12,5 тысячах контекстов» (ИД «НИУ БелГУ»

НИУ «БелГУ», 2021. 651 с. 41,0 печ. л.) [Харченко 2021]. Кроме своего назначения этот словарь цвета позволяет представить, как создаются палитры цвета. *По воскресеньям служили в золотых, несколько поношенных ризах. Но Рождество – в светло-золотых, сиявших как солнце; на Николин день – в тёмно-золотых, отливавших апельсинным цветом. В канун Рождества надевали серебряные ризы, блестящие как снег и сверкавшие голубыми искрами; в Крещение – литые серебряные ризы, сиявшие как зеркало...* (С. Соловьев). Словарь давал возможность заглянуть в прошлое: *...Несравненной силы и чистоты сине-голубой цвет, подобного которому не было ни до ни после Рублева и который слывет под названием «рублёвского голубца»* (Н. Дёмина). Издание электронное, есть версия в e-library, но главное в словаре – это сами наименования цвета. Представим небольшой отрывок из этого словаря.

Защитный. Защитная окраска. О цвете животного, совпадающем с цветом среды. Удивительно интересно было сидеть в полутьме на корточках, среди любопытствующих рептилий. Все детёныши были ровного шоколадно-коричневого цвета – **защитная окраска**, которую они сохраняют, пока не вырастут. (Дж. Даррелл). **Серо-зелёный.** Я стоял в дверях, ломая обеими руками свою **защитного цвета** офицерскую фуражку... (В. Катаев). О цвете глаз. Шутл. На нём была полинявшая военная гимнастёрка со споротыми погонами, а на лице – такого же **защитного цвета** глаза, большие и весёлые почти до наглости (И. Грекова).

Заяснеть. Становиться ясным, хорошо различимым. Мокрый блеск **заяснел** на витринах, на окнах, на трубах: первая стручка хлынула из водосточной трубы... (А. Белый).

Заячье-серый. Слабо-серый, цвета летней заячьей шкурки. [Варианты допустимого окраса вандейского бассет-гриффона] Может быть сплошным (**заячье-серый**, серый, палевый... трёхцветным (чёрный, белый и рыжий; белый, заячий и рыжий, белый, серый и рыжий). (Дж. Палмер).

Звезда. Цвета звёзд. Прозрачно мерцающий. О воде. Кажется, что если взглядеться в аквамарин, то увидишь тихое море с водой **цвета звёзд** (К. Паустовский).

Звездиться. Поблескивать, как звезда. Любуется **звездящейся** снежинкой... (В. Дмитриев).

Звёздно. Как звезда, звёзды. У Бернара, впервые смутившись, поднесла согнутую в локте руку к своему лицу и, **звёздно** сверкнув глазами, сказала вдруг покорно, уныло и тихо... (В. Кожевников).

Звездно-лиловый. О небесах ночью. [«Ночь в нижнем лагере»] Я там не был, но это, / наверно, чертовски красиво – / черно-белые вихри / на **звездно-лиловом** ковре! (Ю. Ключников).

Звёздно-серебристый. С серебристыми звёздами. О ясном ночном просторе. ...Это было похоже на ночь, проведённую у моря, когда сначала

всё сливается в однотонную, **звёздно-серебристую** пустоту, но незадолго до рассвета море вдруг начинает слабо отделяться от неба... (В. Катаев).

Звёздочка. В звёздочку. О «геометрии» иноцветового рисунка на ткани. ...Дополните брючный костюм длинным топом «в звёздочку» (Birda, 1995, №4).

В ходе работы над «Словарем цвета: полная версия» мы постепенно пришли к следующим, в чем-то неожиданным выводам. Работа над словарем цвета показала, что в современной лексикографии вполне можно снять ряд ограничений и действовать во славу русского слова в его полном объеме. Некоторые ограничения мы снимали в ходе, в процессе работы над словарем, а к некоторым подходили осторожнее, с прицелом на будущее.

Снять диктат времени с лексикографического материала! «Ушло» – значит ату его из словаря? Нет, оно было, оно принадлежало русскому языку, и не исключено, что оно может быть востребовано и вновь окажется в активном словаре языка. **Бакан.** Растительная прозрачная лаковая краска малинового или лилового оттенка из древесины красильных деревьев: сандала, красного, или фернамбукового... (Н. Замятина). Наблюдается сейчас и примеры стилизации под народную речь. В чужой душе, как в глухом лесу в **растёмным-тёмную** ноченьку, не сразу разберёшься (Е. Пермитин). ...Не нужны развлечения и шум курортов Ривьеры, а нужна тишина, запахи трав, альпийский колокольчик на шее далёкой коровы и **синь-прозелень** уникального озера, с самой чистой в Италии пресной водой... (Д. Рубина).

Снять диктат профессиональной ограниченности с лексикографического материала! На всероссийской научной конференции в Перми 29 апреля 2022 года прозвучал доклад профессора И.А. Подюкова о сборе лексики шахтеров в Пермском крае [Подюков 2022: 18]. Я узнала, что шахтеры, спускаясь в шахту, обязательно здоровались с завалом, без этого они не начинали работать. Оказалось, что у шахтеров был черный юмор: *Что такое смерть? Это на три дня тебя поднимут на свет белый, а потом опять опустят...* Но и для словаря цвета тоже нашлось «профессиональное употребление»: *отравленные, черно-желтые реки.* Конечно, сейчас всего этого уже нет, но оно было, а значит, принадлежит русскому языку, русскому слову.

Снять диктат территориальной ограниченности с лексикографического материала! *Лисеть* – буреть, желтеть. Дождь намочит, так лисеет все сено. Другие примеры: **желто-горячий** – оранжевый; **белотал** – ива белая, серебристая ветла; **жаровый** – огненно-красный; **гардальный** – желто-коричневый; **лазоревый** цветок – тюльпан [Брысина, 2017]. Диалекты русского языка, конечно, уменьшились, но совсем не исчезли, и многое из них заслуживает пристального внимания. Так, современные лингвисты собирают слова, бытующие в определенных местах. В телепрограмме на канале «Культура» об этом поведал кандидат

филологических наук Б.Л. Иомдин: *кеска* – мусорный контейнер (Калининградская область), *кукса* – *латша* быстрого приготовления (Южно-Сахалинск), *хабазина* – магазин (в Самаре), *шурушки* – всякая мелочевка (в Новосибирской и Томской областях), *бадик* – тросточка (в Воронеже), *курмыш* – глушь (в Самаре) [Иомдин: ТВ «Правила жизни», 23.09.2021]. Не исключено, что в коллекции Б.Л. Иомдина, насчитывающей свыше 4 тысяч единиц, есть и специфические названия цвета с современным территориальным окрасом.

Снять диктат типизированности (узуализации) с лексикографического материала! Учет, скажем так, принципиально равный, как для узуального словоупотребления, так и для окказионализмов, которые бывают исключительно выразительными. Уважение к русскому языку в целом – это учет всех его авторов, как известных, так и не очень известных, но пользующихся родным, русским языком. Идет опора на контексты из С.А. Есенина, И.А. Бунина, но также на контексты из произведений А. Титова, З. Воскресенской, Э. Шима, В. Ветровой. *О красном вечере задумалась дорога (С. Есенин). Здесь царство снов. На сотни вёрст безлюдны / Солончаков нагие берега. / Но воды в них – небесно-изумрудны / И шёлк песков белее, чем снега (И. Бунин). И отметил забавный факт: вишневые дрова горят розовым пламенем, сливовые – синим (А. Титов). А вот порознь я их [голубей] путала. Оба сизо-серые, подкрылья и нижняя часть спины белые (З. Воскресенская). Идет по глубокой пылище, черная босоножками; ноги уже серые и мохнатые до колен, и голубая юбка становится плюшево-серой (Э. Шим). Я хочу уснуть и видеть / Сон лилово-серый... (В. Ветрова).*

Снять диктат ограничения переводной литературы с лексикографических материалов! Мы включили в свой словарь переводные контексты (в ряде случаев с указанием переводчика!) на том основании, что здесь русский язык претерпевает развитие, становится многообразнее, ярче. *Дрил то самое довольно уродливое животное, которое вы можете увидеть едва ли не в каждом зоопарке мира: у него ярко-красный зад и он без стеснения предоставляет людям любоваться им... (Дж. Даррелл). Они [глаза] напоминали два черных камешка, что нередко выносят на берег волны и что, полежав на солнце, принимают тускло-серый оттенок (Х. Свенсен). [О Ван Гоге] Его палитра обогащается светлыми красками: изумрудно-зелёной, кобальтом, который он называет «божественным цветом», и кармином – «цветом красного вина, таким же жарким и одухотворённым, как само вино» (А. Перрюшо).*

Снять диктат дискурсивной ограниченности с лексикографического материала! Фактором, объединяющим разные оттенки цвета в единое пространство русского языка, может стать и становится исследование семантики цвета в различных дискурсах: научном и фольклорном, медицинском и производственном, детском и диалектном, военном и

разговорном. *Золотисто-жёлтая Цefeида и её голубоватый спутник в телескоп выглядят очень красиво... (Ф. Зигель). Где стрела та лежит, так от ней луч печет, Будто в день от красного от солнышка, Да в ночи то от светлого от месяца» (Гильфердин). При дифтерийном поражении кожи ранка долго не заживает и покрывается серовато-грязной плёнкой (Домоводство, 1965). В Китае были секреты изготовления фарфора. Никогда не узнать, как добывались позолоты на фарфоре» (ТВ, «Культура», 18 апреля 2022 г.). А цвет «москвича»? – Красный. Как компот (Миша Н., 3 г. 11 м.). Ярко-красный, алый цвет передает диалектное прилагательное червончатый [Брысина, 2017]. [Архангельск. Поезд № 15. Женщина лет 48 по сотовому:] Представляешь: 23 вагона – и все битком! А весь вокзал был в чёрных фуражках! И с двумя звёздами, и... (27.09.2013). [Водитель видит следы недавнего ДТП, говорит женщине-профессору:] О! Опять красные стеклышки! (2005 г.).*

Получается, все смешалось в доме Облонских? Действительно, такое смешение наблюдается, но без него не будет оптимального отношения к русскому языку, отношения полноценного, весомого, значимого и – сегодня, сейчас, в эпоху, когда русский язык в ряде стран превращается в диалект, едва ли не в пиджин, – особенно актуального. В настоящее время все сказанное особенно актуально в связи с, казалось бы, угасающим интересом к русскому языку и повышенным интересом к современным, этически подозрительным фактам, к изучению интернет-коммуникации, молодежного сленга, что в семантике цвета не проявляется, но влияет на общую оценку русского языка, русского слова. О превращении русского языка едва ли не в диалект, об утрате ценности русского слова, о необходимости защиты русского языка в Приднестровье говорила профессор Е.А. Погорелая на конференции в Арзамасе [Погорелая 2021: 342-343]. Что мы переживаем сейчас устами наших знакомых, кризис? Но кризис – это всегда открытие возможностей, так считают в Китае. Поэтому мы, «смешивая», то есть, объединяя, подходим к главному. На лексикографическом материале **можно приветствовать диктат полноохватного, масштабного подхода к русскому языку.** Здесь широчайший спектр возможностей, которые выше мы уже частично охарактеризовали. Русскому человеку при любой работе свойственна широкая мера допустимых действий: нужно взять все или ничего [Лотман 1992]. Действительно, снятие всех перечисленных ограничений может означать, что мы берем «все» (и сразу же «тонем» в своем словаре!), но при реальном, оптимальном подходе это как раз и будет лучшее претворение русского языка, русского слова в том или ином тематическом аспекте. Мы берем, действительно, многое, в первую очередь, отлавливая как раз то, что нам нравится, и чего, может быть, нет в известных словарях. Конечно, здесь нужна развернутая система помет, включающих названное явление в сонм аналогичных, но эти же пометы будут и

действовать на структуру словаря, создавать его цельность. Однако с пометами сейчас не все так просто.

В 2004 году в отзыве ведущей организации о пометах в словаре мы писали: «Психологически диссертанту весьма и весьма непросто критиковать словари, даже в части помет. Острота критики оборачивается против ее «автора» по принципу: «А ты сам попробуй, создай словарь, предложи и апробируй свою систему тех же помет!». Одному человеку это тем более сложно, вот почему при разборе данной диссертации мы бы отметили актуальность не только текста диссертационного сочинения, но и его... подтекста. В самом конце первой главы Г.Ю. Юмашева пишет: *«Стилистическая система русского языка в настоящее время претерпевает существенные изменения...»* [Юмашева 2004: 59], тогда как всем предыдущим текстом главы показано, что системы помет не готовы к отражению подобных инноваций. Наблюдается «провал параметров»: *книжное, высокое, народно-поэтическое, официально-деловое, специальное*. Работа дала неожиданный результат в плане оценки состояния русского слова. Высокое слово одномоментно способно работать и как материал для шутки (*эскулап*, например), поэтому пренебрежение античной символикой, античной образностью, полузабытой персоналией в современном языке привело к обеднению и игровой, смеховой стихии, комической кладовой языка [Юмашева 2004].

В этой работе был проведен анализ 689 рядов стилистических синонимов. Спросим себя, многое ли изменилось с 2004 года? Отнюдь. Вот почему нам надо восстанавливать утраченную систему помет при работе с расширенным словарем русского языка.

Расширение, масштабирование языкового прочтения становится знаменем работы – работы настоящей, требующей внимания и усердия, работы, отражающей современный мир в его (не только «цветном»!) многообразии. Словарь может быть тематически частным, но он будет, действительно, полным, поскольку в нем отразится удивительная радуга, многоцветие русского слова. Полагаем, что, наряду с традиционными словарями русского языка, выпуск таких словарей остро необходим нашему обществу на современном этапе развития. В.И. Даль преподнес нам замечательный урок **сбережения всего ценного** в русском языке, и современные словари русского языка не должны становиться беднее, ущербнее их предшественника – величественного, великого словаря В.И. Даля.

Литература и источники

1. Брысина Е.В. Особенности цветообозначения в русских диалектах / Е.В. Брысина. – Волгоград, 2017. – Режим доступа: <http://uapryal.com.ua/e-v-bryisina-volgograd-osobennosti-tsvetooboznacheniya-v-russkikh> (дата обращения – 01.05.2022)
2. Иомдин Б.Л. ТВ, канал «Культура», «Правила жизни», 23 сентября 2021 г.
3. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. – 272 с.
4. Погорелая Е.А. Нравственный императив социокультурного контекста динамики русского языкового мира // С любовью к слову. Сборник статей всероссийской (с международным участием) научной конференции... – Арзамас, 2021. – С. 342-343.

5. Подюков И.А. Экспрессивная лексика в профессиональной шахтерской речи Пермского края // Региональные культурные стратегии в современном мире: Программа всероссийской научно-практической конференции с международным участием 28-29 апреля 2022 года. – Пермь, 2022. – 32 с.

6. Харченко В.К. Словарь цвета: полная версия: около 6,5 тысяч слов в 12 тысячах контекстов. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2021. – 656 с.

7. Юмашева Г.Ю. Стилистические парадигмы русского существительного в динамическом аспекте. Дис ...канд. филолог. наук. – Воронеж, 2004.

Чистов В.В.,

к. пс. н., ЮКГПУ, г. Шымкент (Казахстан)

СЛОВАРЬ В.И. ДАЛЯ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. При анализе словаря В.И. Даля ярко просматривается культурологический аспект стилистики русского языка, характеризующий ментальность и этническое своеобразие русского народа в разных регионах. В приводимых словах, поговорках и образных выражениях находят отражение типичные для русского народа обороты речи и особенности образа жизни. Автор указывает на трудности нахождения аналогов для перевода ряда слов на другие языки, демонстрируя своеобразие лексики, сформировавшейся в духовной культуре народа.

Ключевые слова: этническое своеобразие, герменевтика, фразеология, безэквивалентная лексика, воспитание, духовная культура, пословицы, русский народ, культурное наследие, образ жизни

Summary. When analyzing the V.I. Dahl's dictionary, the cultural aspect of the style of the Russian language is clearly visible, characterizing the mentality and ethnic originality of the Russian people in different regions. The given words, sayings and figurative expressions reflect the speech turnover typical of the Russian people and the peculiarities of the lifestyle. The author points out the difficulties of finding analogues for translating a number of words into other languages, demonstrating the originality of the vocabulary formed in the spiritual culture of the people.

Key words: ethnic identity, folklore, hermeneutics, phraseology, non-equivalent vocabulary, education, spiritual culture, proverbs, Russian people, cultural heritage, way of life

Стремление познать и осмыслить исторические корни своеобразия народа, желание раскрыть ценностный смысл всех духовных устремлений человека нацеливает современных исследователей на глубокий анализ языка и его фразеологизмов, богатейшего фольклора, служивших на протяжении многих веков важнейшим дидактическим и воспитательным средством. «Толковый словарь великорусского языка» В.И. Даля представляет собой подлинный шедевр, отражающий полисемию языка и духовную культуру русского народа. Он построен по принципу корнесловного (гнездового) способа группировки слов, возводимых к общему корню. В словаре В.И. Даль указывает на происхождение слов, на диалекты в разных регионах, а также на производные варианты слов, используемые в разговорной речи.

Словарь – зеркало эпохи. Он представляет конкретный иллюстративный материал, позволяющий составить представление о народном быте и основных занятиях людей. Так, к примеру, глагол «рубить» имеет множество значений: «рубить дрова, дерево, капусту, мясо»; «рубить неприятеля»; «рубить сплеча», Он «хорошо рубится», т.е. «искусно дерётся»; «рубить (строить) избу»; «траву (косить) рубить», «рубить мачты» – у моряков и др. Есть также ряд поговорок и пословиц с этим глаголом: «В лесу рубят, а в мир щепки летят»; «Не руби выше головы, щепка глаза запорошит»; «Концы рубить, ближе к середке быть»; «Доколе будет

конь ходить и меч рубить». Далеко не все приведённые выражения можно адекватно перевести на другие языки, потому что их невозможно сопоставить с аналогичными иноязычными лексическими понятиями. Такие слова называются безэквивалентными, непереводаемыми. Они могут отражать национально-специфичные элементы культуры: предметы материальной культуры, факты истории, имена фольклорных героев, мифологических существ или быть выражены через символы, стереотипные эталоны и другие знаки национальной и общечеловеческой культуры.

В.И. Даль приводит слово «*абракадабра*», не имеющее аналогов для перевода, перешедшее в русский язык от древних евреев и греков, объясняемое им как «*род заговора от лихорадки, который пишется треугольником и носится в ладанке*».

«Система образов, закреплённых во фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о её культурно-национальном опыте и традициях» [Телия 1996: 215]. В этой связи имеются совершенно разные переводы иностранной литературы на русский язык, в частности сонетов У. Шекспира С.Я.Маршаком и Б.Л. Пастернаком, и других произведений. Это позволяет сделать заключение о возможности множественных интерпретаций одного и того же текста. При этом образное восприятие текста переводчиком тесно связано со спецификой его мышления и национально-культурной семантикой языка, т.е. возможно «бесконечно множество прочтений текстов, в контексте которых сознание «я» вступает в коммуникацию с текстом» [Бразговская 2001: 8]. Так, пословицы «*Заруби себе это на носу*»; «*Дождь хлынул как из ведра*» теряют свой смысл при дословном переводе и требуют иных лексических единиц.

Пословица – «цвет народного ума» [Даль 1959: 62], так как именно «ум, прежде всего, оберегает нравственность». Во многих народных идеоматических выражениях, поговорках и пословицах отражается этическая оценка поведения человека и народной жизни в целом, а также его этнической культуры. Однако важен не только показатель древней культуры народа, но и «созидательный дух родного языка. Одна из важнейших основ жизни нации, её единства и самосохранения, призыв обратиться к собственным корням» [Григорьева 2015: 257].

Многие обычаи и обряды характеризуют этническое своеобразие жизни народа, например, казаков: «*казак и в беде не плачет*», «*терпи, казак, атаман будешь*», «*не всем казакам в атаманах быть*». Народные пословицы ярко демонстрируют казачьи традиции: «*Без коня казак кругом сирота*»; «*Казак голоден, а конь его сыт*», так как «*казаку конь себя дорожке*»; «*Казак без коня, что солдат без ружья*». В пословицах отражён и быт казаков: «*Казак из пригоршни напьётся, на ладони пообедает*»; «*Коли казак, так и с Дону*»; «*У наших казаков (молодцов) обычай таков: поцеловал куму, да и*

губы в суму»; *«Где просторно (где пролезешь), тут и спать ложись»*; *«Казак как глазастая собака»*. Даются в словаре и производные глаголы: *«казаковать»*, т.е. *«наездничать, жить казаком»*: *«Ныне плохо казакуется, не дают или нельзя казаковать»*.

В словаре В.И. Даля отражены связи разных народов, поэтому много татарских слов, которые аналогичны другим тюркским (казахским, киргизским, узбекским и другим) языкам Центральной Азии и ряда регионов России. Так, слово *«аксакал»*, в переводе означающее *«белая борода»*, понимается в разговоре как *«старик»*, *«старшина»*, *«староста»*, *«выборный»*; слово *«алтын»* (в переводе *«золото»* *«шесть»*) фактически означает бывшую серебряную монету. В народном фольклоре счёт на алтыны закрепился, так как имеется множество поговорок, связанных с этим словом: *«У него алтынного за грош не уторгуешь»*; *«По-латыни – два алтына, а по-русски – шесть копеек»* – так отвечали бестолковому; *«Жалеть алтына – отдать полтину»*, т.е. больше убытка будет; *«От кума алтын, от кумы полотно»*, – говорили на крестинах; *«С алтыном воюют, без алтына горюют»*; *«Счастье – бедному алтын, богатому миллион»* и т.д. Производные существительные: *«алтынник»* – *«алтынная монета»*, то есть *«копейка серебром»*; *«алтынник, алтынница»* – *«скупец, скряга, крохобор»*. Производный глагол *«алтынничать»* означает *«жадно и скупко вымогать и добывать деньги»*. В народе нередко звучали такие выражения: *«Ты опять заалтынничал»*; *«Доалтынничаешь (или доалтынничаешься) до беды»*; *«Изалтынничался купчина»*; *«Много ли наалтынничал?»*; *«Поалтынничать было ещё»*; *«Итак весь день проалтынничал: весь проалтынничался»*, т.е. *«проторговался»*.

Татарское слово *«аршин»*, приводимое в словаре, также прочно вошло в русский язык как *«погонная мера, – четыре вершка (верха пальца); треть сажени; длина всей руки от плеча»* и др. С ним тоже существует множество пословиц, характеризующих меру и стиль взаимоотношений между людьми, отношение к тем или иным действиям: *«словно аршин проглотил»*; *«На аршине унести (обмерять) грешно, а на ножницах Бог велел (в кройке)»*; *«Аршин на кафтан, два на заплаты»* – в значении *«вычинка дороже вещи»*; *«Аршин не сукно, кувшин не вино»*; *«Семь аршин говядины да три фунта лент»*, – говорили о бессмыслице. Производные слова *«аршинник, аршинница»* характеризовали *«мелочного торговца тканями»* и были прозвищем для сидельцев и калужан. Глагол *«аршинничать»* означал *«заниматься торговлею»*.

Толковый словарь В.И. Даля обращает внимание на различные варианты слов, используя метафоры, сравнения, эпитеты, стилистически окрашенные слова, синонимы, антонимы, фразеологизмы, даёт объяснение ряда иноязычных слов. С целью адекватно передать истинный смысл и стилистические особенности культуры народа, используя семантическое поле языка, В.И. Даль даёт детальную интерпретацию эквивалента слов и

выражений, взятых из других языков, прочно вошедших в русскую речь. Так, он приводит множество французских и немецких слов, которые часто использовались в переносном смысле. Так, немецкое слово «*кляуза*» интерпретируется В.И. Далем как «*придирка, крючок, ябеда, сплетни*»; французское слово «*азарт*» он переводит как «*задор*», «*вспых*», «*горячность*», «*запальчивость*» и приводит примеры использования этого слова в словочетании: «*азартный человек*», характеризуя «*вспыльчивого*», «*горячего*», «*буйного*» человека, «*от счастья, удачи зависящего*», но «*отважного*». Азартные картежные игры он считает «*случайными*», «*роковыми*». Производный глагол «*азартить кого*» он переводит как «*сердить*», «*бесить*», «*выводить из себя*», «*из терпенья*»; «*азартиться*» – «*горячиться*», «*выходить из себя*», «*забываться*». Французское слово «*амуры*» также прочно вошло в русский лексикон в значениях «*милованье*», «*волочитство*», «*любовные делишки*», «*шашни*». Глагол «*амуриться*» он трактует как «*волочиться*», «*влюбляться*», «*любовничать*». Слово «*артист*», имеющее значение в европейских языках «*художник, музыкант, актёр*», используется и тогда, когда имеется в виду «*мастер своего дела, искусник*». В.И. Даль приводит такие выражения с этим словом: «*Какой-то артист к моему баулу подобрал отмычку*»; «*И на это-то у него арту не стало*». Слово может также использоваться в качестве прилагательного: «*артистский обычай*», «*артистическая отделка*» в смысле «*умелая*».

Поскольку национальное своеобразие языка и суждений «*заложено генетическим кодом*» [Байтанаев 1994: 77], оно не всегда может иметь аналоги в другом языке, что неразрывно связано с древней культурой народа, его обычаями и традициями. «*Обычай крепче (старше) закона*»; «*свой обычай в чужой дом не носи*», – предупреждают русские пословицы. Понимание любой человеческой деятельности: коммуникативной, практической и познавательной, осуществляется посредством познания исторического и культурного смысла литературных памятников и кодов духовной культуры определённого социума. Используя герменевтический анализ, основанный на извлечении подлинного смысла из текста и рефлексирование над ним, М.М. Бахтин рассматривал язык как своеобразную материализацию духовной культуры. Он направлял мысль исследователей не только на проникновение в самую суть давно минувших эпох, культур и цивилизаций, но и, самое главное, на воссоздание индивидуального, неповторимого самобытного духовного облика народа. Через язык осуществляется понимание «*народов, наций, что обеспечивает сложное единство всего человечества, всех человеческих культур*» [Бахтин 1979: 330]. Основой этого подхода является его социальность, выделение гуманистического и нравственного в изучаемой культуре. Находясь в полиэтнической среде многонационального государства с наличием множества различных культур и исследуя культурологический аспект наследия В.И. Даля, отражённого в его «*Большом толковом словаре*

великорусского языка», можно отметить огромное количество метких выражений, характеризующих «безбрежное море русского слова» и особенности культуры, самобытности и этнического своеобразия других народов в различных регионах России.

Прочно вошли в обиход русского языка тюркские слова, так как это обусловлено исторически. Но в русском языке они часто переосмысливаются, приобретая новые оттенки значения. Так, слово «*базар*» означает «торговля на открытом месте»; «сход и съезд в базарные дни недели для купли и продажи». Но это также «крик, гам, шум». Употребительны и производные прилагательные: «*базарный день*; «*базарная, (шумная) толпа*»; «*базарная, площадная брань*». В Симбирской и Псковской областях часто употребляли глагол «*базарить*» или «*базариться*», что означало «громко, шумно разговаривать, кричать, шуметь, браниться».

Слово «*хабар*», используемое в Ярославской и Тверской губерниях, означало «*гостинец, угощенье, попойка*»; в Вологодской – «*счастье, удача, лафа*»; в Казанской и Оренбургской областях, а также у всех тюркских народов – «*весть, известие*». С ним связано татарское выражение: «*Ему всё хабарить*» т.е., «ему везёт, счастливит удача», а глагол «*хабарничать*» означал «*хапать*», «*брать взятки*», «*поживляться*».

Культурологический подход ориентирован на исследование взаимоотношений культуры (и языка как её составляющей) с сознанием (внутренним миром) человека, который является носителем этой культуры. Из этого следует, что «изучение языка, его системы идёт параллельно с изучением человека как «языковой личности», несущей в себе особенности национального мышления, ценностных ориентиров, художественной логики лингвокультурного сообщества, так и этнической культуры в целом» [Караулов 1987: 56]. При этом культура народа, рассматриваемая через многообразие фразеологизмов, фольклорных образов и литературных произведений, является важнейшей стороной человеческой судьбы и человеческой истории. На необходимость знать культуру и образное слово родного народа указывал ещё М.В. Ломоносов, отмечая значимость изучения «правил грамматических, выбирания из книг хороших пословиц и старания о чистом выговоре при людях, которые красоту языка знают и наблюдают» [Ломоносов 1959: 62].

Исторический аспект культурологического анализа тесно связан с *социальным*. Согласно культурологической теории [Выготский 1982] каждая историческая эпоха удивительна и своеобразна в своих проявлениях, что даёт основание говорить о стиле культуры на определённом этапе развития общества. Духовные ценности, запечатлённые в слове, соотносятся с представлениями об идеале, желаемом и нормативном, помогая осмыслить действительность, смысл человеческой жизни.

Казахский писатель С. Сейфуллин подчёркивал, что «художественное слово, литература каждой эпохи рождаются согласно сознанию, быту и

идеалам, порожденным эпохой» [Сейфуллин 1964: 245б], и на протяжении столетий дети воспитываются посредством сказок, рассказов, эпоса, пословиц и поговорок, т.е. на устном народном творчестве.

Таким образом, через пословицы и меткие выражения проводится «определённый вектор не от языка к культуре, а от личности к культуре, к духовной жизни человека, сформированного этой культурой, а также системы его представлений о культуре, отражающейся в национальной картине мира» [Фортулатова 2004: 8-9]. И несомненно, что к словарю В.И. Даля «будут обращаться все, кому нужно изучать с какой бы то ни было стороны народную жизнь, вдумываться в родной язык и познать его богатства» [Грот 1885: 5б], ибо он «неиссякаемый источник цитат, образных выражений, поговорок русского народа», характеризующий его культуру, самобытность и этническое своеобразие.

Литература и источники

1. Байтанаев Б.А. Устно-поэтические традиции в художественной структуре казахского романа. – Алматы, 1994.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – Москва, 1979. – 423 с.
3. Бразговская Е. Е. Текст в пространстве культуры («Sny. Ogroefy, Serenite» Ярослава Ивашкевича): Монография / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2001. – 114 с.
4. Выготский Л.С. Собр.соч. в 6-ти т. Т.1. – Москва: Просвещение, 1982.
5. Григорьева Т.М. Наследие В.И.Даля в русской культуре XX-XXI веков / Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. – 2012. – №1. – С. 253-257.
6. Грот Я.К. Филологические размышления, Т.1. – СПб, 1885.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Москва: Цитадель. 1998. – 736 с.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – Москва, 1987.
9. Ломоносов М.В. Слово оратора. – Москва, 1959.
10. Сейфуллин С. Собр.соч. в 6-ти т. Казахская литература. – Т 6. – Алма-Ата, 1964.
11. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
12. Фортулатова Е.Ю. Культурологический подход к формированию умений восприятия художественных текстов при обучении русскому языку как иностранному: дисс. ... канд. пед. наук. – СПб: 2004. – 230 с.

Чумак-Жунь И.И.,
д. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород
Титовская А.В.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород

НОМИНАЦИИ «СВОИХ» И «ЧУЖИХ» В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА»

Аннотация. В статье рассматриваются номинации «своих» и «чужих» в повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», анализируются их коннотации. Кроме того, делается акцент на то, как и для чего писатель разграничивает наш и ваш миры.

Ключевые слова: повесть «Тарас Бульба», Н.В. Гоголь, «свои», «чужие», номинации, этнофолизмы

Summary. The article examines the nominations of «the own» and «the others» in N.V. Gogol's novel «Taras Bulba», analyzes their connotations. In addition, the emphasis is on how and for what the writer distinguishes between our and your worlds.

Key words: the story «Taras Bulba», N.V. Gogol, «the own», «the others», nominations, ethnopholisms

Особенности русской национальной картины мира, как и любой другой, во многом определяются многочисленными оппозициями, вербализующими глобальную модель жизненного мира – *свой/чужие*, в основе которой лежат базовые элементы *Время, Пространство, Человек*, причем в пространственных координатах эти оппозиции представлены как внешние/внутренние, а во временных – как статичные/динамичные.

Левый член оппозиций, которые вербализуют в узусе инвариант *свой–чужой*, может быть выражен не только местоимениями *мы, наши, эти*, но и другими, самыми разными единицами – *высокие (низкие), левые (правые), закрытые (открытые)* и т.д. Представление о *чужих*, номинации которых занимают позицию правого члена оппозиции, не ограничивается внешне выраженным несходством по анатомо-физиологическим, биологическим, географическим и другим (очень многочисленным) признакам. *Чужие* преимущественно интерпретированы отрицательно в аксиологическом плане. Ю.М. Лотман отмечал, что понятия «высокий – низкий», «правый – левый», «близкий – далекий», «открытый – закрытый», «ограниченный – неотграниченный», «дискретный – непрерывный» оказываются материалом для построения культурных моделей с совсем не пространственным содержанием и получают значение: «ценный – неценный», «хороший – плохой», «свой – чужой», «доступный – недоступный», «смертный – бессмертный» и т. п. [Лотман 1970: 266-267].

Для описания *чужих* характерны как динамичные, так и статичные оппозиции, но, следует отметить, что только для *внешних чужих*, преимущественно для представителей других национальностей, в языке существуют специальные номинации – не только нейтральные экзонимы (названия внешних сообществ – *немцы, кавказцы, янки*), но и хорошо известные в языковой среде и широко употребляемые этнофолизмы (обозначения чужих со значением пренебрежительности, которым присуще представление о чуждости названного), при этом негативность коннотации может варьировать от иронично-пренебрежительной (*хохол, бульбаш, пшек, пан, макаронник*) до просторечно-разговорной – презрительной, оскорбительной, вплоть до бранной. Так как критически оценивается именно то, что принадлежит чужому миру, именно номинации *чужих* дают представление о картине мира говорящего.

Обратимся к повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба», в котором яркую палитру героев писатель представляет через *наш* и *ваш* миры, дифференцируя людей как *своих* и *чужих*. Это проявляется, прежде всего, в том, как номинированы герои эпического полотна, изображающего жизнь казачества в Запорожской Сечи, по национальному признаку.

Этнофолизм *хохол*, который представлен в словаре В.И. Даля как номинация украинца (*Хохол, украинец, малоросс; хохлячка, хохлушка* ж. *Хохол глупее вороны, а хитрее черта. Хохол не соврет, да и правды не*

скажет. И по воду хохол, и по мякину хохол), в текстах Н.В. Гоголя не встречается.

Самая многочисленная номинация представляет обитателей Запорожской Сечи – казаков, которые в повести названы *козаками*. В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» при объяснении лексического значения слова *козак* делает ссылку на вокабулу *казак*: «Казак муж. или козак (вероятно от среднеазиатского казмак, скитаться, бродить, как гайдук, гайдамака, от гайда; ускок от ускочить, бежать; бродяга от бродить и пр. Киргизы сами себя зовут казак) – войскового обывателя, поселенный воин, принадлежащий к особому сословию казаков, легкого конного войска, обязанного служить по вызову на своих конях, в своей одежде и вооружении» [Даль 1989: 72].

Закономерно в свете репрезентации образа Украины использование украинской формы *козак* (с буквой *о*), которая существует в литературном украинском языке. В некоторых источниках указывается, что *козак* – это устаревшая форма слова *казак*. В произведениях А.С. Пушкина эта форма слова встречается редко, гораздо чаще – вариант *казак*. В украинском языке *козак* – литературная форма, которая имеет несколько значений: и «уроженец бывших войсковых областей», и «храбрец, фольк., молодец, удалец», и «сословное звание, воен.», и «молодой человек, как похвала».

Слово *козак* встречается в повести «Тарас Бульба» двести двадцать восемь раз, причем во всех случаях Н.В. Гоголь представляет «своего» *козака* как положительного героя. Например: «если козак проворовался, украл какую-нибудь безделицу, это считалось уже поношением всему козачеству», «не любили козаки богато вырядиться на битвах; простые были на них кольчуги и свиты, и далеко чернели и червонели черные червоноверхие бараньи их шапки».

В повести *козак* показан добрым, простым, смелым, вольным и доблестным человеком и воином. Именно таким рисует «своих» Николай Васильевич Гоголь.

Чужие в повести «Тарас Бульба» представлены несколькими номинациями, самой частотной из которых является лексема *ляхи*.

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова слову *ляхи* дается два определения:

1) «поляк (устар.). «Не то беда, что ты поляк: Костюшко – лях, Мицкевич – лях, беда, что ты Видок Фиглярин» Пушкин;

2) мн. Употребляющееся иногда в науке название польских племен».

Лексема *лях* встречается в повести «Тарас Бульба» сорок один раз: «у ляха пустоголовая натура: брани не вытерпит; и, может быть, сегодня же все они выйдут из ворот», «меня могут как-нибудь узнать и захватить проклятые ляхи», «это вам, вражьи ляхи, поминки по Остапе».

Пренебрежение к «чужим» представлено эпитетами-прилагательными *хвастливые, проклятые и пустоголовые*. Лексема *ляхи* в повести имеет ярко выраженную негативную коннотацию.

В повести упоминается еще один представитель «чужих» – *жид*. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля есть такое определение лексемы: «Жид, жидовин, жидюк, жидюга муж., жидова или жидовщина жен., жидовье ср., собир. – скупой, скряга, корыстный скупец» [Даль 1980: 557].

В произведении Н.В. Гоголя лексема *жид* встречается девятью пять раз в контекстах, поддерживающих ярко выраженную негативную окрашенность, присущую этнофолизмам. Например: «если жиду вперед не заплатишь, то и обедни нельзя править», «посоветился ли Иуда выйти противу своих, или обманул жид, и попался он, просто, в неволю», «потому что всё, что ни есть недоброго, всё валится на жида; потому что жида всякий принимает за собаку; потому что думают, уж и не человек, коли жид».

Прилагательные, которые характеризуют существительное *жид* – *нечистые, проклятые, бедные, испуганные и жалкие люди*. Общее описание внешности жида соответствует этим эпитетам: «тощий жид, несколько короче Янкеля, но гораздо более покрытый морщинами, с преогромною верхнею губою, приблизился к нетерпеливой толпе».

В повести гораздо реже, но встречаются еще два этнофолизма: «чтобы *бусурменов* били, и *турков* бы били, и *татарву* били бы; когда и *ляхи* начнут что против веры нашей чинить, то и *ляхов* бы били».

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля нет определения слова *бусурмены*, но есть лексическое значение другой формы этого слова: «Басурман, бусурман, босурман, бесермен, басурманин м. басурманка ж. басурманщина ж. собират. неверный, нехристианин; особ. мусульманин, а иногда всякий неправославный; всякий иноземец и иноверец, в неприязненном значении, особенно азиятец или турок. Басурманский, относящийся до басурмана» [Даль 1980: 54].

В повести «Тарас Бульба» эта лексема встречается всего пять раз: «да ведь он бусурмен: и бог, и святое писание велит бить бусурменов». В произведении Н.В. Гоголя описание этого народа встречается редко, но автор подчеркивает, что это люди другой веры, а значит «чужие».

В «Малом академическом словаре» дается такое толкование лексемы *татарва*: «пренебрежительное название татар (во 2 знач.) как врагов Руси».

В произведении «Тарас Бульба» Н.В. Гоголь использует данную лексему тоже пять раз. Например: «а во время отлучки и татарва может напасть: они, турецкие собаки, в глаза не кинутся и к хозяину на дом не посмеют прийти, а сзади укусят за пяты, да и больно укусят».

Безусловно, здесь лексема *татарва* имеет ярко выраженную негативную коннотацию и служит для разграничения двух миров «*своих*» и «*чужих*».

Таким образом, изучение вариантов оппозиции, с одной стороны, позволяет определить особенности словесно-образного портрета *чужих* в русской национальной картине мира, с другой – может способствовать реконструкции картины мира (или ее фрагмента) языковой личности, фиксируя конкретную точку зрения говорящего.

Литература и источники

- Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В 7-ми т. Т. 2. Миргород / Комментарий С. Машинского. – М.: Худож. лит., 1984. – С. 28-138.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. – М.: Рус. яз., 1880. – Т. 1: А – З. – 1980. – 812 с.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. – М.: Рус. яз., 1989. – Т. 2: И – О. – 1989. – 779 с.
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
- Малый академический словарь / Ред.: А. П. Евгеньева, М., 1957–1960 (АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.)

Якимова Е.М.,

к. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

УЛЫБКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.И. КУПРИНА: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются языковые средства репрезентации улыбки. Автор анализирует особенности функционирования эпитетов, метафор и сравнений, которые служат для описания улыбки в художественных текстах А.И. Куприна. Анализ образных номинаций показывает использование общеязыковых и индивидуально авторских способов описания. Авторские средства выразительности могут стать материалом словаря писателя.

Ключевые слова: художественный текст, А.И. Куприн, идиолект, улыбка, сравнение, метафора, эпитет

Summary. The article deals with the linguistic means of representation of a smile. The author analyzes the features of the functioning of epithets, metaphors and comparisons that serve to describe the smile in the literary texts of A.I. Kuprin. Analysis of figurative nominations shows the use of common language and individually author's methods of description. Author's means of expression can become the material of the writer's dictionary.

Key words: literary text, A.I. Kuprin, idiolect, smile, comparison, metaphor, epithet

В современных исследованиях языка художественного произведения последовательно реализуется лексикографическая проекция. Несмотря на большое количество существующих словарей, активно обосновывается необходимость дальнейшей лексикографической работы [Изотов 2015], издаются новые словари языка писателей или конкретного художественного произведения, отмечается возможность составления контрастивных словарей поэтического языка нескольких авторов [Бобунова 2021].

Рассматривая перспективы лексикографирования языковых единиц на основе художественных текстов, В.К. Харченко указывает на необходимость фиксации «снайперски точных описаний, например, описаний боли, походки, взгляда, улыбки [Харченко 2015: 44]. Предполагаем, что художественные тексты И.А. Куприна могут стать источником для лексикографирования языковых единиц, описывающих невербальное поведение, поскольку указанные произведения представляют собой довольно насыщенные в

параязыковом отношении тексты. В текстовое пространство А.И. Куприн включает подробное описание как парафонических явлений (голос, смех, плач и т.д.), так и кинетических элементов (мимика, жесты, походка), значимых для создания образа персонажа. Писатель с особой скрупулёзностью описывает голос, жесты, мимику, что проявляется в многообразии используемых образных средств [Якимова 2019]. Такие образные средства, будучи элементом идиостиля, могут составить значительную часть словаря параязыковых элементов. Словарь может включать разделы «Жесты», «Мимика», «Позы», «Телодвижения», содержащие варианты языкового выражения невербальных элементов в художественном тексте. Составление такого словаря требует большой лексикографической работы, классификации и систематизации собранных языковых фактов.

Для лексикографирования невербального элемента *улыбка* можно проанализировать функционирование этой кинемы в художественных текстах А.И. Куприна. Частотность употребления лексемы *улыбка* (более 300) позволяет, во-первых, определить особенности вербализации кинетического явления, во-вторых, использовать систематизированные примеры в качестве основы для ряда междисциплинарных исследований.

В текстовом пространстве описание улыбки представлено довольно широким спектром языковых средств. Отметим многообразие эпитетов, которые образуют синонимические ряды, например: *милая улыбка (Святая любовь)*; *очаровательной улыбкой (Тапер)*; *с чудесной улыбкой (Поединок)*; *с нежной, прекрасной улыбкою (Суламифь)*; *светлых и прелестных улыбках (Поединок)*. Здесь и далее примеры взяты из произведений А.И. Куприна, включённых в Национальный корпус русского языка [Национальный корпус русского языка 2003-2022].

Характерной особенностью является употребление автором лексем положительной оценки при указании преклонного возраста, детского возраста и женского пола: *вдруг улыбнулся славной старческой улыбкой (Гранатовый браслет)*; *слегка улыбается нежной старческой улыбкой (Жанета)*; *с мирной старческой улыбкой (Яма)*; *с довольной детской улыбкой (Поединок)*; *со светлой, почти детской улыбкой (Яма)*; *милая женская улыбка (Свадьба)*; *праздничных женских улыбок (Каприз)*. Примеры показывают, что эпитеты могут служить не только средством создания образа персонажа, но и средством выражения мировосприятия автора, его установок и оценок.

В целом используемые автором описания улыбки соотносятся с утверждением, что «улыбка является мощным положительным социальным сигналом» [Бутовская 2004: 179]. Так, в текстах А.И. Куприна зафиксировано многообразие эпитетов, отражающих доброжелательное отношение к окружающим: *ласковая улыбка (Колесо времени)*; *с любезной улыбкой (Поединок)*; *с вежливой приветливой улыбкой (Жанета)*; *одобрительной*

улыбкой (Юнкера); благодарной улыбкой (Жанета); почтительными улыбками (Тапер); подобострастными улыбками (Река жизни); заискивающую улыбку (На покое). Приведённые примеры представляют собой градационный ряд, который содержит варианты языковой репрезентации мимического проявления (улыбки). В соответствии с интенцией автор выбирает эпитет, который будет максимально точно описывать отношение или коммуникативное намерение персонажа.

Большую смысловую нагрузку эпитеты получают в контекстах, актуализирующих негативное отношение посредством описания улыбки. Так, можно указать следующие примеры: *презрительной улыбкой (Юнкера); недоверчивая, сторожкая улыбка (Яма); ироническая горькая улыбка (Поединок); скептическая улыбка (Локон); улыбка – шаловливая и насмешливая (Поединок).* В лексикографическом плане письменная фиксация целого ряда эпитетов показывает возможность выбора наиболее точного слова для описания мимики человека и его отношения к окружающим, что может быть востребовано в рамках проведения психолингвистических и социолингвистических исследований.

Эпитеты могут репрезентировать ментальное состояние персонажа: *задумчивой улыбкой (Гранатовый браслет, Впотьмах, Дух века);* выступать средством репрезентации внутреннего мира персонажа: *задумчивую и рассеянную улыбку (Сентиментальный роман);* становиться элементом портретного описания: *глупейшая блаженная улыбка (Яма); глуповатой улыбкой (Штабс-капитан Рыбников);* выражать коммуникативное намерение персонажа или указывать на его отсутствие: *двусмысленные улыбки (Яма, Молох); многозначительной улыбкой (Тапер, Киевские типы); бессмысленные улыбки (В цирке, Белый пудель, Поединок);* показывать особенности характера и поведения человека: *беззаботная, проказливая улыбка (Последние рыцари); с беззаботной улыбкой (Яма); беспечной улыбкой (Сентиментальный роман, Олеся); с дерзкой улыбкой (В зверинце).* Разнообразие экстралингвистических причин мимического действия улыбка ставит перед автором художественную задачу – с помощью образных средств репрезентировать разные семантические типы улыбки: улыбки-чувства, улыбки-состояния, улыбки-отношения и т.д. В ряде контекстов можно отметить сопряжение разных мимических проявлений, например, симптоматических (репрезентирующих эмоции) и собственно коммуникативных (выражающих конкретную информацию в коммуникативной ситуации): *дрогнула лёгкая, но многозначительная улыбка (Олеся).* А.И. Куприн использует эпитеты в качестве речевого средства, выбор которого зависит от конкретных авторских интенций, реализуемых в контексте, а также от художественного замысла в целом.

Функции эпитетов в художественном тексте часто связаны с репрезентацией эмоций, поэтому лексикографирование так называемых эмоциональных эпитетов может составить необходимую базу примеров для

лингвистических исследований в рамках нового направления – лингвистики эмоций. По мнению исследователей, «обычно улыбка выражает радость или другое подобное чувство, приятное субъекту... <...> Однако это может быть и весьма сложное чувство, в котором достаточно велика доля интеллектуальной оценки, причем радость переплетается с чувствами, неприятными субъекту, например, с печалью или злостью» [Новый объяснительный словарь синонимов русского языка 2004: 1200]. Языковые примеры из произведений А.И. Куприна иллюстрируют репрезентацию эмоциональных состояний посредством таких лексем, как **напряженная, грустная, мучительная, измученная, жалкая**, а также имплицитное выражение истинных отрицательных эмоций: **с натянутой улыбкой (Бонза); бледная насильственная улыбка (Поединок); деланных улыбках (Поединок); деланной актерской улыбкой (На покое); казенных улыбок (Жанета)**. Систематизация эпитетов, выражающих спектр чувств человека, может стать необходимым этапом исследования языка художественного произведения в плане эмотивности текстовых единиц.

В художественной актуализации эмоций особенно значимой представляется возможность сопоставления разных способов языкового выражения конкретной эмоции, например: **грустная улыбка (Жанета) – разливается тёплая, всегда грустная улыбка (Жанета); с весёлыми улыбками (Гамбринус) – расплывается на его умном лице весёлая улыбка (Юнкера); добродушная улыбка (Поединок) – служебно серьезное лицо распустилось в самую добродушную улыбку (Юнкера); неожиданно радостной улыбкой (По заказу) – лицо озаряется неожиданно светлой и ясной улыбкой... (Воробей); с застенчивой улыбкой (Олеся) – застенчивой и развратной улыбкой Монны-Лизы (Яма); счастливых улыбок (Впотьмах) – вместе с ландышами и маргаритками своих сияющих улыбок (Жанета); злыми улыбками (Впотьмах) – судорожные злобные улыбки (Штабс-капитан Рыбников); в плотоядной улыбке (Наталья Давыдовна) – что-то скверное, низменное, змеиное в улыбке (Поединок); самодовольной улыбки (Мелюзга) – самоуверенной улыбкой красавца, знающего, что он безукоризнен с внешней стороны, прекрасно одет и любим женщинами (Страшная минута)**. Именно образные номинации в большей степени демонстрируют индивидуально-авторскую манеру, поскольку в художественном тексте автор обладает свободой выбора языковых средств и их сочетаний как для достижения фактической точности, так и для выражения авторской оценки.

Сочетание эпитетов позволяет автору акцентировать внимание не только на общих характеристиках мимики, но и на динамических особенностях улыбки: **томной, медленной улыбкой (Олеся); лёгкая милая улыбка (Юнкера); чуть заметной лукавой улыбкой (В цирке); со слабою прелестною улыбкой (Юнкера)**. Выполняя характеризующую функцию, эпитеты одновременно создают многомерные образы, которые обогащают

читательское восприятие и позволяют правильно понять и интерпретировать авторский замысел.

Многостороннему и адекватному восприятию образов способствуют лексические средства выразительности, которые включают общезыковые способы описания улыбки и индивидуальные авторские образные средства:

1) перцептивные эпитеты, например: *бессмысленную, тусклую улыбку (Поединок), всегда одинаковой бесцветной улыбкой (Гамбринус); светлой улыбки (По заказу), искрящейся улыбки (Дочь великого Барнума); мягкой улыбкой (Погибшая сила); нежной улыбкой (Олеся); тёплая, всегда грустная улыбка (Жанета); кислую улыбку (Яма) – со сладкой улыбкой (Киевские типы) – с горькой улыбкой (Поединок);*

2) эпитеты-сравнения, в том числе зооморфные: *шутовскими улыбками (Гранатовый браслет); слабой, идиотской улыбкой (Яма); баранью улыбку (Как я был актером); телячья улыбка (Впотьмах);*

3) сложные эпитеты: *застенчиво-бесстыдной и бессмысленно-страстной улыбкой (Яма); обворожительно-светлой улыбкой (Яма); странной, нежно-развратной улыбкой (Река жизни); добродушно-лукавая улыбка (Молох);*

4) многочленные ряды эпитетов, которые в смысловом отношении могут выполнять функцию уточнения: *её улыбка – нынешняя, домашняя, безыскусственная улыбка, такая застенчивая, тихая и женственная (По-семейному);* функцию дополнения: *углы его губ дергались странными, злыми, насмешливыми, нечеловеческими улыбками (Штабс-капитан Рыбников);* функцию усиления: *милой, славной, стародавней улыбкой (Юнкера);* функцию противопоставления: *презрительной и в то же время смущённой и бессильной улыбкой (Жидовка).*

5) эпитеты в совокупности с интерпретантами, которые представляют собой «авторское объяснение смысла жеста» [Хроленко 2013: 126]: *не могут удержать на своих лицах добрых улыбок: приязни и поощрения (Юнкера); губы складывались в такую блаженную улыбку, что мне становилось понятно, как далеко были ее мысли от моих рассказов (К славе); по неопределенной улыбке, блуждавшей вокруг его губ, было заметно, что он не видит своего собеседника (Поединок).* Интерпретанты помогают понять авторское видение мира в целом, обеспечивают правильное понимание замысла произведения, способствуют адекватному пониманию образного описания и дополняют, корректируют читательское восприятие.

В лексикографической практике фиксирование метафорических контекстов, разнообразных эпитетов, сравнительных конструкций, развёрнутых описаний улыбки представляется особенно значимым, поскольку все перечисленные индивидуально авторские средства репрезентации невербального поведения могут составить богатый иллюстративный материал словаря параязыка писателя и наиболее точно и выразительно описать значение кинемы в той или иной коммуникативной

ситуации. Лексикографирование параязыковых элементов может быть востребовано в рамках психолингвистических и социолингвистических исследований, а также при изучении невербального компонента общения и составлении практических рекомендаций, касающихся коммуникативного поведения.

Литература и источники

1. Бобунова М.А. Контрастивный авторский словарь как экспериментальная авторская форма // Вопросы лексикографии. – 2021. – №21. – С. 69-86.
2. Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека). – Москва: Научный мир, 2004. – 440 с.
3. Изотов В.П. «Великий и могучий» в лексикографическом измерении: на пути к «Словарю языка И.С. Тургенева» // Писатели-орловцы в контексте отечественной культуры, истории, литературы: Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. Л.В. Алешина. – Орел, 2015. – С. 150-154.
4. Национальный корпус русского языка. 2003-2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: ruscorpora.ru (дата обращения – 10.05.2022).
5. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. / Под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. – Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. – 1488 с.
6. Харченко В.К. Голосовые эпитеты в художественном тексте: перспективы лексикографирования // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2015. – Выпуск 25. – №6 (203). – С. 44-51.
7. Хроленко А.Т. Основы современной филологии: учеб. пособие / науч. ред. О.В. Никитин. – Москва: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 352 с.
8. Якимова Е.М. Образное описание мимики (на материале произведений А.И. Куприна) / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Выпуск 12. – №2. – С. 209-213.

**Секция 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЛОВАРЕЙ
И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ В ВУЗЕ И ШКОЛЕ**

Артемяева Е.И.,
учитель, ОГБОУ «Пролетарская СОШ №1»
магистрант, НИУ «БелГУ», г. Белгород.
Науч. рук. – Новикова Т.Ф.,
д. пед. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

**НОМИНАЦИЯ ЖАНРОВ ПУБЛИЦИСТИКИ КАК ОБЪЕКТ СЛОВАРНОЙ
РАБОТЫ НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Аннотация. В статье рассмотрены публицистические жанры как объект словарной работы на уроках русского языка с конкретными примерами. Исследованы приёмы словарного диктанта-тезауруса и интервью.

Ключевые слова: интервью, репортаж, фельетон, эссе, очерк

Summary. The article considers journalistic genres as an object of vocabulary work in Russian language lessons with specific examples. Techniques of vocabulary dictation-thesaurus and interview are studied.

Key words: interview, report, feuilleton, essay, essay

В последнее время методика преподавания русского языка существенно изменилась. Во многом это связано с введением новой формы итоговой аттестации – Единого государственного экзамена. В текстах ЕГЭ для анализа и выполнения открытого задания с развернутым ответом в части В (написание эссе-рассуждения) чаще всего предлагаются тексты публицистического стиля, поэтому на уроках русского языка в 9-11 классах ряд уроков посвящен точному изучению особенностей журналистских жанров [Прохоров 1995: 97].

Все заметки на уроках языкового развития в 10-11 классах учащиеся вносят в рабочие листы, которые распечатываются для каждого из учеников. Такие работы хранятся в отдельной папке, они активно используются при написании реферата-рассуждения, так как позволяют скорректировать большую часть изученного на уроке материала (что существенно экономит время урока и сохраняет логику изучения предмета).

Тексты для работы на уроке подобраны таким образом, чтобы, с одной стороны, они стимулировали обсуждение проблемы, а с другой – давали необходимый фактический и лингвистический материал для создания собственного речевого высказывания.

Публицистический стиль служит для воздействия на людей через СМИ. Он встречается в жанрах статьи, эссе, репортажа, фельетона, интервью, ораторской речи и характеризуется наличием социально-политической лексики, логики, эмоциональности, оценочности. [Костомаров 1971: 115]

Работа с текстом занимает особое место в языковом развитии учащихся. На уроках русского языка существует множество форм текстовой работы. Особое внимание хотелось бы уделить словарной работе.

Используем методический прием **словарный диктант-тезаурус.**

Журналистское расследование, интервью, информационная заметка, корреспонденция, очерк, письмо, репортаж, статья, фельетон, эссе.

После орфографического комментария и проверки правописания трудных слов переходим к развернутой словарной работе. Словарные статьи оформляются на основе или по образцу словарей, таких как «Толковый словарь» Д.Н. Ушакова, «Толковый словарь» С.И. Ожегова.

ИНТЕРВЬЮ – [тэ], нескл., ср. (англ. interview) (книж.). Беседа представителя печати с каким-нибудь общественным деятелем по злободневным вопросам, имеющим общественный интерес. *Дать кому-нибудь интервью. Получить у кого-нибудь интервью.*

Газетная статья, излагающая содержание этой беседы. *В интервью вкралось несколько неточностей.* [Ушаков 2008: 256]

РЕПОРТАЖ, -а, м. 1. Сообщение о местных событиях, о событиях дня, информация (в печати, по радио, телевидению). Р. о футбольном матче. Р. с места события. 2. Работа корреспондента, пишущего такие сообщения. Заниматься репортажем. || прил. *репортажный*, -ая, -ое (к 1 знач.). [Ожегов 2010: 465]

ФЕЛЬЕТО́Н, фельетона, муж. (франц. feuilleton, букв. листок). Статья на политическую, общественную или научную тему, легко и живо написанная, помещаемая в особом, для этого предназначенном отделе газеты. *Литературный фельетон* (критическая или беллетристическая статья в газете). *Маленький фельетон* (злободневная сатирическая статья небольших размеров).| только ед. Самый этот отдел газеты (спец.) [Ушаков 2008: 762].

ЭССЕ [сэ], нескл., ср. (спец.). Прозаическое сочинение небольшого объема и свободной композиции на частную тему, трактуемую субъективно и обычно неполно. *Философское э. Литературно-критическое э.* || прил. *эссеистический*. -ая, -ое. [Словарь С.И. Ожегова: 793]

О́ЧЕРК, очерка, муж. (книж.). 1. Контур, очертание. *«Не подходи: обведена волшебным очерком она»*. Баратынский. *«Как нежны очерки лица и шеи белой»*. Мей. 2. Небольшое литературное произведение, дающее краткое выразительное описание чего-нибудь (лит.). *Бытовой очерк*. 3. Описание, изложение, исследование вопроса, дающее общее представление о нем. *Биографический очерк. Очерк русской грамматики.* | Только мн. Частое заглавие специального научного труда, состоящего из исследования ряда взаимно связанных вопросов. *Очерки русской литературы. Очерки по русской истории.* [Ушаков 2008: 641].

Для полноценного освоения приемами создания того или иного жанра, организуется самостоятельная творческая или проектная деятельность. Для этого создается проблемная ситуация: например, можно предположить, что мы находимся на встрече с Владимиром Николаевичем Крупиным – выдающимся русским и советским педагогом, публицистом и писателем, главным редактором журнала «Москва». Перед учениками стоит задача: «как бы» взять интервью у В.Н. Крупина. Ребята в группах должны сформировать

интересующие их вопросы для будущего интервью и определить, кто будет являться интервьюером. Примерные вопросы, которые могут быть разработаны учениками:

● *Какая прочитанная Вами книга больше всего Вас затронула и повлияла на Вас?*

● *Можете назвать самые распространённые ошибки начинающих писателей?*

● *Есть ли секрет литературного успеха?*

● *Вы читаете отзывы к своим книгам?*

● *В написании книг больше искусства, вдохновения или ремесла?*

● *Всегда ли Вы знаете конец рассказа, который в настоящее время пишете?*

Данная информация поможет узнать школьникам об интересном человеке много новой информации: познакомиться с его точкой зрения, с его жизненными взглядами и, возможно, получить важные и нужные советы в литературоведении и журналистике.

Публицистический стиль – один из самых значимых стилей речи в русском языке. Важной особенностью публицистики считается применение типичных для современной жизни способов изложения материала. Изучение данного «жизненного» стиля речи важно начинать еще в школе, когда ученики открыты к познанию всех сфер деятельности [Солганик 2002: 25]. По нашему мнению, начинать необходимо с толкования смыслов и значений понятий, поверхностно знакомых ребятам (те же *интервью, очерк, эссе* и др.): работа со отдельным словом и примерами-иллюстрациями станет первой ступенью в овладении учениками публицистическим стилем речи.

Литература и источники

1. Большой толковый словарь русского языка : современная редакция / Д.Н. Ушаков. – Москва: Дом Славянской кн., 2008. – 959 с.

2. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка современной газетной публицистики. – Москва: Изд-во МГУ, 1971. – 267 с.

3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополн. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Москва: ООО «А ТЕМП», 2010. – 874 с.

4. Прохоров Е.П. Введение в теорию журналистики: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по профилю «Журналистика» / Е.П. Прохоров. – Москва: Изд-во МГУ, 1995. – 293 с.

5. Солганик Г.Я. Стилистика современного русского языка и культура речи: учеб. пособие для студ. филолог. фак. и фак. журналистики высших учебных заведений / Г.Я. Солганик, Т.С. Дроняева. – Москва: АКАДЕМИА, 2002. – 251 с.

Губанова В.А.
магистрант, НИУ «БелГУ», г. Белгород
Науч. рук. – Новикова Т.Ф.,
д. пед. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

**ФУНКЦИИ НЕОЛОГИЗМОВ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ:
ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.
НЕОЛОГИЗМЫ КАК ОБЪЕКТ СЛОВАРНОЙ РАБОТЫ**

Аннотация. В данной статье исследованы функции неологизмов в аспекте рекламно-информационного жанра в русском языке. Определены наиболее распространенные способы образования неологизмов, описана их классификация по различным критериям. С опорой на примеры в статье показаны наиболее продуктивные русские аффиксы, позволяющие неологизмам полноценно адаптироваться к языку-преемнику и создать свою словесную парадигму.

Ключевые слова: рекламный текст, неологизмы, прагмалингвистика, неолексемы, заимствование, рекламный дискурс, функции рекламы, словарная работа

Summary. This article examines the functions of neologisms in the aspect of the advertising genre in the Russian language. The most common ways of forming neologisms are identified, their classification according to various criteria is described. Based on examples, the article shows the most productive Russian affixes that allow neologisms to fully adapt to the successor language and create their own verbal paradigm.

Key words: advertising text, neologisms, pragmalinguistics, neolexems, borrowing, advertising discourse, advertising functions, vocabulary exercise

Конец XX – начало XXI века характеризуются существенным воздействием информационных потоков на человека. Среди них особое место занимает реклама как одно из самых ярких явлений современности, привлекающее внимание людей различных профессий, культурных слоев, возраста.

Тексты печатной рекламы являются особым образом организованным явлением коммуникативного характера, где одинаково значимы структурно-композиционные, вербальные и невербальные коды организации текстового пространства. Для рекламных текстов характерна совокупность экстралингвистических и интралингвистических условий, вызывающих иллюкативный и перлюкативный эффект. Основой первого является установка на адресата, целевую аудиторию, целесообразность, логичность размещения рекламы. Второй эффект достигается воздействием на потенциального клиента, его сознание, характеризуется стремлением вызвать у него эмоции, манипулировать его поведением. Исходя из этого, реклама являет собой креолизованный текст – поликодовый феномен, который отличает данный вид текста насыщенностью средств выражения рекламного послания и тактических приемов организации рекламного дискурса.

Основной целью рекламного текста является воздействие на адресата – потенциального потребителя. Изучением речевого воздействия занимается функциональная прагмалингвистика, в рамках которой существует классификация функций: 1) функция сообщения – информирование получателя с помощью текстов; 2) функция побуждения – призыв к оценке или определенному поведению; 3) оценочная функция – оценка отправителя; 4) функция обращения [Матвеева 2003: 52].

Все инновационные явления общественной, политической, культурной жизни общества находят воплощение в новых словах – неологизмах. Изучение новых слов, анализ путей и способов возникновения в языке всегда отражает наиболее характерные тенденции в изменении его словарного состава на современном этапе развития. Следует отметить, что рекламный текст является сферой, наиболее быстро реагирующей на изменения в языке. Это происходит по нескольким причинам: во-первых, реклама требует лаконичности и четкости выражения для результативного воздействия на реципиента. Поэтому вместо длинного предложения или словосочетания выгодно использовать слово, заменяющее собой пространные высказывания. Например: *Грумминг* – комплекс процедур по уходу за собаками, *коуч* – наставник, консультант, помогающий при постановке как личностных, так и групповых целей, определяющий приоритеты развития и карьерного роста.

Вторая причина заключается в целевой аудитории рекламы. Если она направлена на молодую аудиторию, то целесообразным будет применение неологизмов для акцентирования внимания на том или ином продукте рекламирования. Молодежь, активно используя в своем словарном запасе неолексемы, обратит внимание на современную трендовую рекламу, рассказанную на их языке. Например: «Чтобы пользоваться *топовым гаджетом*, не обязательно его покупать! Запустили программу, которую ждали многие: MTS Upgrade – новый *смартфон* каждый год!» (реклама компании МТС). Нетрудно заметить, что данный рекламный лозунг пестрит неологизмами: *топовый, гаджет, апгрейд, смартфон*. Выделенные словарные единицы относятся к категории неолексем – новых слов, возникших в языке путем прямого заимствования из другого языка (*мессенджер, клининг, роуминг, кэшбек, лифтинг*) или же в ходе словообразования (*мегаполис, гипермаркет, суперакция, колл-центр*). По степени новизны все неологизмы, приведенные в статье в виде примеров, являются абсолютными, так как ранее не были использованы в языке – *мейнстрим, картинг, барбер*.

Возвращаясь к причинам употребления неологизмов в рекламном тексте, стоит отметить один важный момент. Реклама подстраивается под запросы целевой аудитории, она зависит от потенциальных потребителей, в то время как реципиент при хорошем исходе (сформированной потребности в приобретении товара, заинтересованности, эмоциональном отклике на рекламу) дает обратную связь и как бы замыкает действием цепочку взаимоотношений. Отсюда возникает коммуникативный характер рекламы. Исходя из этого, можно выделить еще одну функцию неологизмов в рекламном тексте: направленность на целевую аудиторию узкой профессиональной области. Например: «Как создать *NFT-токен* и что такое *смартконтракт* и *блокчейн*? Освойте одну из самых высокооплачиваемых профессий на курсе *Нетологии “DevOps-инженер”*». Реклама практически прямым текстом указывает, что только при освоении профессии мы сможем

понять данные термины. Еще пример: «Nexters Studio – один из ведущих разработчиков мобильных игр, издающихся по всему миру. Сейчас Nexters разрабатывают новый крутой проект на стыке *казуала* и *мидкора* – стилей, очень популярных в *гейм-индустрии*...». Важно отметить, что лозунги достаточно сложно воспринимаются на слух, из-за чего мы сможем встретить их только в виде баннеров в социальных сетях или на веб-сайтах. С точки зрения канала восприятия к неолексемам могут относиться слова, для понимания смысла которых, обязательно их зрительное восприятие; этот вид лексики называют графическими неологизмами. Поэтому в некоторых рекламных проектах важно использование изображений, символов, идеографических и пиктографических знаков. Визуальное восприятие выступает в качестве основополагающего фактора семантизации слов.

Анализируемые в данной статье неолексеммы появились в русском языке совсем недавно, и поэтому они представляют интерес для словарной работы, а также дополнения словарей неологизмов XXI века. Исследуемые неолексеммы, отобранные из рекламных текстов, можно классифицировать по определенным уровням. Ранее мы упоминали классификацию по степени новизны и виду языковой единицы (абсолютные, неолексеммы). Важно обратить внимание на процесс словообразования неологизмов в русском языке для упрощения работы с ними и занесения в существующие словари с максимально полной информацией о них.

В современной русской рекламе существуют неологизмы, образованные по схеме заимствование + русские аффиксы. Данные слова заимствованы из иностранного языка (преимущественно английского) и уже адаптировались в русском.

К данному способу словообразования относятся неолексеммы, образованные уже по существующим в языке моделям:

1) с помощью суффикса (*клининг* → *клининговая* (компания, фирма); *Профессиональная уборка квартир, домов и коттеджей от клининговой компании «Армия чистоты»...*). Имя прилагательное *клининговая* образовано от заимствования «клининг» с помощью русского суффикса *-ов-*. Слово «клининг» происходит от английского «cleaning», которое означает «уборка, очищение». Суффикс *-ов-* является словообразовательной единицей, образующей имена прилагательные со значением принадлежности чего-либо лицу или существу, которые названы словами, от которых соответствующие имена прилагательные образованы [Ефремова 2000: 367].

2) с помощью приставки – в настоящее время все чаще в русский язык входят слова с приставками иностранного происхождения: *акция* → *промоакция*. *Промоакции и скидки в сентябре от компании Fleur Alpine*; Имя существительное «промоакция» образовано от заимствования из французского языка «action», которое означает «действие для достижения какой-либо цели». Префикс *промо-* – это слово-приставка, которое

в английском языке является укороченной версией слова «promotion» – продвижение, реклама.

3) приставочно-суффиксальным способом (*лимит* → *безлимитный*). Такой *безлимит по мне! Тариф «Безлимитный»* (Реклама оператора сотовой связи BeeLine). Имя прилагательное «безлимитный» образовано от заимствования «лимит» с помощью русских аффиксов *без-* и *-н-*. Слово «лимит» произошло от английского «limit», которое означает ‘межа; предел; предельная норма чего-л.’ [Толковый словарь иноязычных слов, 2005: 436]. Префикс «без-» представляет собой словообразовательную единицу, образующую имена прилагательные со значением признака, который характеризуется противоположностью качества по сравнению с тем, что назван мотивирующим именем прилагательным (безболезненный, бездеятельный, бездоказательный, бесклассовый, безнаказанный, безнравственный, бесплановый, бесчеловечный, безыскусственный и т. п.). А суффикс *-н-* образует имена прилагательные, которые обозначают локальный или временной признак, характеризующийся тем или отношением к тому, что названо мотивирующим словом [Ефремова 2000: 912]. Итак, слово «безлимитный» является производным словом от «лимит». Под словом «безлимитный» понимается «не предусматривающий ограничений; неограниченный».

Приведенные словарные единицы, пришедшие в русский язык в процессе заимствования, уже адаптировались к русской системе и приобрели специфику, присущую русским словам (род, число, падеж и т. д.). Кроме того, неологизмы стали развивать собственную словообразовательную парадигму, то есть от них появились новые производные слова.

Интересен процесс образования неологизмов путем словосложения. Одним из наиболее распространенных является способ образования новых слов путем присоединения заимствованной приставки к русскому слову: «*Суперкачество по суперцене!*»; «*Сверхзащита. Супераромат!*»; «*Суперпризы каждую неделю!*»

Данные слова образованы по префиксальной словообразовательной модели от мотивирующего имени существительного «качество», «цена», «упаковка» и т.д. с помощью префикса *супер-*.

Префикс *супер-*, который заимствован из английского языка («super»), образует имена существительные со значением проявления повышенного или высшего качества, а также усиленного действия, названного мотивирующим именем существительным [Ефремова 1996: 729]. Аналогичным образом образуются слова с префиксами *мега-*, *нео-*, *гипер-*: *неоакция*, *мегашоптинг*, *гипермаркет*. *Неоакция для неоптимистов!* (реклама напитка Имунеле Нео), *Мегашоптинг для всей семьи!* (реклама торгового комплекса «Мега»), *Гипермаркет Линия: магазин низких цен и больших покупок!* (реклама гипермаркета «Линия»).

Подводя итог, следует отметить, что неологизмы являются основными языковыми средствами выражения прагматической функции современных рекламных текстов. Анализ рекламных текстов показывает, что неологизмы могут употребляться для лаконичности и четкости выражения мысли, экономии рекламного пространства и повышения информативности текста. Также особенности языка рекламы зависят от целевой аудитории, на которую делается упор, – молодежь, взрослые, люди старшего поколения. Насколько целесообразным будет применение тех или иных слов и оборотов, поймет ли определенная категория рекламный посыл – такие важные вопросы возлагаются на копирайтера и создателя рекламных слоганов. Из потребностей целевой аудитории образовывается реклама узконаправленная, пестрящая новейшей терминологией, профессионализмами. Таким образом, неологизмы имеют полифункциональный характер в текстах рекламно-информационного жанра.

Исходя из анализа неологизмов, можно отметить, что такие способы словообразования, как словосложение и аффиксация, являются наиболее продуктивным методом образования новых слов. Приведенные примеры с префиксами *супер-*, *гипер-*, *мега-* являются подтверждением выдвинутой гипотезы. Неолексемы, адаптировавшиеся в русском языке, рассматриваем под словообразовательной моделью «заимствование + русские аффиксы», также являющейся распространенной: на это указывают многочисленные примеры рекламных слоганов с языковыми новообразованиями.

Выделенные нами неолексемы являются важнейшими объектами словарной работы, а также материалом для обновления словарей неологизмов.

Литература и источники

1. Матвеева Л. В. Восприятие рекламных сообщений в телекоммуникации / Л. В. Матвеева // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Володина. – Москва: МГУ, 2003. – С. 49-62.
2. Ефремова Т.В. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т.В. Ефремова. – Москва: Русский язык, 2000. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения – 10.05.2022).
3. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие / Е.А. Земская. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Флинта: Наука, 2011. – 328 с.
4. Зирка В.В. Роль неологизмов в рекламных текстах [Электронный ресурс] / В.В. Зирка // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации» Т. 26 (65). – 2013. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-neologizmov-v-reklamnyh-tekstah> (дата обращения – 10.05.2022).

РАЗВИТИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РАМКАХ УЧЕБНО-ПРОЕКТНОЙ ПРАКТИКИ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ)

Аннотация. Автор анализирует возможности организации проектной деятельности в обучении будущих педагогов в ходе прохождения практики. Лингвистические проекты связаны с Музеем слова, который объединяет этнографическую экспозицию культурно-значимых реалий и культурологический комментарий к словам-реалиям. Приведены результаты одного из таких проектов.

Ключевые слова: проектная деятельность, педагогическое образование, культуроведческий комментарий

Summary. The author analyzes the possibilities of organizing project activities in the training of future teachers during the internship. Linguistic projects are associated with the Museum of the Word, which combines an ethnographic exposition of culturally significant realities and a cultural commentary on words-realities. The results of one of such projects are presented.

Key words: project activity, pedagogical education, cultural commentary

В рамках перехода от традиционного, знаниевого подхода к компетентностному как в системе образования в целом, так и в системе вузовской подготовки по-прежнему остается остро актуальным вопрос о разработке и внедрении в процесс обучения эффективных методов, приемов, технологий, соответствующих новым реалиям. Как показывают наблюдения, одним из инструментов, успешно применяемых для реализации современных задач профессионального образования в вузе, может стать проектный метод, понимаемый как «инновационная технология обучения, при которой обучающиеся приобретают новые ЗУНы в процессе поэтапного, самостоятельного (под наставлением педагога) планирования, разработки, выполнения и продуцирования усложняющихся заданий, аспектов проблемы, ее микротем» [Юрловская 2014]. Метод проектов позволяет учащимся не только использовать уже имеющиеся знания, умения, навыки в решении задач будущей профессиональной деятельности, но и приобретать новые, осваивать возможности их творческого применения. В работе над проектами у обучающихся развиваются исследовательские способности, самостоятельность, креативность, умение работать с различными источниками информации (научными исследованиями, словарями, базами данных и др.) [Сафонова, Подольский 2017].

Следует отметить, что применение проектной деятельности в обучении будущих педагогов особенно значимо, поскольку метод проектов в настоящее время активно используется на всех ступенях образования, начиная с дошкольного, и овладение его методикой становится насущной необходимостью для учителя и воспитателя. Преподаватель, осуществляющий роль наставника в руководстве проектом, должен не только обладать определенными знаниями по тематике проводимых исследований, но и, несомненно, иметь собственный опыт подобной деятельности

(и, по-видимому, неоднократно), чтобы эффективно выполнять соответствующие функции.

Осознание важности проектной деятельности в профессиональной подготовке будущих педагогов привело к решению ввести в Петрозаводском государственном университете с 2019 года в качестве обязательного компонента учебных планов всех специальностей педагогического бакалавриата учебно-проектной практики. Данная практика проводится у педагогов с 3 по 8 семестр обучения и включает не только самостоятельную, но и аудиторную работу (2 учебных часа в неделю).

У педагогов-русистов 2 курса данная практика организуется в течение двух последних лет. Для первоначального знакомства с проектно-исследовательской деятельностью было решено предложить студентам проекты лингвокультуроведческой направленности, взяв за основу идеи Т.Ф. Новиковой, изложенные в статье «Урок одного слова» [Новикова 2012], когда учащимся необходимо собрать и обобщить информацию по отдельной лексеме, привлекая данные лингвистических, исторических, этнографических, искусствоведческих и др. источников. Поскольку проект «Одно слово» рекомендован в работе со старшеклассниками, мы сочли возможным адаптировать его к уровню студентов 2 курса, многие из которых, как оказалось, ранее почти не были знакомы с методом проектов. Целесообразность такого решения была продиктована и другими причинами: в первую очередь выполнение проекта выводит учащихся на знакомство с антропоцентрической парадигмой современной лингвистики и такими ее направлениями, как лингвокультурология, этнолингвистика, когнитология, знакомство с которыми не предполагается на ступени бакалавриата; оно же позволяет углубить знания по недавно изученным курсам лексикологии и лексикографии, расширить представления студентов о культурных коннотациях слов в русском языке и способах их репрезентации. Важнейшим обстоятельством является и тот факт, что проект позволяет формировать лингвокультуроведческую компетенцию будущих преподавателей – одну из четырех базовых компетенций, которая все более актуализируется в содержании курса русского языка в школе.

Кроме того, получилось так, что проектная деятельность студентов еще до ее непосредственного начала случайным образом нашла «заказчика» на свой конечный продукт. В Гуманитарном парке Петрозаводского государственного университета возникла идея создания Музея слова – предметно-виртуального музейного пространства, которое бы объединило в себе конкретно-предметное (представленное в этнографической экспозиции университета) и языковое воплощение культурно значимых реалий. Разработку слов-экспонатов решили начать с освоения артефактов традиционной народной культуры, в результате годичный проект получил название «Пространство русского дома».

В рамках проекта студентам было предложено выбрать одно из слов / словосочетаний, представляющих данную тематическую группу: *печь, окно, крыша, стол, красный угол, бабий кут, двор, ворота*. Во втором семестре к ним присоединились лексемы *самовар, скалка, полотенце, горшок, прялка, веретено*. Проекты выполнялись в парах (как исключение – втроем), на занятиях после вводных лекций заслушивались отчеты групп, на которых учащиеся представляли фрагменты изученного материала и комментарии к ним, в зависимости от этапа работы группа получала новое задание. Конечный продукт должен был быть представлен в виде презентации с отсылкой к источникам, из которых была получена информация. В ходе работы использовались словари, энциклопедии, базы данных, интернет-ресурсы, фольклорные (и в отдельных случаях – художественные) тексты, полевые записи.

В процессе работы над культурологическими комментариями к анализируемым словам совместно со студентами были обозначены два основных подхода в их представлении: собственно культурологический (функционирование самой реалии в быту, традициях, обрядах, верованиях русских) и лингвокультурологический (представление о слове, зафиксированное в языке). Кроме того, каждый из представленных аспектов отдельно разрабатывался студентами относительно традиционной культуры Русского Севера, которую в соответствии с концепцией музея было важно обозначить на общерусском культурном фоне.

Покажем на примере лексемы *печь* некоторые результаты этой работы.

Так, изучение роли *печи* как важнейшей составляющей пространства русского дома включило в себя сбор и обобщение информации о материальной культуре русского народа, связанной с сооружением, конструкцией, функционированием печей. Студенты собрали и представили информацию о таких разновидностях печей, как черная, полубелая, белая, глинобитная: остановили внимание на сооружении глинобитных печей, почти неизвестных современному молодому поколению; рассмотрели организацию внутреннего пространства дома, где была черная печь, в частности – как удавалось сохранить чистыми стены и пол в таком жилище, как черная печь способствовала обеззараживанию пространства дома и др. Также авторы проекта выяснили, в каких домах были преимущественно белые печи, а в каких черные, чем отличались печи на севере и на юге, в какой части дома они устанавливались, как было связано с печью деление дома на мужскую и женскую половины и т.д. Специально рассматривались конструктивные части традиционной русской печи, уточнялись их названия и предназначение. Благодаря изучению функций печи в традиционном крестьянском быту студенты узнали, что ее использовали не только для обогрева и приготовления пищи, но в ней мылись, принимали роды, лечили и лечились, выхаживали скотину, спали.

Описание духовной культуры русских, связанных с печью, предполагало изучение обрядово-ритуальных, магических, мифологических представлений. В качестве источников информации в этой части проекта авторы использовали этнолингвистический словарь «Славянские древности», монографию А.В. Гуры «Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика», труды этнографа XIX века П.С. Ефименко, материалы, опубликованные в базах данных «Этнография и фольклор Русского Севера», «Этнография и фольклор Олонецкой и Архангельской губерний», сведения из лингвистических словарей, в частности – словаря В.И. Даля. Собранный материал был распределен по отдельным рубрикам, в число которых вошли календарные и семейные обряды (родильно-крестильные, свадебные, похоронные и др.). Отдельно рассматривались обряды, сопровождавшие сооружение печи, приметы и запреты, с ней связанные, а также лечебная и любовная магия, предполагавшая ритуальные действия с печью или около печи.

Местный материал, с которым познакомились студенты, позволил выявить некоторые локальные традиции и представления, связанные с этим артефактом. Так, авторы проекта в процессе работы с диалектными словарями узнали об «аналоге» домового на территории Карелии и Обонежья – женском мифологическом существе, получившем название *запечельная мара*, или просто *мара* или *запечельница*. Подобно общерусской *буке* ее имя иногда и сейчас упоминают в Карелии люди старшего возраста, чтобы успокоить непослушных детей.

Разработка свадебной символики *печи* на Русском Севере позволила включить в материал такое наименование свадебного обряда, как *печеранич* (Кондопож. р-н Карелии, Заонежье), когда в последний день свадебного торжества родня невесты ездил к жениху *ронять печки*. В XX веке на территории Карелии дальше обрядовой угрозы уронить печь, судя по полученным данным, дело не шло, но нет сомнений, что в языческом прошлом это могло существовать вполне реально, символически подчеркивая противостояние двух домов в процессе перехода женщины из одной семьи в другую. Поиск аналогов обряда в славянском ареале позволил установить, что данная традиция более известна у западных и южных славян, а у русских она отмечается гораздо более редко.

Анализ собственно лингвистического материала, связанного со словом *печь* в русском языке, начался с изучения современных словарей: студенты рассмотрели и сопоставили его значения в толковых словарях русского языка, установили состав дериватов, выделили фразеологические обороты с данной лексемой (в литературном языке – единичные). Далее осуществлялся сбор данных о слове с опорой на этимологические и исторические словари, «Словарь» В.И. Даля, диалектные лексикографические источники («Словарь русских народных говоров», «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей», «Словаря живого поморского языка в его бытовом

и этнографическом применении» И. М. Дурова и др.). В итоге студентам удалось собрать и обобщить замечательный лингвистический материал, особенно неожиданный и уникальный в плане употребления слова и его дериватов в русских диалектах. Самой обширной оказалась в говорах, в том числе на Русском Севере, группа номинаций, называющих части печи и пространства около нее (*опежье / опечек / опечка, припечек, подпечье / подпечек, запечек/ запечье, печурок* и под.), что позволило, опираясь на тезис Ю.С. Степанова о том, что значимость предмета в сознании определяется через степень его параметризации в языке, сделать вывод об особой важности печи в русской этноязыковой картине мира.

К схожим наблюдениям пришли авторы проекта, анализируя и другие номинации, деривационно восходящие к слову *печь*. Особенно это заключение подтверждается севернорусским диалектным материалом, где слово *печь* гораздо более выражено, чем в литературном языке и других говорах, ассоциируется с центром дома, может заменять саму лексему *дом* и ее производные в обозначении некоторых привычных понятий. Ср. сев. рус. *запечерина, запеченник* и общерус. *домосед*, сев. рус. *запечельница* и рус. *домовой*; выражение *вырасти в грязной печи*, то есть в бедном доме.

Синонимизация понятий *семья* и *печь* отражается в таком северном топониме, как *Печище* (а также белом. *печище* ‘сенокосный луг’, пинеж. *пятище* ‘участок земли (пахотной или сенокосной), которым владеют несколько хозяев’), который восходит к нарицательному существительному *печище*, фиксируемому в «Словаре XI–XVII веков» в значении ‘небольшая северная деревня, преимущественно заброшенная; бывшее родовое поселение большой семьи, общины’, а также ‘земельное угодье, принадлежащее этой деревне’ [Словарь, вып. 15, 1989: 40]. Таким образом, внутреннюю форму данной лексемы на этапе ее возникновения можно определить как общность людей, объединенных одним домом, одной печью.

Слова *печь, печка* широко используются на Русском Севере и для номинации объектов не-домашнего мира (например, мелей, луд, каменистых выступов на дне моря, озера, напоминающих по форме печь или каменку; речных порогов с соответствующими внешними характеристиками). На фоне в целом широкого применения «домашней» лексики в освоении природного пространства на Севере (что отражает, в частности, известный топоним *Карские ворота*) появление в этой функции лексемы *печь* оказывается вполне закономерным.

Результаты этнолингвистического изучения собранного словарного материала, помимо презентации проекта, были представлены в сентябре 2021 года на Международной научной конференции «Русское слово в научной парадигме XXI века» (г. Вологда). В печати находится подготовленная по материалам доклада публикация. Таким образом, проект получил продолжение в исследовательской работе студентов, на сегодня

подготовлены уже три статьи по тематике проекта, и данная работа продолжается.

В заключение хочется отметить, что далеко не все аспекты и возможности лингвокультурологического осмысления изучаемых слов попали в поле зрения авторов проектных работ. Так, оказался слабо проанализированным фольклорный материал, в том числе паремиологический, мало привлекался или вообще не привлекался к исследованию материал художественных текстов, не рассматривалась динамика представлений о том или ином слове в русском языковом сознании. В основном на перспективу отложена и работа по использованию проектных материалов в прикладном аспекте, хотя бесспорно, что он может найти отличное применение в обучении русскому языку в школе, работе по популяризации русского языка в школе и вузе, в музейной педагогике и культурно-просветительской деятельности.

Литература и источники

1. Новикова Т. Ф. Урок одного слова: путь от значения к смыслам // Русский язык в школе. – 2012. – № 1. – С. 10-15.
2. Сафонова К.И., Подольский С.В. Проектная деятельность студентов в вузе: принципы отбора проектов и критерии формирования проектных групп // Общество: социология, психология, педагогика : междунар. науч. интернет-журн. 9.11.2017. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektnaya-deyatelnost-studentov-v-vuze-printsipy-otbora-proektov> (дата обращения – 12. 05.2022).
3. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 15 (Персть – Подмышка). – Москва: Наука, 1989.
4. Юрловская И. А. Проектные технологии в реализации стандартов высшего профессионального образования третьего поколения [Электронный ресурс] // Наукovedение : интернет-журнал. 2014. Вып. 2. Март – апрель. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/127PVN214.pdf> (дата обращения – 12.05.2022).

Корнейко Е.А.,

*к. пед. н., учитель русского языка и литературы МОУ «Майская гимназия»,
п. Майский, Белгородская область*

СЛОВАРЬ ЭТНОХОРОНИМОВ КАК ПРОДУКТ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. Статья посвящена анализу этнохоронимов на примере названий жителей населенных пунктов Белгородского района. В работе представлены словообразовательные модели образования региональных этнохоронимов.

Ключевые слова: этнохоронимы, ойконимы, словообразовательные модели, словарь этнохоронимов.

Summary. The article deals with the problem of demonyms (name for a resident of a locality which is derived from the name of the particular locality). The models of regional demonyms formation were studied and the reasons for discrepancies between names of localities (place names) and demonyms were revealed.

Key words: demonyms, place names, word-formation models, dictionary of demonyms.

Современные педагогические технологии направлены на активизацию и интенсификацию деятельности школьников. В педагогике большое внимание уделяется самостоятельным, поисково-исследовательским видам работы, усилению аналитического компонента учебной деятельности,

всемерного развития личности обучаемого. Участие в исследовательской деятельности – одно из условий превращения ученика в активного субъекта учебной работы. В процессе организованной поисковой деятельности обучение состоит не в усвоении способов решения частной задачи, а в овладении общими способами решения задач определенного класса. Школьники учатся исследовать условия поисковой задачи, самостоятельно собирать языковой материал для анализа, находить новые способы действия – словом, открывать новые знания и способы их добывания.

Популярными объектами исследований школьников в рамках деятельности общегимназического научного общества «Юный филолог» являются ономастические единицы: ойконимы, годонимы, эргонимы и др. Но большой интерес у школьников вызвала работа, посвященная анализу и систематизации этнохоронимов Белгородского района. Объектом исследования стали названия жителей населенных пунктов Белгородского района и города Белгорода в форме мужского рода единственного и множественного числа, т.е. этнохоронимы, а предметом – особенности образования данных лингвистических единиц.

Вопросы, связанные с наименованием жителей определенного географического объекта, существуют достаточно давно. В разрешении этих трудностей могут помочь специальные словари. Как отмечают авторы словаря «Русские названия жителей» И.Л. Городецкая и Е.А. Левашов, необходимость словарей этнохоронимов обусловлена разными причинами, главная из которых – их сложный словообразовательный механизм: на службе патронимического словообразовательного словопроизводства состоит более полусотни суффиксов: *-ец, -анец/-янец, -ынец, -овец/-евец, -овлянин/ -евлянин, -чанин, -ич, -ит* и др. [Городецкая, Левашов 2003: 4].

Название жителей города Белгорода образовано при помощи одного из самых продуктивных патронимических суффиксов – суффикса *-ец*. Однако в словаре «Русские названия жителей» приводится пример употребления с суффиксом *-чанин*: Что ж, остается только завидовать белгородчанам. Человек и закон. 1990,3 [Городецкая, Левашов 2003: 44]. Мы считаем данную форму случайной и не соответствующей правилу, что большинство наименований жителей от названий населенных пунктов мужского рода с основой на твердый согласный, содержащий корень *-город-*, образуется с помощью *-ец*.

Очень часто в речи и коренных белгородцев, и гостей города, и в СМИ мы слышим: *бѣлгородцы, Бѣлгородская* область (с ударением на первом слоге). Мотивируют это тем, что ударение в исходном слове падает на первый слог: *Бѣлгород*. Но этот пример является иллюстрацией одного из свойств русского ударения – подвижности.

К сожалению, в рассматриваемом этнохорониме встречаются не только орфоэпические, но и орфографические ошибки. Например, на одном

из высших учебных учреждений города мы встретили следующую надпись:
С праздником, дорогие Белгородцы!

Таким образом, проанализированные ошибки ещё раз доказывают необходимость создания словаря этнохоронимов Белгородчины, который поможет избежать словообразовательных, орфоэпических и орфографических ошибок.

В состав Белгородского района в соответствии с постановлением Белгородской областной Думы от 08.11.2007 N П/21-21-4 «О перечнях населенных пунктов Белгородской области» входят 86 населенных пунктов. Нами были проанализированы все возможные варианты этнохоронимов рассматриваемых населенных пунктов (с опорой на основные словообразовательные модели и словари) и распределены в соответствии с особенностями образования по следующим группам:

1. С суффиксом -ец (в форме ед.ч) – *березовец, ближнеигуменец* и др.
2. Суффикс -анин/–янин (-чанин) (в форме ед.ч) – *дубовчанин, бродовчанин, быстрянин* и др.
3. Суффикс -овец/-евец (в форме ед.ч) – *отрадновец, церкововец* и др.
4. Суффикс -енец/-инец (в форме ед.ч.) – *беломестенец, солохинец* и др.
5. Использование описательной формы – *житель села Новая Деревня* и др.

Среди населенных пунктов Белгородского района особенного внимания заслуживает поселок Майский. Наш поселок достаточно молодой. На основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 января 1968 года в Белгородской области был переименован поселок областной опытной сельскохозяйственной станции. По отношению к жителям нашего поселка употребляются два этнохоронима: *майцы* и *майчане*. Какой же вариант правильный? В соответствии с правилом, что почти ко всем основам географических наименований, оформленных как прилагательные на -ский, добавляется суффикс -ец, жителя населенного пункта Майский следуют называть *маец*. А в словаре «Русские названия жителей» мы не встретили топоним «Майский» по отношению к нашему населенному пункту, но существует город Майский, расположенный в республике Кабардино-Балкария. В словаре рекомендуется использовать форму *маец* (мн. ч. *майцы*). В качестве иллюстрации дается пример из СМИ: «Ими гордятся майцы». Так называется доска трудовой славы... города Майского. *Сов. молодежь (Нальчик) 15 августа 1968 года* [Городецкая, Левашов 2003: 179]. Однако в современной речи используется этнохороним с суффиксом -чанин (например, новости на официальном сайте республики Кабардино-Балкария: *Майчане* почтили память павших в Великой Отечественной войне).

Авторы словаря «Русские названия жителей» И.Л. Городецкая и Е.А. Левашов отмечают особенность суффикса -чанин, словообразовательная активность которого в современной речи оценивается весьма критически. Полагают, что этот строевой элемент недавно и неоправданно выпустили на

волю газетчики и журналисты [Городецкая, Левашов 2003: 8]. Этот суффикс известен древнерусскому языку, а особую активность приобрел во второй трети XX века под пером журналистов. Среди причин, вызвавших активизацию обычно выдвигается одна – его однозначность: употребляется только в наименованиях лиц по месту жительства (для суффикса *-ец* это значение – одно из многих). Также в отличие от суффикса *-ец*, суффикс *-чанин* легко порождает форму женского рода (*майчанин* – *майчанка*).

Таким образом, с точки зрения современного словообразования оба варианта (*майцы*, *майчане*) правильны, но в связи с особенностями употребления суффикса *-чанин* (образование формы женского рода и функционирование в «живой» и публицистической речи), считаем предпочтительным употребление этнохоронимов *майчане*, *майчанин*, *майчанка*.

Представленный анализ языковых особенностей образования названий жителей населенных пунктов основан на материалах словарей и материалах анкетирования. Работа по анкетированию населения требует продолжения. Более того, в процессе работы мы пришли к выводу, что анкету для изучения этнохоронимов Белгородского района следует расширить, например, добавить вопросы по выявлению неофициальных данных (прозвищных, шуточных, с негативной оценкой).

Считаем, что словарь региональных этнохоронимов нужен, он может оказать помощь жителям населенных пунктов нашего региона школьникам, студентам, учителям, работникам средств массовой информации в выборе правильного варианта того или иного этнохоронима.

Литература и источники

1. Городецкая И.Л., Левашов Е.А. Русские названия жителей: Словарь-справочник: Более 14000 названий / Л.И. Городецкая, Е.А. Левашов. – Под ред. Е.А.Левашова. – Москва: ООО «Русские словари»: «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2003. – 363 с.

Пашкова Г.И.,

к. пед. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЗАНЯТИЙ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация. В статье рассматривается возможность проведения занятий лексикографической направленности с использованием приемов современных образовательных технологий. Приведены примеры заданий для формирования у обучающихся лексикографической компетенции.

Ключевые слова: лексикография, лексикографическая компетенция, современные образовательные технологии, словари русского языка

Summary: The article considers the possibility of conducting lexicographic classes which use the techniques of modern educational technologies. Tasks examples for the formation of students' lexicographic competence are provided.

Key words: lexicography, lexicographic competence, modern educational technologies, Russian language dictionaries

Современный урок рассматривается в настоящее время как технология и открыт для применения современных образовательных технологий. На занятиях по русскому языку для формирования лексикографической компетенции у обучающихся широко используются такие технологии, как: педагогическая мастерская, проблемное обучение, технология решения исследовательских задач, проектное обучение, информационно-коммуникационные технологии, игровые технологии, обучение в сотрудничестве, развитие критического мышления через чтение и письмо, «открытое» обучение и др.

Главным для «открытых» форм обучения является самостоятельная работа учащихся: свободная работа над учебным планом (недельным, дневным), работа индивидуальная, в паре, в группе, работа над проектом [Пашкова 2004: 13-17]. Предлагаем тематику проектов, посвященных изучению лексикографии.

Индивидуальные проекты. «Родословная слова» (указывается время, место рождения, национальность, сфера употребления). «Стройматериалы слова», «Дружба приставок с разными частями речи», «Смени иноземный наряд на русские одежды». «Сопоставим лексическое значение слова» (сопоставление слова в разных типах словарей, например, в толковом и энциклопедическом словарях.) При их выполнении применяются учебные словари для школьников.

Групповые проекты. Лингвистическое иллюстрирование словаря. Оформление презентации «Авторы лингвистических словарей». Создание документального фильма об истории лексикографии. Создание видеофильма «Толковые словари русского языка». Составление тематического словаря с иллюстрациями.

Перед составлением тематического словаря учитель может прочитать отрывки из рассказов К.Г. Паустовского. 1. «Всякие мысли приходят иногда в голову. Например, мысль о том, что хорошо бы составить несколько новых словарей русского языка (кроме, конечно, уже существующих общих словарей). В одном таком словаре можно, предположим, собрать слова, имеющие отношение к природе, в другом – хорошие и меткие местные слова, в третьем – слова людей разных профессий, в четвертом – мусорные и мертвые слова, всю канцелярщину и пошлость, засоряющие русский язык. Этот последний словарь нужен для того, чтобы отучить людей от скудоумной и ломаной речи». 2. «Думая об этих словарях, особенно о словаре «природных» слов, я делил его на разделы: слова лесные, полевые, луговые, слова о временах года, о метеорологических явлениях, о воде, реках и озерах, растениях и животных. Я понимал, что такой словарь нужно составить так, чтобы его можно было читать, как книгу. Тогда он давал бы представление как о нашей природе, так и о неисчерпаемых богатствах языка».

Коллективные проекты. «Пословицы и поговорки в словаре В.И. Даля». «Этимологический корнеслов» (с использованием словаря-справочника «Этимологические тайны русской орфографии»). Составление презентации «Многозначные слова и омонимы» с использованием словарей. «Портрет одного слова» (слово рассматривается с использованием разных типов словарей) [Новикова 2012: 10 – 16].

В учебный план включаются диктанты с самопроверкой. Например, терминологические диктанты. 1. *Терминологический диктант «Словарная палитра»:* лексикография, толкование, отсылки, примечания, пометы, активный и пассивный словарь, лексический минимум, иллюстративные примеры – предложение, словосочетание, компьютеризация словарной работы, электронные энциклопедии. 2. *Терминологический диктант (Закончи предложение):* 1. Раздел языкознания, теория и практика составления словарей (лексикография). 2. Основным объектом изучения словарной науки является (слово). 3. Основная структурная единица словаря, состоящая из заголовочной единицы и ее описания (словарная статья). 4. Словарный запас языка, лексика (лексикон). 5. Вершиной лексикографического искусства по праву считается (толковый словарь). 6. Слово как предмет описания в словаре (лексическая единица).

На занятиях «открытого» типа применяется технология обучения в малых группах сотрудничества. Предлагаются такие задания: 1. Напишите приглашение на праздник, посвященный русской лексикографии. 2. Напишите «Благодарственное слово» одному из словарей русского языка. 3. Составьте макет лингвистической газеты «История русской лексикографии», «Интересно о словарях», «Путешествие в лексикографию».

Для малых групп можно предложить игровое задание «Соревнование с автором» (словаря, афоризма, цитаты): требуется вставить подходящие по смыслу слова.

1. «Составитель словаря не укащикъ ---- (языку), а служитель, --- (раб) его». В.И. Даль. 2. «Нет, не --- (словарь) лежит передо мной, а --- (древняя) рассыпанная --- (повесть)». С. Маршак. 3. «Как листья ежегодно сменяются на деревьях, так и --- (слова), прожив свой --- (век), уступают --- (место) вновь --- (нарождающимся). Гораций. 4. «Словарь должен стать не просто справочной ---- (книгой), а помощником, --- (другом) каждого человека: словари учат правильно --- (использовать) слова на письме и в --- (разговоре)». В.В. Шилин. 5. «Словарь – это моментальный --- (снимок) вечно обновляющегося и находящегося в --- (движении) языка (Ю.Д. Апресян).

Большое место в учебном плане отводится словесному творчеству учащихся, ученики пишут «свободные тексты» – истории, рассказы, стихи, сказки. Например, *рассказ по данному началу* для учащихся 5-6 классов. Даны начала предложений: Лексикография – это... Я бы хотел сказать хорошее о русской лексикографии ... Я знаю, как пользоваться (словарь на

выбор) словарем русского языка... Я знаю, что необходимо разграничивать энциклопедические словари и лингвистические... Мне известны энциклопедические словари... Типов лингвистических словарей много... Я знаю авторов толковых словарей русского языка ... Смысл слов в толковом и идеографическом словаре описывается по-разному ... Это действительно интересно – узнавать информацию из электронных словарей ... Я узнал интересные факты о словарях и их авторах.

При формировании лексикографической компетенции возможно использование технологии развития критического мышления через чтение и письмо. Приведем примеры заданий. Составьте синквейн на одну из тем: «Лексикография», «Словарь». Ответьте на вопросы «Верите ли вы?» Например: Верно ли, что слово «лексикография» происходит из греческого языка? Верно ли, что существует множество типов лингвистических словарей? Верно ли, что словарь иностранных слов близок к толковому словарю? Верно ли, что первые словари типа толковых появились в Китае и в Японии? Верно ли, что правописание словарных слов можно объяснить с помощью этимологии? Приведите аргументы при ответах на «толстые» вопросы:

1. Объясните, почему Вольтер, величайший мыслитель XVIII века, утверждал: «Словари – образы; словарь – это вселенная в алфавитном порядке. Собственно говоря, словарь есть книга в самом широком значении слова. Все другие книги содержатся в ней: суть лишь в том, чтобы извлекать их из нее».

2. Разделяете ли вы мнение французского лауреата Нобелевской премии по литературе А.Франса: «Люблю словари. Я люблю их не только за большую пользу, но и за все, что есть в них прекрасного и величественного». Почему?

3. Согласны ли вы со словами В.В. Дубчинского, ученого, автора исследований о лексикографии: «Словарь красноречиво, но молчаливо рассказывает о человеке и окружающем мире».

4. Почему следует читать словари?

5. Предположите, что будет, если исчезнут словари русского языка.

При использовании приема «Чтение с остановками» предлагаются фрагменты текстов из книги Л.П. Крысина «Рассказы о русских словарях», рассказов К.Г. Паустовского «Словари», «Язык и природа», «Родник в мелколесье».

Таким образом, на занятиях лексикографической направленности широко используются современные образовательные технологии. При формировании лексикографической компетенции ученики расширяют свои познания: они начинают понимать, что это древняя наука, что у современной лексикографии еще множество тайн. Применение образовательных технологий способствует пробуждению интереса к изучению словарей, обогащению словарного запаса учащихся, развитию речевой деятельности и

речевого поведения, формированию метапредметных результатов; воспитывает уважительное отношение к словарям – авторитетным источникам всех областей знаний.

Литература и источники

1. Новикова Т.Ф. Урок одного слова: путь от значения к смыслам // Русский язык в школе. – 2012. – №1. – С.10-16.

2. Пашкова Г.И. Открытые формы занятий в сочетании с компьютерными технологиями при обучении орфографии // Русский язык в школе. – 2004. – №5. – С.13-17.

*Петрашова А.О.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород
Науч. рук. – Новикова Т.Ф.,
д. пед. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

МЕТОДЫ РАБОТЫ С ЛИНГВИСТИЧЕСКИМИ СЛОВАРЯМИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассмотрены особенности работы со словарями разных типов на уроках русского языка. Особое внимание уделяется методам, используемым учителем при работе со словарями. Статья включает систему заданий, которые подразумевают работу со словарем при изучении того или иного раздела языка.

Ключевые слова: словарь, метод, урок, словарный запас, учащиеся, учебник

Summary. The article discusses the features of working with dictionaries of different types in the Russian language lessons. Particular attention is paid to the methods used by the teacher when working with dictionaries. The article includes a system of tasks that involve working with a dictionary when studying a particular section of the language.

Key words: dictionary, method, lesson, vocabulary, students, textbook

Работа по обогащению и активизации словарного запаса учащихся проводится на всех уроках русского языка. Проблеме развития речевой деятельности учащихся всегда уделялось большое внимание. На данный момент установлены общие тенденции обогащения и активизации словарного запаса учащихся, обозначены проблемы речевого развития, намечены возможные пути формирования языковой компетенции школьников, проведен анализ монологической и диалогической форм речевой деятельности, выявлены психологические особенности формирования устной и письменной речи учащихся [Капинос 1991: 102].

Важную роль в системе обогащения лексического запаса учащихся на уроках русского языка играет работа над словом его значением, употреблением, способностью вступать в синонимические и антонимические отношения, сочетаться с другими словами. Большой интерес, с этой точки зрения, представляет собой работа с лингвистическим словарем. Известный ученый-методист А.В. Текучев считал, что «словарная работа – это не эпизод в работе учителя, а систематическая, хорошо организованная, педагогически целесообразно построенная работа, связанная со всеми разделами курса русского языка» [Текучев 1982: 41].

Методика словарной работы в школе предусматривает четыре основных линии:

1. Обогащение словаря учащегося, то есть усвоение новых, ранее неизвестных учащимся слов, а также новых значений тех слов, которые уже имелись в их словарном запасе.

2. Уточнение словаря школьника – самая широкая сфера словарной работы, включающая в себя: наполнение содержанием тех слов, которые усвоены школьниками не вполне точно, т.е. уточнение их значений путем включения в контекст, сопоставления близких по значению слов и противопоставления антонимов, сравнения значений и употребления паронимов и т.п.; усвоение лексической сочетаемости слов, в том числе во фразеологических единицах; усвоение иноказательных значений слов, многозначности слов; усвоение лексической синонимии и тех оттенков смысловых значений слов, которые свойственны отдельным синонимам в синонимической группе.

3. Активизация словаря школьника, то есть перенесение как можно большего количества слов из словаря пассивного в словарь активный.

4. Устранение нелитературных слов, перевод их из активного словаря в пассивный. Имеются в виду слова диалектные, просторечные, жаргонные, которые школьники усвоили под влиянием речевой среды [Баранов 2008: 418].

Начиная работу со словарем, обязательно нужно ознакомить учащихся с его структурой. Любой словарь начинается с предисловия о том, как им пользоваться, для чего он нужен, как организована словарная статья, указываются сокращения, встречаемые в словаре, использованные словари и справочники. С данным материалом школьники должны ознакомиться и взять на заметку.

На уроках русского языка следует обращаться как можно чаще к словарям, чтобы хорошо изучить сопутствующую тему по русскому языку и найти полезный материал. Интересно сравнивать, как даются значения слов в толковом словаре, где объясняется одно слово, и как – в словаре антонимов, где даётся толкование пары слов-антонимов; то же касается и синонимических рядов в словаре синонимов. Со словарями можно работать и при чтении художественной литературы, особенно в ходе лингвистического анализа текстов художественных произведений. Словарь нужно использовать для работы над культурой и обогащением своей речи. Слова и выражения можно выписывать, запоминать и цитировать в сочинениях, в устных выступлениях, а также брать для разного рода языковых упражнений [Иванова 1991: 33].

Кроме вышеуказанных словарей по русскому языку, в конце любого учебника по русскому языку можно найти несколько словариков (орфографический, орфоэпический, толковый, словарик синонимов и

антонимов, словарик морфем и т.д.). К этому материалу тоже можно и нужно обращаться.

При изучении раздела «Фонетика» можно дать задание найти слова из орфографического словарика на озвончение (*вокзал*) и оглушение (*диалог, впечатление, облегчение*) согласного.

При изучении темы «Лексика» можно придумать большое количество заданий. Например:

- найдите этикетное слово (*«пожалуйста», «до свидания» и пр.*);
- найдите в словаре необычное слово, объясните, почему оно интересно, какая ошибка может быть допущена в этом слове;
- подберите синоним к словам *гуманизм, задира, иллюстрация, коллективный, неуклюжий, ошеломить, портрет и пр.*

В частности, при изучении синонимов важно обратить внимание учащихся как на черты сходства синонимических слов, так и на имеющиеся между ними различия. Так, например, школьникам предлагается подобрать синонимы к слову *«родина»*. При выполнении данного задания учащиеся должны учитывать, что синонимы, образуя синонимический ряд, относятся к одному лексико-грамматическому классу. Второй опознавательный признак заключен в том, что синонимы объединены одним значением. Так, сравнивая слова *«родина», «отечество», «отчизна»,* ученики с помощью словаря синонимов должны прийти к выводу, что все они объединяются одним значением – родная страна, государство. Затем выявляются дифференциальные признаки данных слов. Существительное *«родина»* – опорное слово синонимического ряда, стилистически нейтрально, не содержит ограничений в употреблении, может иметь и более узкое значение, указывая на конкретное место рождения (город, деревня и т.д.). Слова *«отечество»* и *«отчизна»* выступают как стилистические синонимы нейтрально окрашенного слова и принадлежат к высокому, торжественному стилю.

После изучения темы «Как пополняется словарный состав русского языка» ученикам можно дать задание назвать и выписать из орфографического словарика в конце учебника заимствованные слова и пояснить, почему они заимствованные, что именно выдаёт их «нерусский» облик. Можно сделать из данного задания игру: ученики объединяются в группы и соревнуются, кто больше найдёт и назовёт заимствованных слов.

При изучении темы «Профессиональные слова» можно дать ученикам задание найти слова-профессионализмы, которые использует, например, врач (*«анестезия», «инъекция», «пальпация», «реанимация» и пр.*).

В орфографическом словарике можно найти слова, интересные с точки зрения этимологии (*«кольцо», «обворозить», «облако», «преподаватель», «школа»*). Так, учащиеся могут поработать с этимологическим словарем, чтобы найти этимологию этих слов. Работа с этимологическими словарями часто вызывает большой интерес у школьников.

В процессе изучения раздела «Орфография» можно давать школьникам задания на поиск слов с орфограммами. Например, найдите слова с проверяемой непроизносимой согласной («звездный», «счастливый») и с непроверяемой непроизносимой согласной («лестница», «праздничный»).

Интересной формой работы со словарем при изучении орфографии может быть и задание составить словарный диктант со словами с удвоенной согласной («аллея», «аппетит», «аттестат», «колледж», «коллектив», «одинадцать», «оттенки», «пассажирский», «территория», «терраса» и т.д.).

При изучении темы «Чередование гласных в корнях» можно предложить ребятам найти в орфографическом словаре слова с чередующимися гласными в корне о-а («гореть», «загар», «загораться» и пр.).

Слова из орфографического словаря, безусловно, могут пригодиться на уроках развития речи при написании сочинений. Школьникам можно предложить найти в словаре прилагательные для написания сочинения на тему «Краски осени» («багряный», «золотой», «коричневый», «лиловый», «серый»). Помимо этого, учащиеся могут искать в словаре названия цветов («гвоздика», «ромашка», «пион»), названия профессий («актер», «инженер», «кассир», «повар») и т.д.

При изучении темы «Морфемика» словарь также может стать большим помощником. Например, ребята могут выписать слова с суффиксами *-ени-*, *-ян-*, *-ва-*, *-тель-*, *-ова-*; слова с приставками *за-*, *-над*, *об-*, *от-*, *под-* и пр.

Не менее интересна на уроках русского языка работа с толковым словарем. Учащиеся могут выполнять следующие задания:

- определите слово по данному значению: «помещение, приспособленное для розничной продажи товаров»; «заниматься чем-н. с усердием, работать, суетиться»;

- найдите устаревшие слова в словаре («аспид», «байдак», «булат», «горница», «криница», «лытка» и т.д.);

- найдите значение слова, которое используют филологи («местоимение», «обстоятельство», «придаточное»), математики («корень», «плюс», «сумма»);

- найдите слова, которые имеют форму только мужского рода («кофе», «тюль», «рюш», «шампунь»);

- изучите словарную статью «Корень». Какие значения этого слова приведены в статье? Какие синонимы вы можете подобрать ко всем значениям данного слова?

К материалам словарных статей можно обращаться и на уроках изучения синтаксиса и пунктуации. На примере словарной статьи можно показать значение и употребление причастных и деепричастных оборотов. **Монолог.** Речь одного человека, обращённая к самому себе, к зрителям, к

слушателям. Длинный монолог. Обстоятельство. Явление, сопутствующее какому-нибудь другому. Выяснение обстоятельств дела.

Мы видим, что в методике обучения русскому языку есть множество форм работы со словарем. Эффективное их применение на уроках полностью зависит от педагога. Чем разнообразнее методы, используемые учителем на уроке русского языка при работе со словарем, тем качественнее и осознаннее будут знания учащихся.

Литература и источники

1. Баранов М.Т. Словарная работа в школе / М. Т. Баранов / Педагогическая энциклопедия, т. 3. – Москва: Просвещение, 2008. – С.417-422.
2. Иванова А.М. Урок, посвященный словарям // Русский язык в школе. – 1991. – № 6. – С. 33-34.
3. Капинос В.И. Развитие речи: теория и практика обучения: 5-7-е кл.: Кн. для учителя / В.И. Капинос, Н.Н. Сергеева, М.С. Соловейчик. – Москва: Просвещение, 1991. – 191 с.
4. Текучев А.В. Об орфографическом и пунктуационном минимуме в средней школе. – Москва: Просвещение, 1982. – 39 с.

Покручина М.Ю.,
учитель русского языка МБОУ «Лицей № 32», г. Белгород

МЕНТАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ АВТОРСКОГО ТЕЗАУРУСА ВЛАДИМИРА КРУПИНА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «ВРЕМЯ ГОРЯЩЕЙ СПИЧКИ»)

Аннотация. В статье рассматривается содержательный характер «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля как ментального словаря, обусловленного в большой мере национальной спецификой. Сходные смысловые доминанты данного словаря и рассказа «Время горящей спички» позволяют говорить о данном словаре как, в некоторой степени, основе формирования авторского тезауруса писателя. Обосновывается значимость культурной памяти для русской лингвокультуры, а также ее репрезентация в прозе В.Н. Крупина.

Ключевые слова: ментальный словарь, идеографический принцип, писательский тезаурус, семантическое сходство лексем, языковой образ, языковая картина мира.

Summary. The article deals with the content nature of V.I. Dahl as a mental dictionary, determined to a large extent by national specifics. Similar semantic dominants of this dictionary and the story "The Time of a Burning Match" allow us to speak of this dictionary as, to some extent, the basis for the formation of the author's thesaurus of the writer. The significance of cultural memory for Russian linguistic culture, as well as its representation in the prose of V.N. Krupin.

Key words: mental dictionary, ideographic principle, writer's thesaurus, semantic similarity of lexemes, language image, language world view.

В 2001 году в православном журнале «Русский Дом» вышла статья Владимира Крупина «О, как бы мы жили без Даля?», в которой он высоко оценивает известного писателя, лексикографа и создателя самого известного русского словаря. В этой работе писатель говорит: *«Однажды, заполняя анкету и отвечая на вопрос: «Какими языками владеете?», я ответил: «Русским со словарём Даля». Сочли за шутку. Но ведь это и в самом деле так. Считать, что ты владеешь русским, и не знать Даля – это значит говорить неправду. Словарь Даля – это не собрание слов по алфавиту, это самая национальная книга русских. Гнездовое размещение слов в его словаре,*

к которому всегда придирались, оказывается очень полезным для расширения не только знания слов, но и для постижения русской жизни» [Крупин 2011]. Полагаем, что именно эта особенность – постижение русской жизни – становится основой не только словаря Даля, но также прозы Владимира Крупина, его писательского тезауруса.

В.Н. Есин определяет писательский тезаурус как «персональную картину мира», «своего рода корсет, придающий стройность собственным идеям, намерениям, ценностям» [Есин 2013: 47]. По мнению А.П. Седых и Е.И. Куган, «авторский тезаурус характеризует языковую личность писателя и может быть рассмотрен с точки зрения особенностей лексического состава и словообразования. В плане функционирования лексем, выделяется активная зона семантики, которая является стержневой для всего творчества того или иного автора» [Седых, Куган 2011: 145].

Именно лексема является основой формирования как толкового словаря (в данном случае мы говорим о «Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля»), так и писательского тезауруса. Однако если словарь будет давать её толкование, то, репрезентируясь в художественном тексте, лексема во всем своем многообразии значений и образности входит в писательский тезаурус.

Толковый словарь В.И. Даля составлен по идеографическому принципу, статьи в нём не столько объясняют значение слова, сколько скорее служат для понимания смысла.

Так, например, в статье, посвященной лексеме *асфальт*, прочтём:

АСФАЛЬТ

АСФАЛЬТ м. греч. ископаемое горючее вещество; иудейская, жидовская, каменная, горная смола, в отверделом или густом виде; черная нефть, горное, каменное масло. Иудейским зовут его потому, что его много около Мертвого моря. Асфальтовый сланец, пропитанный горною смолою и потому несколько горючий.

Обоснование происхождения и значения семантики лексемы занимает четвертую часть статьи (*ископаемое горючее вещество*), остальная же часть статьи направлена непосредственно на формирование образа, как указывал В.В. Колесов, иллюстрирует «развитие смысла самого слова» [Колесов 2010: 224].

В состав писательского тезауруса Владимира Крупина также входит лексема *асфальт*, причем не только в своем обычном, но также в предложенном В.И. Далем значении: «*Да уж, асфальт. Думаю, что все наши несчастья от этого асфальта. Родина его – Мертвое море, оно так и называлось Асфальтовым. Именно оно погребло развратников Содома и Гоморры. В словаре Даля приводится московское название асфальта – «жидовская мостовая». <...>Асфальт, его испарения, вызывают раковые заболевания. А в жару мы в городе только ими и дышим. А если бы снять корку асфальта с земли, как бы она вздохнула, как благодарила нас чистым*

воздухом и прохладой» (Владимир Крупин «Время горящей спички»). Репрезентируясь в контексте, лексема асфальт, приобретает особую негативную коннотацию и образный характер, становится семантически сходной с лексическим значением данного слова в словаре В.И. Даля.

Однако это только малое сходство. Сходство словаря В.И. Даля и тезауруса В.Н. Крупина в схожем ментальном посыле русского православного человека, любящего свою семью и родину, ощущающего себя в тесной связи с ней.

В чем проявляется ментальность словаря В.И. Даля? По мнению В.В. Колесова, «он описал лексикон русского духа» [Колесов 2010: 224]. Действительно, первые два издания словаря были оформлены самим автором согласно гнездовому принципу, который позволял воспроизвести определенную смысловую последовательность, кроме того, словарь основывался на конкретных примерах, в статьи включались разговорные слова, пословицы и поговорки. Таким образом, каждое слово, статья приобретали коннотативный характер, отражающий русскую национальную специфику. Например:

***ДИТЯ** (род. дитяти) стар. дѣтя или дите (твор. дитей) ср. дитухно, зап. (как татухна м. матухна ж.) дитятко, младенец, ребенок, малолетний, -ня; дитятей назыв. до 14 или 16 лет, когда детство переходит в отрочество. Дитятко ср. умалит. или ласкат. говорится и взрослому. Дитятин, ему принадлежащий. Дети мн. сыновья и дочери; в отношении к родителям, и взрослые. | Малые ребята или девочки вообще. Дети мои все переросли меня. На улице играют дети. | В виде ласки, приветя младшему, подчиненному, а от духовного лица всем мирянам. За мно., детки; вперед, деточки. дѣтушки! привет и ободрение солдатам. Маленькие детки, маленькие бедки, а вырастут велики –будут большие. Дети, дети, куда мне вас дети! Мое дитятко не рождено. не хождено, так и брошено. Не для зятя собаки, для милого дитяти; говор. тѣсть. Покорному дитяти все кстати.*

Языковая картина мира В.Н. Крупина репрезентируется на основе образов *Время – Детство – Родина – Вера*, причем немалую роль в их раскрытии имеет национально-ментальная составляющая.

Так, языковой образ *Время* в рассказе «Время горящей спички» репрезентируется с помощью лексем: *отрочество, юность, старик, умершие, кладбище, полвека, жизнь прошла, обветшание, исчезали, река жизни*. Также использованы антиномии: *жить долго – жизнь мимолетна; Время горящей спички – вот наша жизнь, а солнце – это вечность, которая суждена нашей душе*. И на протяжении всего текста этот образ репрезентируется в тесной связи с образом *Родина* в сопряжении с антиномией *свои-чужие*. Такова его ментальная составляющая в тезаурусе писателя.

Проанализировав статью лексемы *время* в словаре В.И. Даля, мы пришли к выводу, что для автора словаря ментальная составляющая

проявляется во взаимодействии с понятиями *Родина, Бог, свой-чужой, умный-дурак*.

Образ *Детство* в тексте В.Н. Крупина репрезентируется с помощью лексем *отрочество, юность, друзья и подруги, зарядка, пастушеский бич, река детства, кузница, родники, безоблачная пора, труд, родина, любовь, крестики стрижей*. Автор создает удивительные образы: *«Я пошел к реке детства. Заставлял себя думать о хорошем. Здесь была кузница, там, направо, в логе, чистейшие холодные родники, тут, у моста, лесопилка, дальше по берегу опять родники. И мы пили из каждого. Это же на всю жизнь»* (В.Н. Крупин «Время горящей спички»). В тексте возникает описание типичного русского пейзажа, детство сравнивается с рекой, а вода, согласно ментальным представлениям русской лингвокультуры, обладает чудесной силой, она дает жизнь.

У Владимира Даля мы видим лексему *детство* в словообразовательном гнезде, основой которого является слово *дитя*. Эксплицируются народные представления (*Кому дети в радость, кому на горе. Маленькие детки, маленькие бедки, а вырастут велики – будут большие. Чего в детстве просим, то под старость бросим.*)

Образ *Родина* в рассказе «Время горящей спички» репрезентируется с помощью лексем *президент, сторож, сердечная магнитность, Россия, село, защитники, Господь, война, защитники, Отечество, Россия-матушка, Москва, леса, луга, люди, счастье*. На основе ассоциативного ряда выстраивается целостный образ, в который входят историческое прошлое, топонимические и пространственные характеристики, непосредственно люди и чувства. Так автор создает образ России – страны, которую он беззаветно любит.

В словаре В.И. Даля слово «родина» имеет отсылку к лексеме *рождать*. Таким образом, *родина* для русского человека является началом всех начал, но в то же время, родина – это вся человеческая жизнь: *«Родись, крестись, женись, помри – за все деньга плати! Не помню, как крестился, не видал, как состарился, не знаю, когда умру»*). Также в словообразовательное гнездо входят лексемы *рождество, родители, род, народ, родить, родня*. Таким образом, словарная статья приобретает ментальную окрашенность.

Образ *Вера* в тексте В.Н. Крупина репрезентируется с помощью лексем *воля Божия, Адам, Бог, спас, Иоанн Златоуст, Писание, покаяние, счастье, благодарить*. Вера тесно связана с Родиной, как указывал писатель в одном в предисловии одноимённого сборника: *«Россию спасёт святость»* (В.Н. Крупин «Россию спасёт святость. Очерки о русских святых»). В словаре Даля приводятся поговорки: *«С верой нигде не пропадешь. Вера спасает. Вера и гору с места сдвинет. Без дел, вера мертва (нема) перед Богом. Веру к делу применяй, а дело к вере. Без веры Господь не избавит, без правды не спасет (не исправит)»*.

Таким образом, на примере сравнения репрезентации ключевых образов *Время – Детство – Родина – Вера* нами выявлено ментальное взаимодействие, выраженное сходными образами и смысловой реализацией как в словаре В.И. Даля, так и в тезаурусе В.Н. Крупина. Отметим, что смысловая вербализация данных образов характерна именно для русской лингвокультуры. Таким образом, мы соглашаемся с мнением В.В. Колесова, что «Толковый словарь живого великорусского языка» является образцом ментального словаря, «который навсегда останется исходной точкой всякого углубленного исследования сущностных смыслов национально русских концептов» [Колесов 2010: 229]. Высказывание В. Крупина о владении русским языком «со словарём Даля» позволяет говорить о том, что ментальный словарь В.И. Даля является основой формирования авторского тезауруса Владимира Крупина.

Литература и источники

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Издания 1,2,3. В 4-х томах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.slovardalja.net/> (дата обращения – 01.05.2022).
2. Есин С.Н. Писательский тезаурус // Тезаурусный анализ мировой литературы: сборник статей. – Москва: МГУ, 2013. – С. 47-48.
3. Колесов В.В. Ментальный словарь Владимира Даля // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – № 2. – 2010. – С. 223-229.
4. Крупин В.Н. Время горячей спички. – Москва: Эксмо, 2013. – 368 с.
5. Крупин В.Н. О, как мы жили без Даля? // Православный журнал «Русский дом». – № 11. – 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russdom.ru/node/4469> (дата обращения – 01.05.2022).
6. Седых А.П., Куган Е.И. Некоторые элементы индивидуального тезауруса Марселя Пруста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 3 (10). – Белгород, 2011. – С. 145-147.

Проненко В.М.,

*учитель русского языка и литературы МОУ «Майская гимназия»,
п. Майский, Белгородская область*

ЭЛЕКТРОННЫЕ СЛОВАРИ КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ УЧАЩИХСЯ

Аннотация. Рассматривается необходимость использования в работе с обучающимися электронные ресурсы (ОЭР), информационно-коммуникативные технологии, которые способствуют привитию интереса к русскому языку путём использования на уроках и при подготовке домашних заданий электронных словарей. Они наиболее доступны для учащихся, раскрывают большие возможности русского языка в передаче тонких смысловых оттенков.

Ключевые слова: электронные ресурсы, информационно-коммуникативные технологии, электронные словари, культура речи, словарный запас

Summary. The necessity of using electronic resources (ER), information and communication technologies in working with students, which contribute to instilling interest in the Russian language through the use of electronic dictionaries in the classroom and when preparing homework, is considered. They are the most accessible to students, they reveal the great potential of the Russian language in transferring subtle semantic nuances.

Key words: electronic resources, information and communication technologies, electronic dictionaries, culture of speech, vocabulary

Одной из целей современного российского образования является информатизация образовательного процесса. Информационно-коммуникационные технологии – важнейшая составляющая всех

направлений деятельности современного учителя, способствующая оптимизации учебного процесса.

Каковы требования, предъявляемые к современному учителю в контексте использования средств ИКТ в учебном процессе?

Учитель должен:

- оценивать эффективность и результаты обучения обучающихся по предмету, используя компьютерные технологии;

- осуществлять контрольно-оценочную деятельность в образовательном процессе в условиях информационно-коммуникационных технологий;

- знать основы работы с текстовыми редакторами, электронными таблицами, электронной почтой и браузерами, мультимедийным оборудованием;

- знать современные образовательные технологии, включая информационные;

- обоснованно выбирать программы и учебно-методическое обеспечение, включая электронные образовательные ресурсы.

Методологической основой ФГОС является системно-деятельностный подход, согласно которому «развитие личности обучающегося на основе усвоения универсальных учебных действий, познания и освоения мира составляет цель и основной результат образования». Для организации такого вида деятельности педагогу требуется соответствующий инструментарий. Мощным инструментом организации системно-деятельностного подхода в обучении является применение электронных образовательных ресурсов (ЭОР).

ЭОР – это инструмент для познания нового; получения информации; исследования; выполнения творческого проекта учащегося; самооценки. С технической точки зрения ЭОР – это контент, т.е. совокупность содержательных элементов, представляющих объекты, процессы, абстракции, которые являются предметом изучения.

В рамках системно-деятельностного подхода на уроках русского языка эффективной является работа с электронными словарями. Применение таких словарей развивает орфографическую и пунктуационную зоркость, ведет к смене мотиваций.

На уроках русского языка можно использовать словари в качестве материала для развития языкового чутья. Требования к выпускникам школы сегодня очень высоки, языковая компетенция – одна из важнейших компетенций, формируемых на уроках. Обучая, учителю необходимо сформировать такие условия, чтобы ученики отказывались от сленга, жаргонизмов, диалектизмов, просторечной лексики с негативной коннотацией. Электронные словари – это простой и быстрый способ увидеть значение слова здесь и сейчас, а еще эти словари всегда «под рукой» у

ученика. Использование словарей дает возможности для развития общей культуры речи, начитанности, эрудированности.

Работа со словарем несет большое воспитательно-образовательное значение для формирования языковой личности учащегося, его мировоззрения, его культуры речи. Данная работа необходима для вооружения навыками, необходимыми для будущей практической деятельности учащегося.

Каждый учитель должен идти в ногу со временем. Временем, в котором дети живут в виртуальном мире, временем, где эпистолярный жанр не знаком современному поколению. Но помня утверждение В.А. Сухомлинского: «Урок – это зеркало общей и педагогической культуры учителя, мерило его интеллектуального богатства, показатель его кругозора и эрудиции», – мы должны идти вперед, чтобы нашим ученикам было интересно учиться вместе со своим педагогом, а нам, учителям, интересно учить, повышая при этом свою информационную культуру, осваивая новые информационные технологии.

Электронный словарь – это не просто отсканированный лист какого-либо печатного издания словаря, это программа или портал (например, Грамота.ру, Словари.ру, раздел «Словари в Сети»), снабженные удобным пользовательским интерфейсом и автоматическими быстрыми средствами поиска. И это намного ускорит работу учителя на уроке и учащегося при подготовке домашней работы. Многие популярные словари, удобные для использования, по своим объемам и по своей цене, скорее всего, довольно просты и не всегда отражают важную для полной словарной статьи информацию. Часто в карманном словарики мы не можем найти нужного слова, или же его толкование очень скудно.

Электронные словари сочетают большой объем с удобством пользования, что достигается благодаря машинному механизму поиска. Электронный словарь можно использовать для многих видов работ по русскому языку. При работе с разделом «Морфология» словарь нужен для поиска указаний на род и видовой признак слова, при работе с «Орфоэпией» нужна информация по произношению слова, а в разделах «Лексикология» и «Морфемика» без словаря обойтись невозможно, так как необходимо обращение к лексическому значению исходного слова и значению словообразовательной морфемы. При усвоении учащимся семантики и орфографии неизвестного слова необходима этимологическая справка, которую, как правило, давал учитель, что помогало сформировать интерес к слову, к языку, к его истории. Теперь эту этимологическую справку дети могут составлять друг для друга самостоятельно, используя электронные словари.

Можно предложить своим ученикам составить «Портрет слова», используя пять словарей, которые до этого мы использовали каждый отдельно для определенных видов работ. Это орфографический словарь,

толковый словарь, словарь синонимов и антонимов (можно каждый отдельно), словообразовательный словарь или, при необходимости, словарь иностранных слов, этимологический словарь и фразеологический словарь.

Данная работа позволила нам перейти и к прецедентным текстам, в которых встречались слова, разбираемые учениками. Если раньше при выполнении такого задания требовалось наличие в домашних условиях или на уроке хотя бы один вид требуемого словаря или длительное посещение школьной библиотеки, то теперь без каких-либо затрат все словари есть у каждого ребенка дома, стоит только включить компьютер или взять телефон и войти в Интернет. Выполненная работа помогла нам расширить рамки своего словарного запаса, активный словарь учащихся обогатился многими ранее неизвестными для них словами, что улучшило их речевые способности как при устных ответах, так и при выполнении каких-либо письменных работ, например, сочинений и изложений.

Важно помнить, что тщательно спланированная и хорошо организованная работа со словарями помогает обогащать словарный запас учащихся, вырабатывать орфографическую грамотность, развивать речь учащихся, а в результате способствует повышению языковой культуры, формированию у ребенка внимания, уважения и любви к родному языку.

Благодаря систематической словарной работе на уроках русского языка и литературы у учащихся возрос интерес к словарной работе и к русскому языку в целом. Они любят и умеют работать со словарями и справочной литературой с использованием компьютерных технологий, что позволило им запомнить принцип работы и с печатными словарями. Они знают имена русских лингвистов и лексикографов, ведь на их фамилии они должны опираться при описании какого-либо искомого слова. И если ученики быстро ориентируются в море предлагаемых им вариантов электронных словарей, это прекрасный результат.

Умелая работа со словарями помогает правильно и точно выразить мысль, именно словари раскрывают большие возможности русского языка в передаче тонких смысловых оттенков. На уроке русского языка учитель знакомит школьников с величием русского языка, а значит, и с величием русского народа.

Литература и источники

1. Верещагин Е.М. Костомаров В.Г. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – Москва: Изд-во МГУ, 1990. – 232 с.
2. Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Секреты хорошей речи. – Москва: Международ. отношения, 1993. – 280 с.
3. Использование электронных образовательных ресурсов нового поколения в учебном процессе: Научно-методические материалы / Г.А. Бордовский, И.Б. Готская, С.П. Ильина, В.И. Снегурова. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 31 с.
4. Концепция модернизации Российского образования на период до 2010 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_02/393.html (дата обращения – 01.05.2022).
5. Словарь-справочник современного российского профессионального образования / сост. В.И. Блинов, И.А. Волошина, Е.Ю. Есенина, А.Н. Лейбович, П.Н. Новиков. – Выпуск 1. – Москва: ФИРО, 2010. – 632 с.

6. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования. – Москва: Просвещение, 2011.
7. Черняк В.Г. Русский язык и культура речи / В.Г.Черняк. – Москва: Просвещение, 2003. – 203 с.
8. Шанский Н.М., Иванов В.В. Современный русский язык. Ч. 1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография. – Москва, 1981. – С. 57-60.

Сорокина И. Т.

*учитель русского языка и литературы МОУ «Майская гимназия»,
п. Майский, Белгородская область*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛОВАРЕЙ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема использования словарей и электронных ресурсов как средства формирования информационной компетентности школьников, исследуется значение и особенности организации работы со словарями на уроках русского языка и литературы.

Ключевые слова: словарь, информационная компетентность, методические рекомендации, средства обучения

Summary. The article deals with the problem of using dictionaries and electronic resources as a means of forming the information competence of schoolchildren, examines the significance and features of the organization of work with dictionaries during Russian language and literature lessons.

Key words: dictionary, information competence, methodological recommendations, didactic means

Проблемы формирования информационной компетентности обучающихся имеют ключевое значение в современной школе. Дело в том, что информационное пространство стремительно изменяется, ускоряется процесс появления новых знаний. Современные информационные технологии, как и словари, стали необходимостью для современного учителя и его учащихся.

Чтобы сформировать у обучающихся информационную компетентность, учителю необходимо широкое информационное поле деятельности. В современных условиях глобальной компьютеризации существуют всевозможные источники информации, различные взгляды, точки зрения на одну и ту же проблему, побуждающие ученика к самостоятельному мышлению, к поиску собственной аргументированной позиции.

Сеть Интернет, где размещен очень большой объем информации образовательного характера, которая может использоваться как на уроках, так и во внеурочное время, способствует формированию информационной компетентности наших учеников, поскольку даёт уникальные возможности для полноценного образования и формирования личности. Современный Интернет дает возможность четкой организации глобального поиска информации. Разработаны различные поисковые системы, которые по нужному слову или сочетанию слов находят ссылки на те страницы в Сети, в которых представлено это слово или сочетание [Безручко 2013: 7].

Всё это помогает формировать информационную компетентность обучающихся. Но на уроках русского языка и литературы мы обязательно

должны работать со словарями, поскольку очень важно научить детей находить, сохранять, применять и преобразовывать информацию различных словарей, а не только развивать у школьников умение работать с различными информационными системами, хотя дидактические свойства Интернета позволяют учителю русского языка и литературы успешно применять его в учебном процессе.

Формированию информационной компетентности, в первую очередь, способствует Интернет со множеством ресурсов, дающих дополнительные сведения по подготовке к ЕГЭ и ОГЭ, содержащих демонстрационные материалы, методику оценивания ответов. Так, на уроках русского языка мы рекомендуем старшеклассникам сайты «Решу ЕГЭ», гипертекстовую электронную энциклопедию ВикиЗнание, портал Всеобуч, Рубрикон, универсальный тестирующий комплекс, всевозможные словари, где обучающиеся 9 и 11 классов могут найти интересующие их теоретические материалы для подготовки к экзаменам. Данные сайты дают возможность учителю подготовить обучающихся к успешной сдаче ОГЭ и ЕГЭ, а ученику повторить полученные знания и закрепить их. Например, среди наших выпускников популярным стал сайт «Решу ЕГЭ». Здесь опубликованы пробные варианты тестов ЕГЭ и ОГЭ с ответами, пояснениями и возможностью решения в режиме онлайн. Эти материалы помогают ученикам получить представление о содержании тестовых заданий и формулировках вопросов на экзамене, оценить свои знания и уровень подготовки, научиться решать отдельные типы заданий, которые соответствуют требованиям Министерства образования и науки Российской Федерации.

Работа со словарями и справочниками не в меньшей степени формирует информационную компетентность обучающихся. Учитель знакомит учеников со структурой того или иного тематического словаря, объясняет, как им пользоваться. Но, на наш взгляд, сегодня нет научно обоснованной и экспериментально апробированной методической системы работы со словарями в школе. Соответствующих методических рекомендаций для учителя не так уж много. Между тем, некоторые методисты, например, [Бондаренко 2000: 28], [Соловейчик] и другие в своих статьях дают советы учителю по организации соответствующей работы со словарями, которая может стать во много раз интереснее и эффективнее. Бесспорно, методические рекомендации, изложенные в этих и других статьях, помогают учителям русского языка и литературы эффективнее организовать работу со словарями на уроках и во внеурочной деятельности, сочетая ее с активным использованием интернет ресурсов.

Таким образом, словари и просторы Интернета учитель русского языка и литературы может использовать в разных направлениях своей профессиональной деятельности. Работу со словарями и информационно-коммуникационными технологиями – на всех этапах урока (при объяснении

нового материала, при закреплении, повторении, контроле), на элективных занятиях, во внеклассной работе и, главное, – в исследовательской деятельности. При изучении новой темы можно использовать групповую парную работу, когда один ученик работает с орфоэпическим словарем или словарём В.И. Даля, подбирая дополнительный материал по теме урока. Другой получает карточки с адресами в интернете. Обучающиеся должны просмотреть материал в различных источниках, а затем решить, какой материал лучше рекомендовать или не рекомендовать к использованию на том или ином этапе урока.

Кроме того, можно рекомендовать работу с различными словарями и альтернативными Интернет-ресурсам в качестве самостоятельной подготовки обучающихся к ОГЭ и ЕГЭ, тем более что тестовые задания предполагают работу со словарными статьями при определении точного лексического значения слова, нахождения паронимов, определения требований лексической сочетаемости.

Вот почему активное использование словарей и поисковых систем Интернета помогает обучающимся в основательной подготовке не только тестовых заданий ЕГЭ и ОГЭ, но и лингвистических и литературоведческих проектов, исследовательских работ, рефератов и докладов, и, как следствие, формированию их информационной компетентности, превращению наших учеников из пассивных объектов обучения в активных участников познавательной деятельности.

Литература и источники

1. Безручко В.Т. Информатика курс лекций: Учебное пособие – Москва: ИНФРА – М., 2013. – 109 с.
2. Бондаренко А.А. Словари на уроке / А.А. Бондаренко // Начальная школа. – 2000. – №1. – С. 27-33.
3. Бондаренко А.А. Русский язык со словарем / А.А. Бондаренко // Начальная школа. – 2008. – №8. – С. 30-34.
4. Соловейчик М.С. Повышение эффективности работы с орфографическим словарем [Электронный ресурс] / М.С. Соловейчик. – Режим доступа: http://uchitel-slovesnosti.ru/load/russkij_jazyk_v_nachalnoj_shkole/stati/povyshenie_effektivnosti_raboty_s_orfograficheskim_slovarem/37-1-0-271 (дата обращения – 01.05.2022).

Токарева И. Ю.

*ФГКОУ «Тульское суворовское военное училище
Министерства обороны Российской Федерации», г. Тула*

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПРИ РАБОТЕ СО СЛОВАРЁМ В.И. ДАЛЯ

Аннотация. В статье предложен комплексный подход к изучению лексики, осуществимый при помощи материалов словаря В.И. Даля. Описано содержание работы учителя при формировании культурно-языковой компетенции обучающихся.

Ключевые слова: компетентностный подход, словарная работа, словарь В.И. Даля

Summary. The article proposes an integrated approach to the study of the lexicon, which can be implemented using the materials of the dictionary by V.I. Dahl. The content of the teacher's work in the formation of the cultural and linguistic competence of students is described.

Key words: competence-based approach, dictionary work, V.I. Dahl

Словарь В.И. Даля представляет уникальный синтез лингвистического и энциклопедического подходов в интерпретации материала. Гнездовой способ подачи, продуктивность синонимического типа семантизации значения являются наиболее яркими иллюстрациями миропонимания и мировосприятия действительности русским народом. Словарная статья в этом уникальном тезаурусе может стать благодатным материалом для исследовательской работы обучающихся. Учитель может построить целый урок на изучении одной словарной статьи, при этом в ходе такого урока будет решен целый комплекс задач: обучающиеся получают новые знания в области этнографии, лингвокультурологии, фразеологии, паремиологии и т.д., получают развитие креативные, коммуникативные и др. умения обучающихся. Для подобной работы лучше выбирать ключевые слова культуры, обозначающиеся абстрактные понятия, или слова с конкретной семантикой, отражающие культурный опыт народа.

Приведём пример работы со словарной статьёй на примере слова *волк*. Обучающимся предлагается прочитать всю словарную статью, выделить агнонимы, поскольку стиль толкования может быть архаичным, вследствие чего непонятным для восприятия. Учитель должен разъяснить лексические трудности. Далее статью целесообразно разделить на несколько зон: 1) толкование основного значения; 2) паремии и прецедентные тексты, в которых включено данное слово; 3) толкование переносных значений слов; 4) толкование производных слов.

Приведём возможные вопросы и задания при работе с каждой зоной.

Работа с основным значением слова.

В чём особенности толкования слова? Какой способ объяснения использует автор, на какие явления он опирается при трактовке данного явления? Почему В.И. Даль избирает для объяснения значения собаку? Какие ассоциации имеет данное значение? Какие синонимы имеет данное слово? Как вы думаете, почему они появились?

Работа с паремиями.

Какие черты волка отражают пословицы? Какими чертами наделяется волк? Кого символизирует волк? Кого символизирует волк в овечьей шкуре? Какие качества человека, похожего по образу жизни на волка, отражают данные паремии: *волка ноги кормят; как волка не корми, а он все в лес глядит*? Какие образы противопоставлены волку? О каком времени говорят: *уже волк умылся*? Какая мера может быть выражена с опорой на данный образ: *волком выть*? Какое значение имеет символ *волчьих слёз*? Какие приметы связаны с образом волка? Как их можно объяснить?

Работа с переносным значением слова.

Как вы объясняете появление переносного значения? Какие ассоциативные признаки положены в его основу?

Работа с производными словами.

Какие слова образованы от данного слова? О чём может свидетельствовать количество данных слов? Какие значения они имеют? Какие признаки основного значения кладутся в основу производных слов?

В заключение исследования обучающимся может быть предложено следующее задание: в устной или письменной форме расскажите о том, как воспринимают и объясняют волка в русской культуре.

Комплекс предложенных заданий развивает языковую, лингвистическую, культурно-языковую, коммуникативную компетенции.

Литература и источники

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – В 4 т. – Москва: Русский язык, 1998.

Чибухашвили В.А.

д. пед. н., АГЗ МЧС России, г. Химки

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ СО СЛОВАРЕМ В.И. ДАЛЯ

Аннотация. В статье описан опыт организации и проведения практического занятия в вузе по дисциплине «Русский язык и культура речи» с использованием Словаря В.И. Даля и убедительно доказана дидактическая ценность представленного в нем материала. По мнению автора, обращение к наследию выдающегося русского лексикографа и этнографа позволяет решить широкий спектр образовательно-воспитательных задач: расширение кругозора и словарного запаса обучаемых, совершенствование их лексикографических навыков, приобщение студентов к истокам национальной культуры, формирование у них языкового чутья и языкового вкуса.

Ключевые слова: лексикон, лексикографические навыки, семантизация, коннотация, фонетический облик слова, языковой вкус, образовательно-воспитательные задачи, коммуникативные навыки, гармонизация общения

Abstract. The article describes the experience of organizing and conducting practical classes in “Russian language and culture of speech” at the university using the Dictionary of V.I. Dahl. Didactic value of the material presented in it is convincingly proved. According to the author, turning to the heritage of the outstanding Russian lexicographer and ethnographer allows solving a wide range of educational tasks: expanding the horizons and vocabulary of students, improving their lexicographic skills, familiarizing them with the origins of national culture, forming their linguistic flair and linguistic taste.

Key words: lexicon, lexicographic skills, semantics, connotation, phonetic figure of the word, language taste, educational and educational tasks, communication skills, harmonization of communication

«Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок; все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и право, иное название драгоценнее самой вещи», – так некогда Н.В. Гоголь охарактеризовал красоту, величие и выразительность русского Слова, увы, претерпевающего ныне серьезную деформацию. О проблемах современного дискурса, самым непосредственным образом влияющего и на состояние языка, говорят не только лингвисты и деятели культуры, но и социологи, и экономисты, и многие общественные деятели – все, кому небезразличны наша история, национальная культура и, конечно, – родной язык, отражающий многомерную картину мира русского народа, выражающий его душу, характер и ценностно-смысловую сферу.

На фоне сегодняшнего небрежного отношения к нормам языка, бездумного засорения его англицизмами и речевыми штампами,

неоправданного расширения сферы использования языковых единиц официально-делового стиля, ведущих к «иссушительному обеднению русского языка и всеобщему падению чутья к нему» [Солженицын 1990: 3], остро возникает потребность в обращении к живительным истокам народной речи, запечатленной в трудах великого русского лексикографа, писателя (псевдоним Казак Луганский) и этнографа Владимира Ивановича Даля.

Использование на учебных занятиях вузовского курса «Русский язык и культура речи» материалов «Словаря» Даля позволяет преподавателю, выбравшему такую форму работы, отойти от стандартной структуры занятий, что делает их более привлекательными и живыми. Студенты, обратившись к драгоценному памятнику отечественного языка, имеют возможность погрузиться в атмосферу русской старины, открыть для себя гармонию русского слова, где тесно связаны семантика и фонетический облик языковой единицы, как бы «примерить на себя сегодняшних» традиционные этические и ценностные установки русского народа, поскольку «родной язык является особым историко-культурным явлением для личности, социальный статус которой определяется в новых общественных условиях» [Дейкина 2005: 9].

Прикосновение к языку давно ушедшей эпохи не только обогащает лексикон современной молодежи, формирует исследовательские и лексикографические навыки, но и расширяет общий кругозор, развивает ассоциативное мышление, воспитывает языковой вкус и чувство родного языка, что способствует становлению высокоорганизованной языковой личности.

Так, внимание группы девушек-студенток, работавших с пословицами и поговорками, собранными В.И. Далем, привлекла поговорка *Пара не пара, марьяж дорогой*. Первоначально у них возникла ассоциация с известной поговоркой *Муж и жена одна сатана*, но после выявления семантики незнакомого им слова *марьяж* началось бурное обсуждение, каков же истинный смысл народного речения, поскольку слово *марьяж* имеет множество значений, и, соответственно, интерпретировать приведенную Далем поговорку можно по-разному. Наиболее распространенным в художественной литературе употребление слова *марьяж* оказалось в значении 'брак, свадьба' (напр., *У вас в доме непременно будет марьяж и в очень скором времени*). Однако такое толкование вызвало вопрос: какой смысловой оттенок привносит определение *дорогой* и в каком значении это прилагательное употреблено – в прямом или переносном? Другие толкования слова *марьяж* тоже не позволили прийти к однозначному решению: 1. 'кратковременная любовная связь'; 2. 'устар.: свадебный танец'; 3. 'в карточной игре: король с дамой одной масти в одних руках'; 4. 'в пасьянсе: когда карта одной и той же масти кладется на соседнюю карту в нисходящем или восходящем порядке и по достоинству'; 5. 'устар., в живописи: смешение, соединение красок'; 6. 'в виноделии: составление

коньяка из множества разных компонентов, ассамблирование'. 7. 'жарг.: неясность, сумятица, непонятная ситуация'.

Отметим, что в ряде случаев семантизация студентами русских пословиц и поговорок отнюдь не совпадала с их истинным толкованием, что говорит, к сожалению, об оскудении словарного запаса современной молодежи, не только активного, но и пассивного, об их низкой читательской активности. Приведем некоторые речения, выписанные студентами из «Словаря» Даля и, безусловно, привлечшие их внимание своей образностью и глубоким смыслом, но получившие в ходе работы со словником иную интерпретацию: *Умерла та курица, что несла золотые яйца* – 'нужно жить сегодняшним днем', 'нужно беречь и содержать в сохранности свое имущество'; *Ему и черт не брат* – 'из-за высокого мнения о себе плохо ладит с окружающими его людьми', 'высокомерный человек, поэтому не может найти себе друзей даже в образе черта'; *Бабий кадык не заткнешь ни пирогом, ни рукавицей* – 'так говорят мужья об очень ворчливой, злобной жене', 'особенность женского характера, заключающаяся в чрезмерной эмоциональности'; *Многому научишь, сам без хлеба будешь* – 'перед тем, как поучать другого, нужно самому соответствовать заявленным требованиям'; *Жениться – беда, не жениться – другая, а третья беда – не отдадут за меня* – 'что бы человек ни делал, все у него получается плохо', 'человек, которого всюду подстерегает несчастье и всякие неприятности'. К сожалению, потеря интереса к высокохудожественному слову, вытеснение из круга чтения русской классики и замена ее романами-однодневками, иноязычным и инокультурным «легким чтивом» (различным фэнтези и другой конъюнктурной литературой) приводит к оскудению не только языка и речи многих современных молодых людей, но и к утрате национальных корней, собственной национальной идентичности. Поэтому работа со «Словарем» В.И. Даля помимо решения образовательно-воспитательных задач принесла студентам также и радость языковых открытий, заставила их задуматься о национальных культурных традициях, об особенностях мировосприятия и миропонимания русского народа, его представлениях о морально-этических нормах и экзистенциальных ценностях.

Другая группа студентов, получившая задание произвести выборку слов, дающих личностную характеристику человека, с удивлением обнаружила, что лексических единиц с негативной коннотацией в «Словаре» Даля в разы больше, чем с позитивной. Привлекших внимание студентов (в плане новизны, в аспекте расширительного толкования или привлекательной звуковой оболочки) отрицательных характеристик человека набралось около полусотни, а положительных – немногим более десятка. Такое «открытие» повлекло за собой поиск первопричины явного дисбаланса в лексико-семантических группах. Основных версий оказалось две: 1) русский народ был скуп на похвалу; 2) в народной этике и культурных традициях русского

этноса сложилось крайне нетерпимое отношение к человеческим порокам и нарушениям нравственности.

В список лексем из «Словаря» В.И. Даля, которые студенты хотели бы включить в свой активный словарь в силу их удивительной меткости и точности выражения смысла или эстетической привлекательности их звукового облика, они выбрали следующие слова, при этом обосновав свой выбор: *делёнка* – ‘женщина, постоянно занятая делом, рукодельница и хозяйка’ (потому что очень точная и понятная характеристика); *доброхот* – ‘доброжелатель, покровитель’; *баской* – ‘красивый, нарядный’; *дроля* – ‘милый, дорогой, любимый’ (поскольку звучит убедительно, призывно и ласково одновременно); *своевольник* – ‘упрямый человек’; *карюзлик* – ‘человек маленький и уродливой наружности’ (поскольку фонетическая оболочка слова усиливает его смысл); *махлак* – ‘нечестный человек, жулик’; *бражник* – ‘пьяница’; *ендовочник* – ‘пьяница, любитель пива’; *разгальяндаться* – ‘шумно смеяться’; *заблюдник* – ‘полка для посуды’ (поскольку в современном языке нет однословного названия этого вида мебели); *ококоветь* – ‘заледенеть, остыть’; *копырзиться* – ‘капризничать, выказывать недовольство’ (так как придает значительно большую экспрессию, более колоритно выражает отношение к такому человеку); *хухря* – ‘замарашка, неопрятный человек’ (так как звучание этого слова усиливает негативное отношение к нечистоплотным или неряшливым людям).

Проанализировав устаревшие слова-характеристики, студенты пришли к выводу, что обнаруженные ими лексические единицы с негативной оценочной коннотацией звучат не столь обидно, как используемые ими в повседневной речи грубые жаргонизмы, в силу чего, расширив и обогатив свой лексикон подобного рода новыми-старыми словами, они смогут развивать и свои коммуникативные навыки, стремясь не наносить обиду своему собеседнику грубым словом и гармонизируя общение с окружающими.

В процессе работы со словарными статьями «Словаря» Даля и в ходе их коллективного обсуждения студенты обращались к этимологии ряда слов. Например, *мимозыря* (‘разиня, зевака’) этимологически связано со словами *зрение*, *узреть*, с жаргонным *зырить*, т. е. ‘смотреть мимо’; также однокоренной глагол содержится в известном крылатом выражении *Зри в корень!* (авторство К. Пруtkова филологами оспаривается). К слову *журливый* (‘ворчливый’) ребята подобрали однокоренное из современного русского языка: *журить* – ‘слегка бранить, укорять кого-либо за что-либо’. Подобного рода «следы» устаревших слов из «Словаря» Даля студенты обнаружили при выявлении лексических значений слов *вывороченье* (‘искажение, лицемерие’) – *шиворот-навыворот*; *махлак* (‘нечестный человек, жулик’) – имеет тот же корень, что и современное разговорное *махлевать/мухлевать*; *нюни* (‘губы’) – сохранилось в поговорке *нюни*

распустить так же, как и устаревшее *голь* ('оборванцы, голяки, нищие') – в устойчивом выражении *голь перекатная*.

Расширению лингвистической компетенции студентов также способствовал элементарный сравнительно-исторический анализ ряда устаревших слов из рассматриваемого «Словаря» В.И. Даля: устар. *мерковать* ('думать, гадать') сравнили с современным украинским *міркувати* ('думать, размышлять, соображать'), устар. *супря* ('спор, конфликт') – с украинским *суперечка* ('спор, ссора'), устар. *хабара* ('нажива') – с украинским *хабар* ('взятка, нажива') и др.

Таким образом, погрузившись в мир русского Слова путем обращения к наследию выдающегося исследователя нашего родного языка Владимира Ивановича Даля, студенты осознали, насколько, по словам проф. А.Д. Дейкиной, «мир русского языка обширен и значителен» и сам он «с его реальными свойствами отражает путь нации в прошлом, настоящем и будущем» [Дейкина 2019: 10]. Методическая ценность использования материалов «Словаря» В.И. Даля в качестве дидактического материала на практических занятиях в вузе так же очевидна.

Литература и источники

1. Дейкина А.Д. Аксиологическая методика преподавания русского языка: монография. – Москва: МПГУ, 2019. – 212 с.
2. Дейкина А.Д., Еремеева А.П. Формирование культуроведческой компетенции учащихся при обучении русскому языку: коллективная монография / А.Д. Дейкина, А.П. Еремеева, Л.А. Ходякова и др. – Москва: «Прометей» МПГУ, 2005. – 136 с.
3. Русский словарь языкового расширения / сост. А.И. Солженицын. – Москва: Наука, 1990. – 272 с.
4. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля / под общ. ред. Н.В. Шахматовой. – СПб.: Весь, 2004. – 735 с.

*Шановалова А.Э.,
аспирант, НИУ «БелГУ», г. Белгород.
Науч. рук. – Новикова Т.Ф.,
д. пед. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

НОВЫЕ ФОРМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СЛОВАРЕЙ И ДРУГИХ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ В ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация. В статье говорится об использовании электронных словарей и других ЭОР в языковом образовании на примере изучения слов с национально-культурным компонентом значения. Эти слова классифицированы на определенные тематические группы. Приводится пример работы с QR-кодом и приложением LearningApps.

Ключевые слова: слова с национально-культурным компонентом значения, словарь, инновационные технологии, QR-код, LearningApps.

Summary. The article talks about the use of electronic dictionaries and other electronic educational resources in language education by the example of studying words with a national-cultural component of meaning. These words are classified into specific thematic groups. An example of working with a QR code and the LearningApps application is given.

Key words: words with a national-cultural component of meaning, dictionary, innovative technologies, QR code, LearningApps.

В настоящее время обращение к инновационным технологиям в преподавании является не только актуальным, но и обязательным событием образовательного процесса. Действительно, нам уже трудно представить свою жизнь, а тем более – профессию без телефона, планшета или ноутбука. Но как сделать так, чтобы ученики не просто проводили время, уткнувшись в гаджеты, а наоборот, с их помощью обучались, развивались, умнели?

Что же думают учителя и родители по поводу использования телефонов в образовательной деятельности? Четвертого мая 2022 года были подведены итоги такого опроса А.В. Хуторским, д. пед. н., членом-корреспондентом Российской академии образования, в котором говорится о том, что 63% педагогов считают, что необходимо собирать у школьников телефоны во время уроков, процент родителей оказался меньше – 47. Действительно ли телефоны только мешают на уроке?

По нашему мнению, необходимо с начальной школы приучать детей к интеллектуальному формату работы с телефоном или планшетом, а затем ребенок сам уже будет использовать инновационные технологии не только и не столько для игр, сколько для улучшения своей учебной подготовки. Мы не раз уже обращали внимание на необходимость осмысленного и мотивирующего для учащихся применения различных технических инструментов и электронных ресурсов [Шаповалова 2021: 307-314, 99-106].

Предметом нашего исследования являются слова с национально-культурным компонентом значения (далее – слова с НКК). На первый взгляд, они никак не связаны с чем-то принципиально новым и кажутся непересекающимися явлениями с нововведениями в обучении. Однако мы пришли к твердому убеждению, что такие слова (с НКК) можно и даже нужно изучать, опираясь на новые информационные технологии, потому что эти технологии позволяют сократить путь от незнания к знанию, от незнакомого слова к слову, вошедшему в активный школьный лексикон.

Мы видим, что на данном этапе в русском языке появляется все больше новых слов, не все их понимают и тем более употребляют. Но обращение к неологизмам мотивированно, подкреплено языковой ситуацией, общением, СМИ, а что делать с устаревшей лексикой, со словами из пассивного словарного запаса (например, диалектизмами и регионализмами), в употреблении которых школьники не видят необходимости? Но между тем именно среди этих лексических пластов наиболее высок процент слов с НКК, слов, в которых в свернутом виде сохранена наша история и культура.

Обязанность носителя – сохранить свой родной язык, передать его следующим поколениям не только в объеме, необходимом для примитивного общения, но и во всем богатстве и уникальности. В этом значимом процессе особую роль играют слова с НКК.

Из обширного массива слов с НКК мы решили остановиться на следующих тематических группах:

- **меры веса и длины** – в частности, устаревшие названия веса, длины (*дюжина, аршин, сажень, пядь, локоть*).
- **термины родства** – слова, указывающие на родство людей (*племянница, сват, теща, свекровь* и др.)
- **бытовая лексика** – слова, которые использовались в повседневном обиходе (*изба, печь, чугунок, подворье, сени, веретено* и др.)
- **религиозно-православная лексика** (*алтарь, кулич, крестить, христосовать, христосоваться*).
- **топонимы** – слова, указывающие на название сел, поселков, городов, рек, озер и др. (*Ворскла, Стригуны, Белгород, Хотмыжск*).

Сейчас существует множество различных словарей: традиционных и электронных. Вторые ни в чем не уступают первым, а иногда имеют еще и преимущество: доступность, легкость использования. Обратимся к электронной версии «Толкового словаря» В.И. Даля и узнаем значения некоторых приведенных слов [Даль 2006-2022].

АРШИН – м., татарск.: 1) погонная мера, четыре четверти (пяди), по четыре вершка (верха пальца); треть сажени; длина всей руки от плеча; вольный шаг человека; 2) 1/3 русского или английского фута; 0,711 метра [Даль 2006-2022].

Поскольку на уроках словарей на всех обучающихся обычно не хватает, можно преобразовать данную информацию в QR-код, которым может воспользоваться каждый ученик, а во второй код можно добавить картинку, чтобы визуально закрепить значение нового или трудного понятия; также можно предложить интерактивные задания для окончательного закрепления сведений, например, по мерам длины. Представим эту работу ниже наглядно (см. рис. 1, рис. 2, рис. 3).

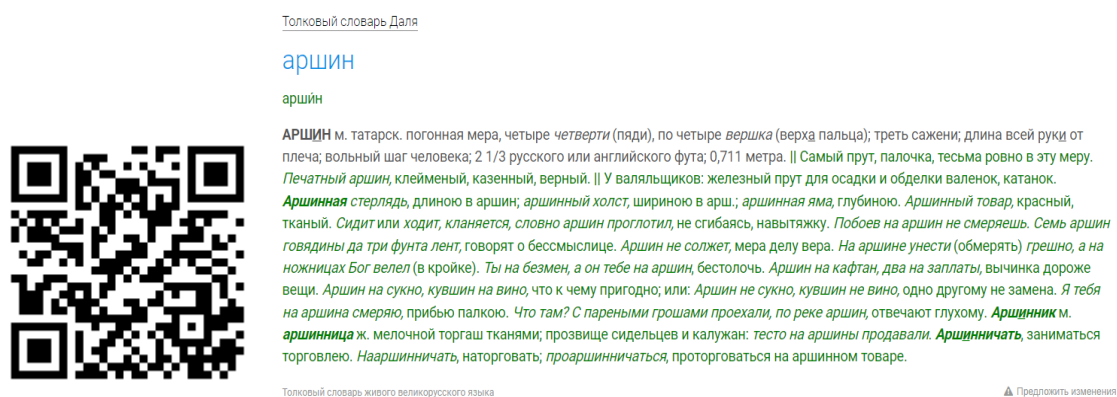


Рис. 1



Рис. 2

Подобные электронные версии созданы нами для слов *здравица, свекор, изба, промысел, экспозиция, монастырь, архистратиг, терраса, майолика* и др.

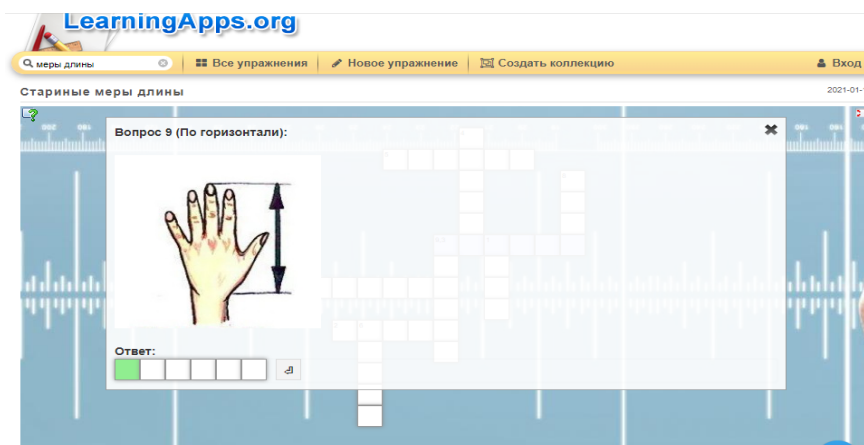


Рис. 3

Мы увидели, что использование электронных ресурсов и электронных словарей в вузе и школе может создать базу для формирования прочной информационной компетенции учащихся, ведь тогда ребенок не просто научится добывать знания самостоятельно, расширять свой словарный запас, но и будет делать это с удовольствием с помощью игры; также есть еще один важный момент – учащиеся самостоятельно могут делать такие интерактивные задания и тем самым развиваться и приобретать полезные навыки.

Литература и источники

1. Колесникова Т.А., Колокольникова З.У., Лобанова О.Б. Применение инновационных технологий в образовательном пространстве в школе // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2017. – № 6-2. – С. 261-269.
2. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах / Даль В.И. – М.: РИПОЛ классик, 2006. / Том 4. Р-Я. – 672 с. / Р. 5–127 с.

3. Хуторской А.В. Образование 4.0 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/wall-203985655?q=%23исследования&w=wall-203985655_3129 (дата обращения – 09.05.2022).

4. Шаповалова А.Э. Возможности электронной интерпретации языкового образа (на примере создания QR-кодов пословиц с ключевым словом «дом») // Языковые образы: лингвокреативные символы этнокультурной духовности: сб-к науч. трудов по итогам 5-й Международной научной конференции, посв. 75-летию Засл. деятеля науки РФ, д. фил. н., проф. Н.Ф. Алефиренко (г. Белгород, 17-19.09. 2021 г.). – Белгород: ООО «Эпицентр», 2021. – С. 307-314

5. Шаповалова А.Э. Пути освоения безэквивалентной и национально-маркированной лексики обучаемыми на разных ступенях обучения // Научная мысль: перспективы развития: сборник материалов IX Международной конференции и Всероссийской с международным участием научно-методической конференции, посв.90-летию со дня рожд. Т.К. Донской (26 окт. 2021 г.) / Науч. ред. Л.Н. Горобец. – Армавир, РИО АГПУ, 2021. – С. 99-106.

*Яковлева Т.В.,
к. пед. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

ФОРМИРОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ В.И. ДАЛЯ)

Аннотация. В статье рассмотрены возможности использования словаря В.И. Даля в процессе формирования функциональной лексикографической грамотности младших школьников. Предложены варианты заданий разной степени сложности, направленных на работу со словарем. Задания выполняются как с помощью учителя, так и самостоятельно.

Ключевые слова: функциональная грамотность, начальная школа, лексикография, словарь В.И. Даля

Summary. The article considers the possibilities of using the dictionary of V.I. Dahl while developing functional lexicographic literacy of primary schoolchildren. Variants of tasks of varying degrees of complexity aimed at working with the dictionary are proposed. The tasks are completed both with the help of a teacher and independently.

Key words: functional literacy, elementary school, lexicography, dictionary of V.I. Dahl

Формирование функциональной грамотности обучающихся – одна из важнейших задач современного образования, показатель качества образования.

Академик Н.Ф. Виноградова обращает внимание на то, что собой представляет функциональная грамотность: «Функциональная грамотность сегодня – это базовое образование личности. Ребенок должен обладать: готовностью успешно взаимодействовать с изменяющимся окружающим миром ...; возможностью решать различные (в том числе нестандартные) учебные и жизненные задачи...; способностью строить социальные отношения...; совокупностью рефлексивных умений, обеспечивающих оценку своей грамотности, стремление к дальнейшему образованию...» [Виноградова 2020:16].

По нашему мнению, формирование функциональной грамотности связано напрямую с усвоением собственно предметных знаний, понятий, концепций, а поэтому в образовательном процессе необходима ориентация на качество освоения образовательных программ.

В соответствии с ФГОС НОО актуальность теории и практики формирования функциональной грамотности связана с необходимостью

развития умений достигать цели деятельности, осуществлять ее контроль и оценку, взаимодействовать в процессе коммуникации.

Формирования навыков правописания и говорения недостаточно, необходимо развивать у обучающихся функциональную грамотность, и осуществлять это следует на уроках родного русского языка, которые по своей сути могут и должны формировать функциональную грамотность.

Ребенок должен осознать (и в этом ему должны помочь учителя, родители), что быть грамотным – это необходимо, невозможно стать успешным, добиться авторитета, быть коммуникабельным, если не освоишь русский язык.

Любая жизненная ситуация – умей спросить, высказать свое мнение, поддержи беседу, сделай замечание – все эти умения связаны с функциональной грамотностью, и никакие гаджеты и Интернет ребенку не помогут. Только освоение правил, определений, выполнение упражнений и заданий.

В структуре функциональной грамотности языковой личности обучающегося можно выделить лексикографическую составляющую, связанную с умением квалифицированного использования различного вида словарями в образовательной деятельности, ведь словари играют особую неопределимую роль: они демонстрируют богатство и красоту языка, помогают ученику проникнуть в «кладовую слова», расширяют лингвистические знания, развивают интерес и любовь к родному языку. Словари помогают детям осуществить контроль и самоконтроль в усвоении знаний.

М.Р. Львов отмечал, что «словари стали необходимой частью домашних библиотек, предметом коллекционирования, принадлежностью школьных занятий, даже начальные классы имеют теперь свою библиотечку словарей. Все это вселяет оптимизм» [Львов 2010: 12].

Мы считаем, что необходимо говорить о функциональной лексикографической грамотности. М.Н. Кузнецова дает определение различным типам функциональной языковой грамотности [Кузнецова 2019].

Под функциональной лексикографической грамотностью мы понимаем квалифицированное использование словарей различного типа как в учебных, так и жизненных ситуациях. Функциональная лексикографическая грамотность связана непосредственно со сформированностью знаний о словарях, с умением их использовать и применять извлеченную из них информацию. Фактически лексикографическая функциональная грамотность «пересекается» с информационной компетенцией.

Функциональная лексикографическая грамотность – это компонент, причем важнейший, базового образования в целом личности. Младший школьник должен научиться эффективно взаимодействовать с окружающими, а для этого он должен красиво, грамотно говорить или писать. И «смски» в телефоне – без знаков препинания, написанные с ошибками – не помогут человеку быть понятым собеседником.

Быть функционально грамотным – значит умело решать как учебные, так и жизненные задачи, и здесь словари могут сыграть определенную роль: работа с орфоэпическими словарями поможет освоить нормы произношения, толковые словари – научат ученика употреблять слова в нужном значении, орфографические словари помогут обучающимся освоить правила правописания. Ребенок может себя самостоятельно проверить, работая со словарями: красиво и правильно ли я говорю, пишу, умею ли формулировать свою мысль, умею подбирать синонимы и антонимы.

Можно остановиться еще на одном аспекте лексикографической функциональной грамотности – а именно сформированности осознанной потребности, желания обращаться к словарям, чтобы решить как познавательные, так и коммуникативные задачи. Необходимо научить ребенка воспринимать словарный текст, извлекать нужную информацию, сопоставлять разные лексикографические издания.

Нами разработаны упражнения и задания, которые можно использовать на разных этапах словарной работы. С этой целью можно использовать «Толковый словарь» В.И. Даля, адаптированный для начальной школы.

Безусловно, детей нужно познакомить как с этим, так и с другими словарями, в том числе и словарями школьных учебниках, рассказать о значимости и назначении словарей, их роли в жизни человека.

Дети должны увидеть словари, полистать их, подержать в руках, «почувствовать» их и понять, насколько важно уметь добывать информацию, пользуясь словарями. Нами были разработаны различные упражнения, предусматривающие обращение к «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля. Предлагаемые упражнения использовались в сочетании с грамматико-орфографическими упражнениями по развитию речи.

Было проведено внеурочное занятие на тему: «Давайте познакомимся – Толковый словарь», поскольку предварительная беседа показала, что дети не знакомы достаточно хорошо с толковыми словарями и не умеют ими пользоваться. Эпиграфом к уроку послужили слова А. Франса: «Словарь – целый мир, расположенный в алфавитном порядке. Здесь мысли, радости, труды, горести наших предков и наши собственные. Подумайте, что все собранные вместе слова – дело плоти, крови и души, родины и человечества».

Внеурочное занятие включало следующие этапы:

1. Рассказ учителя о значении словарей в жизни каждого человека, о назначении разных групп словарей и использованием примеров.

2. Знакомство с книжной выставкой в библиотеке «В гостях у словарей».

3. Знакомство со словарями разных типов.

4. Работа «словарей» с классом.

На четвертом этапе занятия ребята слушали выступление о «Толковом

словаре», в котором подготовленные ученики рассказали, что впервые определение толковому словарю дал Владимир Иванович Даль. В истории отечественной науки о русском языке В.И. Даль прославился как собиратель слов и устойчивых сочетаний слов, составивший четырехтомный «Толковый словарь живого великорусского языка», который впервые был напечатан в 1863-1866 г.г. Кроме толкования значения слов, словарь Даля включает в себя тридцать тысяч пословиц. Вы скажите: зачем объяснять значения многих слов, они ведь и так понятны. Но не торопитесь. Возьмем, например, слово *стол*. Как объяснить его значение? (Дети объясняют). Это род мебели. Но есть еще и другие значения. Загляните в словарь, и тогда вы без труда выполните задание (Работа с распечатками из «Словаря» В.И. Даля).

На занятии учащиеся учились пользоваться толковым словарем, определяли лексическое значение тех или иных слов по заданию учителя. Опишем фрагменты некоторых из них.

Работу с использованием словаря В.И. Даля мы продолжили на классных занятиях. При изучении темы «Однородные члены предложения» учащимся предлагалась такая словарная работа: выписать из толкового словаря Даля слова, в значении которых встречаются однородные члены предложения, например: *Автор* – создатель литературного или художественного произведения, научного труда, проекта, изобретения. *Бодрый* – полный сил, здоровья, энергии, жизнерадостности.

В начале, чтобы сориентировать детей, мы назвали слова, в толковании лексического значения которых содержались бы однородные члены предложения. Затем дети отыскивали слова самостоятельно и записывали их в тетрадь. Были выписаны толкования следующих слов:

Герб – отличительный знак государства, города, рода, изображаемый на флагах, монетах, печатях. *Герой* – 1) человек, отличающийся храбростью, доблестью, самоотверженностью и совершающий подвиги; 2) тот, кто привлекает к себе внимание и является предметом подражания.

Такие задания позволили работать над обогащением и уточнением словаря учащихся, закрепляют навыки работы со словарем.

Также были предложены такие задания (с использованием различных словарей):

1. Какие синонимы можно подобрать к следующим словам: *азбука, примерный, нарисовал, красивый* и др.?

2. Какие антонимы можно подобрать, пользуясь словарем, к таким словам, как: *добрый, медленно, веселый, лживый, зло*?

3. Какие синонимы и антонимы можно подобрать к лексемам: *легкий, сложный, здоровый, смелый, радость*? Если затрудняешься, обратись к словарю. Какое можно придумать предложение с этими парами слов?

4. Расскажи классу о приходе весны, при составлении можно пользоваться словарями.

5. Проверь, как надо произносить слова, при произношении которых

делают люди ошибки: *красивее, красивейший, свекла, фарфор*. А как ты их произносишь? К какому словарю можно обратиться?

6. А задумывался ли ты о том, как именовались воины в разные эпохи? Какие словари помогут получить ответ на этот вопрос. Выпиши названия, подготовь рассказ об устаревших словах.

7. Подготовь и проведи с соседом по парте словарный диктант, проверьте вместе правильность написания по соответствующему словарю.

8. Весе...й, ле...кий, солн...ечно, рад...сть, т...плеет. Как ты думаешь, при составлении какого рассказа можно употребить эти слова? О чем этот рассказ?

9. Продолжи диалог на тему: «8 Марта»:

- Ты поздравил маму?

- А ты?

- Какой подарок ты подготовил?

Запиши диалог, проверь написание слов по словарю.

Проверь себя по словарю (возможна парная, парно-групповая работа).

10. Представь, мы с классом поехали в лес. Давайте вместе составим рассказ о весеннем лесе, при этом следим за речью друг друга, чтобы не было повторов, заменяем их синонимами. Для яркости рассказа подбираем антонимы.

11. Как ты думаешь, различаются ли слова *радость, счастье, веселье*? Чтобы обосновать свою мысль, надо подобрать синонимы и сравнить. Продолжи синонимический ряд.

12. Придумай предложения с лексемами из словарика на определенную букву. Что получилось? Дайте задание соседу по парте.

13. Вставь пропущенные буквы и слова (где необходимо), пользуясь словарем: *В...тер..., п...днималась...м.....тель. Мы изуча.....м...язык..... Папа ...делал из д...рева*

14. Как ты думаешь, про кого можно сказать *хитрый, изворотливый, шустрый*? Продолжи синонимический ряд.

15. Попробуй описать своих любимых героев, воспользуйся словарями.

16. Загадай загадку классу путем описания слова-отгадки.

17. Усложни задание: пусть одноклассники воспользуются словарями.

18. Есть ли у тебя любимое животное? Расскажи о нем. Следи за своей речью, чтобы не было речевых ошибок. Проверь себя по словарям.

19. Подчеркни синонимы и антонимы в предложенном для анализа тексте.

Если ты испытываешь трудности, какой словарь поможет тебе выполнить задание?

20. А как ты думаешь, нужны ли словари, может можно обойтись без них? Обоснуй свой ответ.

21. Представь, что ты лингвист и тебе поручено составить минисловарик на тему «Семья», «Моя квартира», «Школа». Познакомь класс

с твоим словарем.

22. Что необходимо знать для редактирования текстов, нужно ли пользоваться словарями?

23. Игра «Я корректор».

24. Составь рассказ о белом и черном, например, белая бумага и черный карандаш. Выпиши другие пары слов из словаря и составь с ними рассказы.

25. Придумай слова с корнями *-добр-* и *-жадн-*. Подбери к ним соответствующие антонимы и синонимы (где возможно).

26. В чем разница в значении лексем: *счастье – несчастье, любить – ненавидеть*?

27. Ребята, а давайте вспомним пословицы, где есть антонимы. Кто больше назовет таких пословиц?

28. В чем разница в значении слов *смеется – хохочет, плачет и рыдает*? Проверь себя по словарю.

29. Придумай сказку о дожде, употребляя слова *громкий – тихий* и подбери синонимы.

30. Опиши и сравни внешность, характер друзей. Поможет тебе в этом словарик.

31. Кто быстрее и больше? (Подбор синонимов, антонимов).

32. Найти в художественных текстах синонимы и антонимы. Какими словами можно дополнить ряды?

Учащимся было предложено подготовить проекты слов «Праздник», «Что рассказало о себе слово “красный”», “добрый”» с обязательным использованием словарей.

Предварительно был намечен план исследования, предложена литература, распределены роли в команде.

Обучающиеся анализировали и структуру словарей, и словарных статей, выявляли, каково назначение разных словарей, каким образом строятся статьи в них.

Весьма эффективным упражнением является самостоятельное составление словарной статьи разного типа словарей. Детям понравилось такое задание, они с удовольствием выполняли. Мы даже провели конкурс на лучший минисловарь, которые сопровождались иллюстрацией.

При проведении работы по формированию лексикографической функциональной грамотности мы использовали такие методы, как сопоставление, анализ текстов на предмет нахождения синонимов и антонимов, проект, наблюдение. Мы хотели привлечь внимание детей к тому факту, что русский язык богатый и могучий, словари отражают это богатство.

Если в начале экспериментальной работы в основном использовалось слово учителя как ведущий метод, то через некоторое время большое внимание стало отводиться самостоятельной работе. Ребята научились

отбирать нужный материал, иллюстрировать его.

Работа над формированием лексикографической функциональной грамотности обучающихся проводилась как в процессе усвоения специальных лексических понятий (синонимы, антонимы), так и при изучении других разделов программы.

Мы пришли к выводу, что процесс формирования функциональной лексикографической грамотности будет эффективным, если проводить эту работу систематически, целенаправленно, сочетать различные приемы и методы, разнообразить упражнения.

Литература и источники

2. Виноградова Н. Ф., Кочурова Е. Э., Кузнецова М. И. и др. Функциональная грамотность младшего школьника: книга для учителя / под ред. Н. Ф. Виноградовой. – Москва: Росийский учебник: Вентана-Граф, 2020. – 288 с.

3. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – В 4 т. – Москва: Русский язык, 1998.

4. Кузнецова М.Н. Функциональная грамотность младшего школьника / М.Н. Кузнецова. – Москва: Аст-пресс, 2019. – 125 с.

5. Львов М.Р. Методика развития речи младших школьников пособие для учителя / М.Р. Львов. – Москва: Просвещение, 2010. – 214 с.

Алейник Ю.В.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород.
Науч. рук. – Черемохина Д.А.,
к. филол. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СЛОВА «ПОБЕДА»

Аннотация. Статья посвящена созданию лексикографического портрета слова *победа* на примере интегрального описания. Анализ словарей различных типов позволяет рассмотреть слово *победа* на фоне полного набора лингвистических правил, что дает возможность перейти к лексикографическому портрету данной языковой единицы, системно описать парадигматические и синтагматические связи лексемы, рассмотреть ее коммуникативно-прагматические особенности.

Ключевые слова: лексикографический портрет, словарь, интегральное описание слова, победа

Summary. The article is devoted to the creation of a lexicographic portrait of the word *victory* on the example of its integral description. The analysis of dictionaries of various types allows us to consider the word *victory* against the background of a full set of linguistic rules, which makes it possible to move on to the lexicographic portrait of a given language unit, systematically describe the paradigmatic and syntagmatic connections of the lexeme, and consider its communicative and pragmatic features.

Key words: lexicographic portrait, dictionary, integral description of the word, victory

В процессе познания человеком окружающего мира в его сознании складываются определенные понятия, которые впоследствии фиксируются в форме слов в различных словарях. Это позволяет получить информацию о том, как произошли слова, каковы особенности их употребления и функционирования в речи. Практикой и теорией составления словарей занимается лексикография. На сегодняшний день актуальным для этой науки является системный интегральный подход к описанию языковых единиц.

Ю.Д. Апресян писал, что «лексемам в словаре должны быть приписаны все свойства, обращения к которым могут потребовать лингвистические правила» [Апресян 2009: 113]. Интегральный подход позволяет описать слово и каждое его отдельное значение с особой полнотой и детальностью, чего нет в традиционных словарях. Так создается лексикографический портрет слова. «Под лексикографическим портретом лексемы понимается ее словарная статья, выполненная в рамках единого, или интегрального, описания языка» [Апресян 1995: 485-487], что предполагает исследование семантики слова, его сочетаемости, прагматических, стилистических, фразеологических, морфологических, синтаксических, коммуникативных и других свойств каждого лексического значения данного слова.

Интегральное лингвистическое описание, в отличие от традиционного словарного описания, включает новые типы сведений о слове, что позволяет представить лексему с точки зрения различных видоизменений и особенностей функционирования в составе высказываний. Таким образом, интегральное описание расширяет традиционные типы информации и демонстрирует мотивированные связи между различными свойствами лексемы.

В настоящей статье представлены результаты лексикографического портретирования слова *победа* с описанием его индивидуальных особенностей и представлений о *победе* в русской национальной языковой картине мира.

Слово *победа* заимствованно из старославянского языка, где было образовано от общеславянского *roběditi* – ‘победить’. В свою очередь, слово *roběditi* образовано префиксальным способом от *běditi* – ‘убеждать’, исходным для которого послужило существительное *běda* (бѣда). *Победа* буквально – это ‘убеждение (силой)’. В древнерусском языке слово *победа* имело противоположное современному толкованию значение – *поражение* [Шанский 1971: 345].

В языке XI–XVII веков у слова *победа* зафиксированы следующие значения: 1. Победа (на поле брани); 2. Одоление кого-то, чего-то; 3. То, что приносит победа (награды, почести, трофеи и т. п.); 4. Поражение; 5. Война; 6. Соблазн, искушение; 7. Беда [Филин 1989: 120]. Стоит обратить внимание на то, что слово *победа* включает в себя семантически противоположные значения.

К XVIII веку слово утрачивает большую часть значений. Сохраняются только значения *победа* 1 и 2: 1. Успех в бою; 2. Успешное одоление, завершение; торжество над кем-либо, чем-либо [Сорокин 2013: 67].

В XIX веке в словаре В.И. Даля можно зафиксировать слияние значений ‘успех в бою’ и ‘торжество над кем-либо, чем-либо’ в одно значение «подчинять себе, одержать верх». Отмечено и новое значение ‘быть первым при состязании’ [Даль 1882: 111].

Словари XX века фиксируют в среднем четыре значения слова *победа*, созвучных теми, что были отмечены до этого. Так, в четырехтомном словаре под редакцией А.П. Евгеньевой сохраняются значения ‘успех в битве, войне’, ‘успех в борьбе за что-то’, ‘быть первым при состязании’ [Евгеньева 1981: 567]. Возвращается переносное значение ‘успех в любовных делах’. Великая Отечественная война также внесла свои коррективы в толкование исследуемого слова: после победы в 1945 году в словарях появляется новое значение – ‘праздник в честь окончания Великой Отечественной войны’ [Дмитриев 2003: 1101]. В этом значении слово представлено и в лингвострановедческих словарях.

Итак, в современных толковых словарях представлены следующие значения слова:

Победа 1 – Тактический или стратегический успех в бою, в войне. *Сражаться до полной, окончательной победы.*

Победа 2 – Всенародный праздник в честь успешного окончания Великой Отечественной войны.

Победа 3 – Достижение абсолютного преимущества, успех спортсмена или команды спортсменов в соревновании, состязании и т. п. *Олимпийская победа.*

Победа 4 – Успех в борьбе за что-либо, в преодолении чего-либо. *Добиться победы.*

Победа 5 – Признание абсолютного превосходства кого-либо или чего-либо в чём-либо. *Победа в математической олимпиаде.*

Победа 6 – Чьи-либо успехи в любовных делах. *Гордиться, кичиться своими победами.*

В словаре синонимов слово *победа* представлено в таких значениях как ‘успех в битве’, ‘успех в борьбе за что-то’, ‘быть первым при состязании’ [Евгеньева 2003: 151]. *Успех* является доминантой синонимического ряда, так как имеет наиболее общее значение, широкую сочетаемость и полный набор грамматических форм. Остальные синонимы различаются сферой употребления (*лавры* чаще используется в обиходноразговорной речи). Можно выделить и ряд синонимов-фразеологизмов: «заткнуть за пояс», «положить на лопатки», «утереть нос», «одной левой», «задать жару», «одержать верх».

В словаре антонимов русского языка Р.М. Львова указаны две антонимические пары: *победа* – *поражение* и *виктория* (*устар.*) – *разгром* [Львов 1982: 192].

Анализ сочетаемости показывает, что слово широко представлено как в составе свободных сочетаний, так и в составе устойчивых выражений, фразеологизмов, пословиц и поговорок. Разные значения обладают разной валентностью. Употребление слова *победа* как ‘успех в бою’, ‘успех в борьбе за что-то’, ‘быть первым при состязании’ и признание абсолютного превосходства’ имеет широкие сочетаемостные возможности. Слово в этих значениях свободно сочетается с существительными (добра, зла, народа), прилагательными (бесспорная, абсолютная, великая) и глаголами (бороться, возвестить, вести). *Победа 2* имеет ограниченную валентность, так как используется только в отношении определенного события, а именно праздника в честь окончания Великой Отечественной войны, поэтому нельзя в данном значении употреблять «добиться чего-л.», «достичь чего-л.», «жаждать чего-л.», «верить во что-то» и т.д.

Информация о фразеологических оборотах, в которых встречается слово *победа*, дается в толковых и фразеологических словарях русского языка. Наиболее распространенными являются такие выражения, как «победителя не судят», «пиррова победа», «победила дружба», «торжествовать победу», «до победного конца» [Тихонов 2004: 18]. Можно выделить и ряд авторских фразеологизмов: «Любовь побеждается только бегством» (П. Бембо), «Гром победы раздавайся» (Г.Р. Державин), «Поле битвы после победы принадлежит мародерам» (Э.С. Радзинский) и др. Особый интерес вызывает авторский фразеологизм, как «победная головушка» (Н.А. Некрасов). В данном случае ‘победная’ употребляется в своем утраченном значении, т.е. ‘горемычная, бедовая’.

Ценным материалом для изучения особенностей слова *победа* являются русские пословицы, собранные в труде В.И. Даля «Пословицы русского народа». Всего в сборнике можно найти 18 упоминаний исследуемого слова. В более чем половине случаев, слово *победа* употребляется в своей устаревшей форме – *пабедка* ('небольшая беда или неудача'): «Лиха беда беде прийти, а пабедки с ног собьют», «Беду-то с хлебом съедим, не одолели бы пабедки», «Беды учат, пабедки мучат» и др. В остальных случаях слово употреблено в значении 4: «Живым словом победить», «Хотя себе досадить, а недруга победить» и др.

Еще одним важным аспектом при составлении лексикографического портрета слова является ассоциативная характеристика. Она позволяет рассматривать собранную информацию как модель речевого поведения носителей русского языка, тем самым выявляя особенности русской культуры. В русском языковом сознании слово *победа*, прежде всего, соотносится с Днем Победы – праздником в честь завершения Великой Отечественной войны. Она оставила глубокий след в истории и сознании русского народа, память о ней живет не только в сердцах потомков героев войны, но и в названиях улиц, площадей, проспектов, парков и т.д. Так, для всех жителей г. Белгород слово *победа* соотносится с названием улицы, парка и кинотеатра, а студентам и сотрудникам БелГУ это слово указывает еще и на часть университета, расположенную по ул. Победы.

Слово *победа* активно используется и в прецедентных текстах. Мы все знаем песню «День Победы», а также эти выражения: «Спасибо деду за Победу! Я помню, я горжусь!», «Мы наследники Победы!», «Ваша Победа в наших сердцах!», «Великая победа – гордость поколений!», «Победа отцов и дедов – это наша Победа!», «Вечная слава героям Великой Победы!», «Спасибо бабушке и деду за их великую Победу!». Увидеть исследуемое слово можно и в наименовании масштабного волонтерского движения – «Волонтеры Победы», а также названиях многочисленных акций, приуроченных к 9 мая: «Послы Победы», «Внуки Победы», «Наследники Победы», «Голос Победы», «Ура Победе!», «Окно Победы» и др. Следует также отметить и то, что на данный момент происходит повышение активности употребления фраз: «Победа будет за нами», «Там, где мы, там – победа!», «За Победу!».

В результате интегрального описания слова *победа* был составлен лексикографический портрет, позволяющий проследить историю существования слова с момента его возникновения до современного состояния, а также выявить особенности каждого лексического значения и характер его функционирования в речи. Анализ словарей различных типов позволило рассмотреть слово на фоне полного набора лингвистических характеристик. Метод лексикографического портретирования дает возможность собрать воедино все знания человека о слове, предоставляет

шанс объективно отразить языковую реальность и изменения в языковом сознании.

Литература и источники

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды: интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
2. Апресян Ю.Д. Исследование по семантике и лексикографии. Т. I. Парадигматика. – М., 2009. – 569 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. – Москва: Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2004. – 616 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1882. – Т. 3. – 584 с.
5. Краткий этимологический словарь русского языка / Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. – Москва: Просвещение, 1971. – 542 с.
6. Львов Р.М. Словарь антонимов русского языка. – Москва, 1982. – 385 с.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Ф.П. Филин. Вып. 15. – Москва: Наука, 1989. – 188 с.
8. Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю.С. Сорокин. Вып. 20. – СПб., 2013. – 246 с.
9. Словарь русского языка: В 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой – Москва: Русский язык, 1981–1984. – 736 с.
10. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. – Москва, 2003. – Т. 2. – 702 с.
11. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. – Москва: Астрель – 2003. – 1578 с.
12. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. / сост.: А.В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов; под ред. А. Н. Тихонова. – Москва: Наука, 2004. – Т 2. – 832 с.

*Борченко А.С., Реутова Д.А.,
студенты, НИУ «БелГУ», г. Белгород.
Науч. рук. – Черемохина Д.А.,
к. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ СЛОВ ПО ПРОИЗВЕДЕНИЮ А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

Аннотация. В статье рассмотрен опыт создания интерактивного словаря устаревших слов, составленного по произведению А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Авторы применили комплексный подход к составлению словарных статей и обосновали возможности применения такого словаря на уроках в средней школе.

Ключевые слова: лексикография, устаревшая лексика, учебный словарь, язык писателя

Summary. The article considers the experience of creating an interactive dictionary of obsolete words, based on the text of “The Captain’s Daughter” by A.S. Pushkin. The authors applied an integrated approach to the compilation of dictionary entries and substantiated the possibility of using such a dictionary during the lessons of Russian language and literature.

Key words: lexicography, obsolete vocabulary, educational dictionary, writer’s language

Лексикография – самостоятельная научная дисциплина, имеющая свой предмет изучения (словари различных типов), научные и методологические принципы, свое место в ряду других наук о языке. Русский и советский лингвист Л.В. Щерба писал: «Я считаю крайне неправильным то пренебрежительное отношение наших квалифицированных лингвистов к словарной работе, благодаря которому почти никто из них никогда ею не занимался (в старые времена это за гроши делали случайные любители, не имевшие решительно никакой специальной подготовки) и благодаря

которому она получила такое нелепое название – «составление» словарей. И действительно, отечественные лингвисты, а тем более наши «составители» словарей просмотрели, что работа эта должна иметь научный характер и никак не состоять в механическом сопоставлении каких-то готовых элементов» [Щерба 2004: 308].

При создании словаря важно учитывать несколько факторов: тип, объем и назначение словаря. В различных словарях могут по-разному решаться проблемы полисемии и моносемии, омонимии и многозначности, фразеологического и свободного сочетания и т.д. Советский и российский лингвист В.В. Морковкин предложил создать словарную лексикологию, в основу которой легло бы теоретическое осмысление лингвистических понятий и категорий. Отличительная черта словарной лексикологии – это разделение науки о слове на ряд отдельных дисциплин и рассмотрении фонетических, морфологических, словообразовательных и других свойств лексических единиц в одном месте и под одним лексикографическим углом зрения [Морковкин 2001: 64].

Понятие о лексикографии как о теории и практики составления словарей сложилось только к концу XX в. Типология словарей и учение о структуре и элементах словаря (макро- и микроструктуре) – составные элементы теоретической лексикографии. Такое понимание содержания теоретической лексикографии изложено в крупном общелексикографическом исследовании П.Н. Денисова. Ученый выделяет понятия словаря, максимальной и минимальной лексических систем, универсальной структуры словарной статьи, семантического уравнения, дефиниции, дескрипции, семантического метаязыка среди теоретических объектов. Формирование терминологического аппарата лексикографии происходит и в настоящее время. Например, такие термины как метаязык словаря, словарное определение, тип словаря, микроструктура и макроструктура словаря уже стали общепринятыми, что позволяет нам найти подтверждение тому, что происходит становление лексикографии как науки [Денисов 1980: 158].

Изучая наследие отечественных лексикографов, мы можем констатировать, что в настоящее время лексикография быстро развивается, причем в разных направлениях. В XXI в. появилось уже несколько толковых словарей русского языка: «Большой академический словарь русского языка» под редакцией К.С. Горбачевича, «Большой толковый словарь русского языка» и «Современный толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова, «Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» и «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под редакцией Г.Н. Складневской. Стремительные политические и общественные процессы конца XX века в России явились основными причинами появления перечисленных словарей. Происходящие события во многом изменили языковую картину, способствовали появлению новых слов, произошло уточнение норм

современного употребления слов, пересмотр иллюстративного материала идеологического характера. Одной из тенденций современной толковой лексикографии является «стремление к включению в словарную статью толкового словаря дополнительных сведений о слове» [Бобунова 2009: 24].

Созданием словарей занимаются и преподаватели историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета. Специалист в области общего языкознания, когнитивной семантики, лингвокультурологии и фразеологии, д. ф. н., проф. Н.Ф. Алефиренко является автором труда «Фразеологический словарь. Культурно-познавательное пространство русской идиоматики», содержащего устойчивые выражения с культурно-маркированным компонентом.

В 2017 году под руководством д. ф. н., проф. С.А. Кошарной был выпущен диалектный словарь под названием «Опыт областного словаря Белгородчины», в который вошли 3,7 тысячи слов. Словарь способствует формированию представления о том, как говорят жители разных сёл, городов и деревень Белгородской области, так как материалы словаря включают лексику всех районов региона.

Развитие лексикологии происходит и в «детском» направлении. Особенности детской речи, ее динамики и творческого потенциала были продемонстрированы в «Словаре современного детского языка» д. ф. н., проф. В.К. Харченко.

Перспективы развития лексикографии видятся в совершенствовании существующих и создании новых типов словарей, появлении комплексных словарей и компьютеризации лексикографической деятельности. Толковые словари сегодня играют важную роль на уроках русского языка и литературы, так как они помогают учащимся преодолеть расстояние между современностью и временем, когда создавались классические произведения русской литературы. При чтении художественных произведений классиков могут возникнуть трудности в понимании значений отдельных слов. Появляется потребность в словарях по отдельным произведениям русских писателей, в которых отразился целый исторический и культурный пласт развития языка.

Целью нашей работы стало создание электронного словаря устаревших слов по повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Учитывая тенденции развития современной лексикографии и активную компьютеризацию всех процессов, мы использовали тексты с гиперссылками, устанавливающими связь с другими объектами в Интернете, в нашем случае при нажатии на активную ссылку можно выйти на внешние ресурсы и подробнее познакомиться с описанием слова. Гиперссылки позволяют пользователям включить словарь в методическую и просветительскую работу.

Материалом нашего исследования стали такие толковые словари, как «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова.

Еще одним важным источником нашей исследовательской работы стал «Словарь языка Пушкина», содержащий комментированный алфавитный перечень всех слов, которые использовал А.С. Пушкин в своих произведениях. Словарь составлялся в тесном контакте с одним из главных отечественных пушкинистов С.М. Бонди, которым был прочитан весь материал словаря. Исследователь много раз говорил о том, как хорошо было бы составить популярный пушкинский словарь, адресованный широкому читателю. Этот словарь должен включать слова, употребленные Пушкиным в значениях, ушедших из языка, неизвестных человеку второй половины XX века и, следовательно, затрудняющих читателям понимание пушкинских текстов.

По мере прочтения произведения А.С. Пушкина «Капитанская дочка» нами были выделены устаревшие слова, которые отражали окружающую действительность современной А.С. Пушкину эпохи, то есть периода первой половины XIX века. В результате проведенной работы нами была собрана картотека из 110 лексем.

Работа по составлению словаря с гиперссылками включала следующие этапы:

1. Подготовка материала. На этом этапе мы расположили вокабулы в алфавитном порядке, проверили слова на наличие повторов, сделали подбор иллюстраций к каждому слову.

2. Обработка и анализ собранных данных. При обработке собранных данных мы обобщали существующие дефиниции из словарей-источников. Словарные статьи нашего словаря содержат разные типы дефиниций:

- Описательная дефиниция, которая определяет значение слова путём указания на явление реальной действительности, что сводится к определению родового понятия и набора дифференциальных (различительных) признаков.

ЖИВОТ. ЖИВ'ОТ, живота, *муж.* **1.** Часть тела у человека и животных (от грудобрюшной преграды до лобковой кости), в которой расположены органы пищеварения. Вздутый живот. Болит живот. | Желудок или кишечник (*прост.*). Живот расстроился. **2.** Жизнь (*устар.*, теперь употр. в немногих поговорочных выражениях). Не щадя живота своего. Не на живот, а на смерть (*срн.* жизнь). Живот положить за кого-н., за что-н. (пожертвовать жизнью) [Ушаков 1994].

- Дефиниция с синонимическим толкованием, использующаяся для описания стилистически или экспрессивно окрашенных значений, а также устаревших или областных слов, имеющих в языке наиболее употребительные синонимы.

ЗЕМСКИЙ. **ЗЕМСКИЙ**, ая, ое. **1.** см. земство. **2.** То же, что общегосударственный (*устар.*). *Земское ополчение. Земские соборы* (в России в 1617 вв.: высшие сословно-представительные учреждения) [Ожегов, Шведова 1999].

• Отсылочная (деривационная) дефиниция, которая содержит характеристику мотивирующего значения слова и сохраняет мотивирующие и мотивированные связи значений. При этом значения мотивированных (производных) слов сохраняют смысловую связь с теми словами, от которых они образованы.

МИТКАЛЕВЫЙ. митка́левый См. миткаль [Даль 1994].

МИТКАЛЬ. митка́ль. **МИТКАЛЬ** м. бумажная ткань, изготовленная для обивки; ненабивной ситец. *Митка́левый, митка́льный, митка́льный*, к миткалю относящийся, из него сделанный. *Митка́льщик* м. *митка́льщица* ж. работающий миткаля, ткач. *Митка́льник* пск. *твер.* миткалевый сарафан [Даль, 1994].

В словарной статье содержатся данные о грамматической категории слов, то есть указывается род и число. Падеж во всех словах именительный.

РАСКАТ. РАСКА́Т, раската, муж. **1.** только ед. Действие по гл. раскатать в 1, 2, 3 и 4 знач. – раскатывать (*спец.*). **2.** только ед. Действие по гл. раскатить-раскатывать (*спец.*). **3.** Покатое, гладкое место, удобное для разбега, для того, чтобы раскатиться (*спец. обл.*). **4.** Разбег, приобретенная скорость (*спец.*). Сани получили большой раскат. **5.** Прерывистый и длительный гул. «И гром вдали гремит раскатом». А. Блок [Ушаков 1994].

Также словарная статья отражает современные орфоэпические и акцентологические нормы, то есть правильное произнесение слова и постановку ударения. Знак ударения поставлен над гласной буквой, соответствующей ударному звуку (ударному слогу). В словарных статьях, взятых из словаря С.И. Ожегова, ударный звук подчеркивается.

БАСТИОН. бастио́н. **БАСТИОН** м. франц. воен. выступ в укреплении, мыском в поле, образованный изломом линий вала и рва, для обстреливания *куртин*, пространства между бастионами; раска́т, мысок, оголовок. <...> [Даль 1994].

В словаре присутствует и этимологическая информация о происхождении слова, что позволяет понять, к какой лексике (исконно русской или заимствованной) принадлежит слово.

ФОРПОСТ. ФОРП'ОСТ, форпоста, муж. (*нем.* Vorposten). **1.** Передовая укрепленная позиция, то же, что аванпост (*воен.*). | *перен.* Передовой пункт, ведущее начало чего-нибудь. СССР – форпост мировой революции. На форпостах культуры. **2.** Первичная пионерская организация (*неол.*) [Ушаков 1994].

В словаре отражена принадлежность слова к определенному стилистическому пласту лексики (нейтральная, высокая, книжная, официальная, разговорная, просторечная) путем использования помет.

РЕЕСТР. РЕ'ЕСТР, реестра, *муж.* (от *лат.* *registrum* – внесенное, записанное; *срн.* регистр) (*офиц.*). Опись, список, письменный перечень. Реестр вещей (*устар.* вещам). Реестр векселей (*устар.* вексялям) [Ушаков 1994].

Также в некоторых словарных статьях, помимо объяснения значения слова, дается пример его употребления в предложении.

КОЛОДКА. КОЛ'ОДКА, колодки, *жен.* **1.** Расколотый надвое кусок дерева с вырубленным отверстием посередине, в которое прежде вставляли ноги арестованного, скрепляя обе половинки по концам (*ист.*). «А набейте ему на ноги колодки, да сведите в тюрьму». Гоголь. **2.** Кусок дерева, вырезанный в форме человеческой ноги, употр. при шитье обуви (*сапож.*). Поставить ботинки на колодку. Тачать по колодке. **3.** Деревянная, иногда металлическая оправа, в которую вставляется железко рубанка (*спец.*) [Ушаков 1994].

3. Редактирование и оформление (подготовка презентации, оформление гиперссылок).

Основное практическое применение словаря с гиперссылками – это использование его на уроках русского языка и литературы как в традиционном формате обучения, так и в дистанционной форме преподавания предметов.

Еще одно предназначение нашего словаря – исследовательское. Словарь дает богатый материал для исследований в области лингвокультурологии. Словарь отображает уже устаревшее языковое (в том числе метаязыковое) сознание, повседневное словоупотребление того времени, очерчивает контуры национальной русской метаязыковой ментальности.

Исследовательскими возможностями потенциал словаря не ограничен. Круг его потенциальных пользователей достаточно широк. Это специалисты по русскому языку, изучающие особенности владения русским языком и законы его функционирования; преподаватели русского языка как родного, так и иностранного; журналисты, редакторы, переводчики и специалисты, связанные с созданием текстов; историки, философы, а также все носители русского языка, имеющие желание углубить свои знания в области русской лексики.

Мы полагаем также, что словарь достаточно значим для теории и практики лексикографии как специфический представитель определенного типа словарей.

Литература и источники

1. Бобунова М.А. Русская лексикография XXI века: учеб. пособие / М.А. Бобунова. – Москва: Флинта: Наука, 2009. – 196 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. А – З / В.И. Даль; под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. – Москва: Универс, 1994. – 1744 стб.
3. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания / П.Н. Денисов. – Москва: Русский язык, 1980. – 253 с.
4. Морковкин В.В. О словарной лексикологии / В.В. Морковкин // Русский язык за рубежом. – 2001. – №2.

5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова // Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – Москва: Азбуковник, 1999.

6. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Д.Н. Ушаков и др. / под ред. Д.Н. Ушакова. – Москва: Рус. словари, 1994. – 88405 с.

7. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 429 с.

*Голотовская Р.А.,
студентка, НИУ «БелГУ», г. Белгород
Науч. рук. – Чумак-Жунь И.И.,
д. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

ЛЕКСИКА ОГРАНИЧЕННОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ «ПОВЕСТЬ О СОНЕЧКЕ»

Аннотация. Статья посвящена анализу лексики ограниченного употребления в прозаическом произведении М.И. Цветаевой «Повесть о Сонечке». Выявлено, что в тексте неоднократно использованы историзмы и архаизмы, лексика разговорного стиля, а также слова, относящиеся к военной тематике. Был сделан вывод, что лексика ограниченного употребления создает особые черты идиостиля писателя.

Ключевые слова: М.И. Цветаева, состав лексики, лексика ограниченного употребления, автобиографическая проза

Summary. The article is devoted to the analysis of the vocabulary of limited use in the prose work of M.I. Tsvetaeva “The Tale of Sonechka”. It is revealed that historicisms and archaisms, colloquial style vocabulary, as well as words related to military subjects are repeatedly used in the text. It was concluded that the vocabulary of limited use creates special features of the writer’s idiosyle.

Key words: M.I. Tsvetaeva, vocabulary composition, vocabulary of limited use, autobiographical prose

Выдающаяся личность Серебряного века, писатель, по словам В.Н. Орлова, «большой и разносторонний», Марина Ивановна Цветаева оставила яркий след в истории русской литературы. Это своеобразный «женский маркер» отечественной культуры, символизирующий стойкость, искренность и талант.

Первая треть XX века характеризуется огромными изменениями, происходящими в русском литературном языке, что привело к появлению «экспрессивного синтаксиса, характеризующегося расчлененностью, сегментированностью текста» [Акимова 1976: 238]. Поэтический и прозаический язык писательницы вбирает в себя художественные приемы различных школ, сохраняя авторскую индивидуальность. Ее речь – это «взволнованный и потому несколько сбивчивый спор или «разговор про себя», когда человеку не до оглядки на строгие правила школьной грамматики» [Орлов 1982: 17].

Находясь в эмигрантской среде периода 1922-1939 годов, Марина Ивановна Цветаева пишет прозу, которая получила широкое признание у читающей аудитории. «Эмиграция делает меня прозаиком...» – указывала сама писательница. Прозу Цветаевой часто относят к феномену «прозы поэта» – явления, характерного фактически для всех поэтов от А.С. Пушкина и до И.А. Бродского. О.А. Казнина, один из современных исследователей творческого наследия Марины Ивановны, указывает на то, что Цветаева

«всегда ощущала себя не писателем, а поэтом, пишущим прозу» [Казнина 2016: 154].

«Повесть о Сонечке» – одно из центральных прозаических произведений М.И. Цветаевой, над которым она трудилась с 1937 по 1938 года. А.А. Саакянц отмечает, что это «самая большая и самая романтическая проза Марины Цветаевой» [Саакянц 1999: 285]. Многие исследователи, в свою очередь, причисляют произведение к жанру романа. «Повесть о Сонечке» – это тот мир, где Цветаева прячется от одиночества, своего ужасающего положения. Она спасает себя воспоминаниями о счастливом прошлом 1918-1920 годов, наполненном романтикой приятных встреч и разговоров.

Мы не можем исключать, что М.И. Цветаева, переносясь при написании автобиографического произведения чуть ли не на двадцать лет назад, не использовала в прозаической речи лексику ограниченного употребления, характерную для современного ей языка, в состав которой входит не только пассивный пласт (архаизмы, историзмы), но и лексика, не относящаяся к литературной (диалектизмы, жаргонизмы, профессионализмы, разговорная речь). Такие слова играют огромную роль как в современной поэзии, так и в произведениях русских классиков.

Словарный состав прозаического произведения «Повесть о Сонечке» поражает своей уникальностью. Цветаева, оказавшись в русле одной из характерных стилистических тенденций XX века, стремилась ввести в художественное произведение принципы автобиографического изложения. А.А. Пелихова отмечает: «...жанр автобиографической прозы характеризуется стремлением автора самоидентифицироваться, найти и определить себя как личность, т. е. осуществить свое самотождество» [Пелихова 2009: 93].

Для М.И. Цветаевой важно передать легкость и непринужденность бесед с близкими людьми, рядом с которыми она чувствовала себя поистине счастливой. Для этого в художественном тексте используется лексика разговорного, сниженного стиля: *бабища, кошелка, поганый, чуточка, зараз, авось, обедня* и др. «*Раз иду в своем платочке и из-под платочка – вижу: громадная женщина, даже баба, бабища...*».

События 1918-1920 года, описываемые в «Повести о Сонечке», отразились в истории России как время перелома и перемен, боли и страха. Напрямую затрагивающие писателя, они находят свое отражение и в художественном тексте. М.И. Цветаева активно использует слова военной тематики, что мы также относим к лексике ограниченного употребления: *авантаж, гарнизон, гвардеец, горнист, пикет, юнкер* и др. «*И я каждый день к ним приходила, приносила им обед в корзиночке, потому что ведь есть – надо? И сквозь всех гвардейцев проходила*».

Прозаический текст насыщен историзмами. На страницах повести мы встречаем ряд слов, вышедших из активного употребления приблизительно в

конце XVIII – начале XIX веков: *барин, барышня, дворянин, дилижанс, княжество, почтмейстер*.

Послереволуционные годы также вносят определенные новшества в лексический состав языка М. Цветаевой. Появляются слова, возникновение которых было вызвано историческими событиями, которые мы также вправе причислять к историзмам: *большевики, буржуазия, бюро, знамя, капиталист, максималисты, пайки, революция* и др. «...**Революция** – не революция, **пайки** – не пайки, **большевики** – не большевики – все равно умирает от любви, потому что это ее призвание – и назначение».

Архаические элементы, выпадающие из современной языковой системы, но стилистически маркированные как книжные, выполняют в художественной литературе стилистическую функцию. Как отмечает Л.В. Зубова, «с их помощью передается колорит эпохи, создается торжественно-патетическая интонация, они служат средством иронии, комизма» [Зубова 1982: 45].

Встречаем в прозаическом произведении следующие архаизмы: *личины, польмя, пясть, согбенный, харчевня* и др. Обратимся к «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля, чтобы доказать архаичность перечисленных слов.

Слово *польмя* дается в словаре Даля с пометкой «устар. и обл.» и определяется как ‘пóломя, плáмя’. Слово *согбенный* – ‘устар. и высок. Сгорбленный, согнутый’. *Харчевня* – ‘устар. Трактир низшего разряда, закусовая с простыми и дешевыми кушаньями; съестной припас, пища, еда, продовольствие’. «Разве это бывает? Такие **харчевни**... метели... любви... Такие Господины в плаще, которые нарочно приезжают, чтобы уехать навсегда?»

Таким образом, каждое из перечисленных слов дается в словаре В.И. Даля с пометкой «устар.», что подтверждает их принадлежность к пассивному пласту языка. Архаичная маркированность рассмотренных слов в произведении М. Цветаевой обусловлена их древностью, отсутствием употребления в современном русском языке и, соответственно, стилистической окрашенностью. Однако не только архаичные формы, но и лексика ограниченного употребления в целом в «Повести о Сонечке» создает особые черты идиостиля художника.

Гибкое богатство прозаической речи Цветаевой ценится потому, что писатель стремится навсегда запечатлеть на бумаге процесс рождения мысли. Стилль ее прозы обусловлен желанием ухватить и воплотить процесс постижения жизни. В свою очередь, лексика ограниченного употребления позволяет М.И. Цветаевой ярко передать динамику революционного времени, колорита советской эпохи, во время которой жили, творили и любили «действующие лица» ее повести.

Литература и источники

1. Акимова, Г.Н. Наблюдения над сегментированными конструкциями в современном русском языке / Г.Н. Акимова // Синтаксис и стилистика. М.: Наука, 1976. – С. 237-247.

2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В.И. Даль; совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М.: Олма-Пресс: Крас. пролетарий, 2004. – 700 с.
3. Зубова Л.В. О семантической функции грамматических архаизмов в поэзии М. Цветаевой / Л.В. Зубова. – Вопросы стилистики. Функциональные стили русского языка и методы их изучения. – Саратов: 1982. – 232 с.
4. Казнина, О. А. Проза Марины Цветаевой. Русская литература 1920-1930-х годов. Портреты прозаиков: В 3 т. / О.А. Казнина – М., 2016. – Т. 1, кн. 2. – 831 с.
5. Орлов, В.Н. Марина Цветаева. Судьба, характер, поэзия // В.Н. Орлов. Избранные работы. В 2-х т. Л.: Худож. лит., 1982. – Т. 1. – 663 с.
6. Пелихова А. А. Личностная самоидентификация в автобиографической прозе О. Мандельштама и Б. Пастернака / А.А. Пелихова // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2009. – № 10. – С. 200.
7. Саакянц, А. А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество / А.А. Саакянц – М.: Эллис Лак, 1999. – 816 с.
8. Саакянц, А.А. Жизнь Цветаевой: бессмертная птица-феникс / А.А. Саакянц – М.: Центрполиграф, 2000. – 825 с.
9. Цветаева, М.И. Повесть о Сонечке. Автобиографическая проза / М.И. Цветаева – Санкт-Петербург: Азбука, 2020. – 507 с.
10. Цветаева, М.И. Собрание сочинений: В 7 т. / М.И. Цветаева – М.: Эллис Лак, 1994. – Т.5. – 716 с.

*Кириенко О.В.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород
Науч. рук. – Чумак-Жунь И.И.,
д. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СЛОВ ОГРАНИЧЕННОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ В ПОЭЗИИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Аннотация. Статья посвящена изучению лексики ограниченного употребления в поэтическом творчестве М.И. Цветаевой. Доказано, что использование в произведениях устаревших слов, историзмов, слов разговорного стиля, профессионализмов придают произведениям определённый индивидуальный стиль и слог.

Ключевые слова: М.И. Цветаева, состав лексики, лексико-семантические группы, лексика ограниченного употребления, творчество, поэтические произведения

Abstract. The article is devoted to the study of the vocabulary of limited use in the poetic work of M.I. Tsvetaeva. It is proved that the use of obsolete words, historicisms, colloquial style words, and professionalism in the works give the works a certain individual style and syllable.

Key words: M.I. Tsvetaeva, vocabulary composition, lexico-semantic groups, vocabulary of limited use, creativity, poetic works

Блистательная личность Серебряного века, поэт и писатель, М.И. Цветаева является автором большого количества классических произведений русской литературы.

По сей день её поэтические тексты изучаются отечественными и зарубежными филологами. Особое внимание критиков привлекает самобытность её языка произведений – сложного и поистине индивидуального.

Красоту, величие и яркость цветаевского поэтического слога отмечает Мариэтта Шагинян: «...Всё, что она пишет, ценно, по-настоящему, это самая настоящая поэзия» [Шагинян 1911: 2]. И действительно, поэтическое творчество Цветаевой – это поиск новых форм и методов, создание особой стилистики художественного текста, передающих динамику революционного времени. При этом поэтесса сохраняет свою индивидуальность.

Современный читатель, изучая произведения М.И. Цветаевой, откроет для себя много неизвестных слов, которые принято относить к лексике ограниченного употребления. К ней относятся пассивный пласт (историзмы и архаизмы) и внелитературная лексика (профессионализмы, разговорная речь, диалектизмы, жаргонизмы).

Цель исследовательской работы предполагает изучение слов ограниченного употребления в поэзии М.И. Цветаевой и разработку классификации лексико-семантических групп данной лексики.

В качестве материала исследования взяты труды позднего творческого периода, условное название которого «Цветаева в эмиграции», приходящегося на 1922-1939 года, а именно – **Цикл «Стихи к Чехии. Сентябрь»:** «Полон и просторен...», «Горы – турам поприще!..», «Есть на карте – место...», «Один офицер», «Родина Радия» и **Цикл «Стихи к Чехии. Март»:** «Колыбельная», «Пепелище», «Барабан», «Германии», «Март», «Взяли...», «Лес», «О слёзы на глазах!..», «Не бесы – за иноком...», «Народ», «Не умрёшь, народ!..», «Молчи, богемец! Всеми коней!..», «Но больнее всего, о, памятей...». Этот период является самым горьким и трагичным в судьбе Марины Ивановны, но и одновременно одним из самых плодотворных. Из-за сложных жизненных обстоятельств Цветаева вынуждена эмигрировать, вследствие этого она тоскует по Родине и всю боль выражает в своих произведениях.

Анализируя произведения данного периода, можем выделить несколько лексико-семантических групп слов ограниченного употребления в поэзии М.И. Цветаевой:

1. Названия птиц, животных, деревьев:

- **«Вран! Вран! Вран**

Завелся в Градчанском замке» – (Ворон);

- **«Не ветлы – под бурю»** (Дерево семейства ивовых);

2. Термины военной и исторической тематики:

- **«Вот они, тесной стальной когортой»** (тактическая единица древнеримского войска),

- **«...Ох, речи мои морóчные, Обрónные жемчуга!»** (обронный – выполненный чеканкой),

- **«С долами и взгорьями»** (продольный желобок на клинке, служащий для его облегчения),

- **«Поделил – секирой пограничный шест»** (Старинное холодное оружие в виде топора с длинной рукоятью),

- **«Сти, германец! Не то гунну Кривоногому отдам!»** (в средневековых источниках «гуннами» именовался ряд кочевых объединений в других частях Евразии, в частности ираноязычныеэфталиты),

- **«Тяжеск мартовский оброк»** (принудительный натуральный или денежный сбор с крепостных крестьян, взимаемый помещиком или государством);

3. Качества человека:

- «*Велико твоё дородство*» (мужество, доблесть);

4. Цифровые обозначения:

- «*Как в осьмнадцатом-то*» (восемнадцатом);

5. Названия различных строений и быта:

- «*Эти хаты родина сына моего*» (крестьянский дом в украинской, белорусской, южнорусской деревне),

- «*Так метель замечает вехи*» (Шест, служащий для указания пути, границ земельных участков, планировки чего-либо на местности),

- «*Твердый, как скрижаль*» (Доска, плита с письменами);

6. Глагольные формы:

- «*Хата крышей застится*» (Заслонять, загораживать свет),

- «*В оны дни певала дрема*» (пела),

- «*Смотрит, как в прахе елозя*» (сидя или лёжа беспокойно двигаться, вертеться),

- «*Пусть ропщут умы*» (высказывать недовольство кем-либо, чем-либо, обиду на кого-либо, что-либо),

- «*Не спокоюсь*» (устаревшая форма современного слова не успокоюсь);

7. Меры длины:

- «*В тысячи квадратных невозвратных вёрст*» (русская мера длины, равная 1,06 км, применявшаяся до введения метрической системы),

- «*Пяди не сдам*» (старорусская единица измерения длины, соответствующая расстоянию между расставленными концами большого и указательного пальцев руки, чуть меньше 18 см);

8. Имена прилагательные:

- «*Всю тебя с твоей треклятой страстью – видит Бог*» (проклятой);

9. Части тела:

- «*Пяди не сдам*» (кисть руки; подошва ноги, нога);

Также выделяем следующие устаревшие слова:

- «*Пуще чем женичина*» – в настоящее время редко используемое слово, имеющее значение 'больше, сильнее', является сравнительной степенью общеславянского прилагательного пусть – 'пустой';

- «*А рядочком-то*» – рядом;

- «*Яств иных не видела*» – еда;

- «*Их нету боле*» – нет больше;

- «*Бьётся в мўке крестной Каждое сельцо*» – небольшое село;

- «*Край мой, виват!*» – «да здравствует, ура»;

- «*Бичслепоок*» – кнут как орудие наказания, угнетения;

- «*В оны дни певала дрема*» – в те дни пела дремота;

- «*Что осталось?*» – осталось;

- «*Встарь – сказками туманила, Днесь – танками пошла*» – в старое время и теперь;

- «*Сей маленькой страны*» – этой;
- «*Взяли близи и взяли дали*» – ближе и дальше;
- «*Народ – такой, что и поэт – Глашатай всех широт*» – лицо, всенародно объявлявшее что-либо;
- «*Перлы рассыпались, – слёзы!*» – жемчужина, лучший образец, наиболее яркое выражение, проявление чего-либо;
- «*Измором взять такой народ?*» – истощение всех сил и средств, голод;
- «*Не бесы – за иноком*» – православный монах.

Употребление исторической и военной тематики напрямую связано с историческими событиями, происходившими в данный период творчества писательницы; сниженная лексика придаёт тексту простой стихотворный слог.

Лексика ограниченного употребления является важной частью национального русского языка, её главные функции – это речевая характеристика героя и описание домашнего быта в произведении. Также можно выделить и другие функции:

1. Создание идиолекта (это такой тип языка, который используется только одним человеком)
2. Создание трагического или комического эффекта
3. Подражательность разговорной речи
4. Создание определённого стиля и слога в произведении

Язык поэзии М.И. Цветаевой очень щедр на употребление слов ограниченного употребления, практически в каждом из проанализированных произведений встречается данная лексика. Такое словоупотребление для Цветаевой было нормой, ведь в период её творчества слова, которые мы сейчас считаем ограниченными в употреблении, использовались широко и свободно.

В стихах поэтесса старалась передать чувства во всей их красе, к чему-то побудить, тем самым прибегая к различным лексическим средствам, в том числе к лексике ограниченного употребления.

Поэтическое творчество М.И. Цветаевой будет актуально всегда как для исследователей, так и для широкого круга читателей. Проблемы, поднимаемые поэтессой, будут всегда волновать людей, заставляя задумываться.

Литература и источники

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В.И. Даль; совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М.: Олма-Пресс: Крас. пролетарий, 2004. – 532 с.
2. Зубова Л.В. О семантической функции грамматических архаизмов в поэзии М. Цветаевой / Л.В. Зубова. – Вопросы стилистики. Функциональные стили русского языка и методы их изучения. – Саратов: 1982. – 189 с.
3. Павловский, А.И. Куст рябины: о поэзии М.И. Цветаевой / А.И. Павловский – Ленинград: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1989. – 120 с.
4. Саакянц, А.А. Марина Цветаева: Жизнь и творчество / А.А. Саакянц – М.: Эллис Лак, 1997. – 74 с.
5. Цветаева, М.И. Собрание сочинений: В 7 т. / М.И. Цветаева – М.: Эллис Лак, 1994. – Т.5. – 616 с.
6. Шагинян, М.С. Марина Цветаева / М.С. Шагинян – М.: Литературный дневник №259, 1911. – 2 с.

Кутраева А. Э.,
бакалавр, ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского», г. Симферополь
Науч. рук. – Петров А. В.,
д. фил. н., ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского», г. Симферополь

ОБЫЧАИ И ТРАДИЦИИ КАЗАКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ УРАЛЬСКОГО ПРЕДАНИЯ «ПОЛУНОЩНИК»)

Аннотация. Тема казачества в творчестве писателя играет важную роль в диалоге культур. В период оренбургской службы В.И. Даль написал ряд произведений, посвященных казакам, их быту, разговорной лексике, традициям и обычаям. Собранные сведения в художественной интерпретации приобретают культурологическую ценность.

Ключевые слова: культура, культурология, казаки, обычаи, традиции, внешний вид, военные походы, сватовство, брак.

Summary. The theme of the Cossacks in the writer's work plays an important role in the dialogue of cultures. During the period of the Orenburg service, V.I. Dal wrote a number of works dedicated to the Cossacks, their way of life, colloquial vocabulary, traditions and customs. The collected information in artistic interpretation acquire cultural value.

Key words: culture, cultural studies, Cossacks, customs, traditions, appearance, military campaigns, matchmaking, marriage.

Тема казачества и образ казака привлекали автора с самого начала его литературного творчества. В свой псевдоним (Казак Владимир Луганский) писатель вкладывал следующий смысл: «казак – вольный житель земли русской, Луганский – уроженец города Лугани» [Бессараб 1968].

В период службы в Оренбурге (1833–1841 гг.) Даль занимался казачьими делами и собирал подробные сведения об их жизни. Командировки в Уральск были частыми и самыми запоминающимися. Впечатления от этой поездки переданы в письме из Уральска от 25 сентября 1833 г. Н.И. Гречу: «Если вообще край здешний представляет смесь необыкновенного, странного, многообразного, хотя еще дикого, то Уральское войско и заповедный быт его, столь мало известный, заслуживает внимание и удивление...» [Казак Луганский 1833: 920]. Именно это подтолкнуло автора к написанию произведений об уральских казаках.

Произведение Даля «Полунощник» является уральским преданием. Его суть заключается в том, что главный герой – казак Кизылбашев, выходец из Хивы персидского происхождения, – будучи зол на своих сослуживцев из-за своего неудачного сватовства, решил бежать из своего отряда и навести на него неприятеля. За свое предательство он поплатился жизнью и после смерти не смог обрести покой. Неупокоенный дух часто являлся казакам в полночь, за что его прозвали «полунощником».

В.И. Даль стремился передать казачий быт. Так, например, писатель повествует о походной жизни казаков: «В то время вообще не было строгой формы для казаков, а *штаты*, как называлась форменная перевязь с подсумком, надевались только во время внешних командировок. В то время уральцы ходили, по обыку, в алых и малиновых кафтанах, с откидными рукавами по синему поддевку, и в высокой малиновой шапке с перехватом; сабля была принадлежностью войсковых чиновников, а рядовичи

довольствовались копьем, винтовкой с рѣжками и пистолями. В степных же походах, которые нередко делались, как в настоящем случае, спешно и по домашнему распоряжению, по поводу набега – каждый садился на коня в домашней одежде своей: в простом синем кафтане, в хивинском полосатом халате, в чапане, в стеганке, поддевке или куртке, но всегда с добрым оружием и в черной высокой смушчатой шапке».

В ходе анализа данного фрагмента была отмечена следующая культурологическая информация:

1. Казаки надевали штаты только во время внешних командировок; уральцы ходили в алых и малиновых кафтанах, с откидными рукавами по синему поддевку ('поддевка, или поддевок, полукафтанье или безрукавый кафтанчик, поддеваемый под верхний кафтан'), и в высокой малиновой шапке с перехватом.

2. Наблюдается авторская семантизация: «а *штаты*, как называлась форменная перевязь с подсумком...». Поясняемое слово выделено курсивом. Вставная конструкция содержит в себе пояснение.

3. Вооружение указывало на воинское звание: военные чиновники носили сабли, а рядовые – копья, винтовки с рѣжками ('мн. подружейная сошка, присошка') и пистолы.

4. Степные походы случались внезапно, поэтому казакам приходилось отправляться в бой в домашней одежде. Домашняя одежда символизирует комфорт, мир и тепло семейного очага; в ней ходят в мирное время. Однако, несмотря на безобидный внешний вид, уральцы имели при себе доброе оружие, то есть 'добротное, доброкачественное', и были «в черной высокой смушчатой шапке» (ср. *смушка* 'дон., оренб., курск., пск., шкурка ягненка; иногда зовут так и заячьи').

5. Разнообразие казачьей домашней одежды: простой синий кафтан, хивинский полосатый халат, чапан (урал.-казач. род поддевки'), стеганка, поддевка или куртка.

6. Сочетание домашней одежды с военными атрибутами говорит о готовности казаков к бою в любое время.

В. И. Даль дает информацию о казачьих обычаях, принятых при сватовстве и после женитьбы: «...в эти годы только сделался он владельцем отцовского хозяйства и приобрел столько своего, что мог купить невесте *сороку*, род богатой кички, что в то время считалось совершенною необходимостью и без чего ни один казак не мог подумать о сватовстве. О приданом же и тогда, как теперь, у уральских казаков никогда не бывало речи: тесть наделял дочь свою или зятя по своему усмотрению, и то несколько лет спустя после женитьбы, когда убеждался, что молодые хорошо и согласно живут».

Анализ фрагмента позволяет узнать следующие шаги для создания счастливой семейной жизни влюбленных пар:

1) Мысли о сватовстве могут посетить казака только тогда, когда он будет иметь хороший доход и сможет купить невесте *сороку*. В тексте наблюдается авторская семантизация: «приобрел столько своего, что мог купить невесте *сороку*, род богатой кички...». Слово, которое требует пояснения, выделено писателем курсивом. Вставная конструкция содержит в себе пояснение. В «Словаре» Даля расширенное толкование подается как одно из значений лексемы *сорока*: ‘род кички, на челе пониже, а с боков повыше’, ‘это некрасивый, но самый богатый убор, уже выходящий из обычая’. В словарной статье описывается также внешний вид, цена и правила ношения головного убора.

2) Тесть наделял свою дочь или зятя богатством только спустя несколько лет после женитьбы, когда убеждался, что молодые хорошо и согласно живут.

Таким образом, рассказ «Полунощник» является пособием для вхождения в казачью культуру. В.И. Даль в произведении дает ценную информацию о культуре уральских казаков: повествует об их обычаях, походной жизни и разговорной лексике.

Литература и источники

1. Бессараб М.Я. Владимир Даль. – М.: Московский рабочий, 1968. – 261 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2005. – 736 с.
3. Даль В.И. Полунощник. (Уральское предание) // Полное собрание сочинений Владимира Даля (Казака Луганского). – Том 7. – СПб., М., 1898. – 413 с.
4. Луганский В. Письмо к Гречу из Уральска // Северная пчела. – 1833, 25 сентября. – № 230. – С. 920.

*Ламанова А.Ю., Рудакова А.В.,
студенты, НИУ «БелГУ», г. Белгород
Науч. рук. – Черемохина Д.А.,
к. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород*

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ (РАЗРАБОТКА ИНТЕРАКТИВНОЙ ВИКТОРИНЫ)

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования и развития навыков правильной речи учащихся на основе словарной работы. Цель статьи – показать, что интерактивная викторина, созданная на широкой лексикографической базе, поможет сформировать у школьников умение пользоваться толковыми словарями. Основное внимание в статье уделяется подробному описанию интерактивной разработки. Статья будет полезна учителям-словесникам, а также студентам педагогических направлений подготовки.

Ключевые слова: лексикографическая работа, словарная работа, интерактивная викторина, словари, лексика

Summary. The article is devoted to the problem of formation and development of students' correct speech skills based on vocabulary work. The purpose of the article is to show that the interactive quiz, created on a wide lexicographic basis, will help to form the ability of schoolchildren to use intelligent dictionaries. The article focuses on a detailed description of interactive development. The article will be useful for teachers of literature, as well as students of pedagogical areas of training.

Key words: lexicographic work, vocabulary work, interactive quiz, dictionaries, vocabulary

Среди актуальных проблем современной методики преподавания русского языка остается речевое развитие школьников, поскольку формирование и развитие навыков правильной, выразительной, чистой речи учащихся является одной из главных задач изучения русского языка. Важным звеном в системе работы над развитием речи учащихся выступает словарная работа.

Актуальность словарной работы подтверждается «Методическими рекомендациями по формированию культуры работы со словарями школьников и педагогов общеобразовательных учреждений в целях реализации ФГОС», подготовленными Институтом русского языка им. В.В. Виноградова и направленными Министерством образования и науки РФ в образовательные организации субъектов Федерации (Письмо от 06.05.13 за № 08-535). В них подчеркивается, что «формирование у школьников потребности в обращении к словарям и навыков работы с ними, способности извлекать из словарей информацию, необходимую для решения учебных задач по разным дисциплинам, в рамках проектной деятельности и во внеаудиторной работе должно стать одной из норм образования» [Письмо Минобрнауки РФ 2013: 2].

В связи с введением ФГОС нового поколения методические науки осуществляют поиск таких форм, методов, методик преподавания школьных предметов, которые позволили бы в полной мере реализовать весь комплекс задач, сформулированных в образовательных стандартах. Вопросы использования различных методов и приемов обогащения словарного запаса учащихся исследовали такие ученые, как Р. Агаева, М. Баранов, Т. Казаева, В. Сидоренков, О. Тимченко и др.

М.Т. Баранов отмечает, что «толковый словарь – это не только справочное пособие, из которого черпаются сведения о значении и употреблении слов в разных сферах общения, но и источник обогащения словарного запаса учащихся» [Баранов 1969: 38]. Методист считает, что уроки лексики, которые формируют умение пользоваться толковым словарем, в конечном итоге должны:

- 1) воспитать у учащихся потребность в пользовании толковым словарем;
- 2) показать, что можно узнать в нем нового о слове;
- 3) научить детей пользоваться толковым словарем [Баранов 1969: 39].

Стоит также отметить, что изучение русского языка в школе направлено на воспитание сознательного отношения к языку как духовной ценности. Это предполагает вовлечение учащихся в деятельность, целью которой является формирование коммуникативной, языковой и лингвистической компетенций. Для решения данных задач методической значимостью обладают интегрированные уроки русского языка и литературы, поскольку оба учебных модуля направлены на формирование разносторонней языковой личности. В результате создаются курсы

словесности, предполагающие формирование у школьников потребности совершенствовать собственную речь.

Целью нашей работы стало создание интерактивной викторины, которую можно использовать на уроках словесности, на предметных неделях русского языка в средней и старшей школе для обобщения знаний по разделу «Лексика». Материалом исследования стали основные школьные словари: «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля; «Словарь русского языка» под ред. С.И. Ожегова; «Школьный этимологический словарь русского языка» под ред. Н.М. Шанского; «Большой толковый словарь современного русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова; «Современный фразеологический словарь русского языка» под ред. А.В. Жукова, а также издание «Лингвистические детективы» Н.М. Шанского [Шанский 2007].

На основе анализа данных словарей нами была составлена интерактивная разработка в виде викторины для учащихся средней и старшей школы «В мире Лексикологии» (по мотивам телевизионной передачи «Своя игра»).

Для того чтобы составить каждый раунд викторины, мы использовали разные виды словарей. Например, при составлении раунда «Имена» мы применяли «Школьный этимологический словарь русского языка» под ред. Н.М. Шанского [Шанский 2004]: этот источник помог нам изучить происхождение имен и их значение. При разработке заданий раунда «Еда» нами был задействован «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля [Даль 2009] и «Толковый словарь русского языка» под ред. С.И. Ожегова [Ожегов 2009], так как в заданиях данного раунда необходимы знания лексического значения историзмов и архаизмов. Стоит также отметить, что интегративный компонент не только реализован в заданиях викторины через обращение к словарным статьям, но и обусловлен закреплением материала на примере текстов литературных произведений. Так, в некоторых вопросах раунда «А.С. Пушкин» мы используем примеры из программных текстов (например, тексты А.С. Пушкина «Пророк», «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Пиковая дама»).

Разберем одно из заданий викторины. При ответе на вопрос «Справедливо ли выражение *птица сидит на ветке*, если на самом деле она на ней стоит?» учащимся необходимо обратиться к толковым словарям и узнать значение глагола *сидеть*. В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова находим словарную статью:

СИДЕТЬ, *сизу*, *сидишь*; *сидя*; *несов.*

1. *Находиться, не передвигаясь, в таком положении, при котором туловище опирается на что-нибудь нижней своей частью, а ноги согнуты или вытянуты. Сидеть на стуле.*

2. *О птицах, насекомых: находиться неподвижно на одном месте. Пчела сидит на цветке [Ожегов 2009: 1079].*

Исходя из этого, обучающиеся должны сделать вывод, что глагол *сидеть* имеет несколько значений. Ответ на вопрос викторины может быть сформулирован следующим образом: основное и самое частое значение слова – *занимать такое положение, при котором туловище располагается вертикально, опираясь на что-либо ягодицами*. Но у этого глагола есть и другие значения. Здесь глагол *сидеть* значит *находиться*, то есть птица находится на ветке. Значит, выражение *птица сидит на ветке* верно.

Аналогичную работу можно провести с другими вопросами из викторины. Например, в блоке заданий «Должности» учащимся необходимо не только обратиться к толковым словарям, но и подумать логически. Отвечая на вопрос, почему *первый заместитель* называется *первым*, школьникам стоит обратить внимание на лексическое значение слова *первый*. В толковом словаре В.И. Даля находим словарную статью:

ПЕРВЫЙ, или южн. зап. *перший*, *счетом, по порядку счета начальный; один, раз, с которого идет счет. Первый, другой, третий – и обчелся! не много, мало. Первый, начальный, исконный, бывший наперед других по времени. Адам первый человек. В первый раз слышу! Главный, существенный, важнейший. Не первое дело. Первая честь* [Даль 2009: 463].

Сопоставив лексическое значение слова со словосочетанием в задании, учащиеся должны сделать следующий вывод: у слова *первый* в русском языке несколько значений. В сочетании *первый заместитель* оно является прилагательным со значением *главный, наделенный особыми полномочиями*.

В финальном блоке «Русская литература» школьникам предлагается следующий вопрос: Один из самых известных романов Ф.М. Достоевского называется «Идиот». Но его герой, князь Мышкин, вовсе не идиот (хотя и лечился за границей от нервного заболевания), это образованный, интеллигентный человек. Почему же роман назван именно так? Выполняя данное задание учащимся необходимо обратиться к этимологическому словарю Н.М. Шанского. В нем мы находим словарную статью:

Идиот. *Заимств. в XVIII в. из нем. яз., где Idiot <лат. idiota «неуч, простолюдин» восходит к греч. Idiōtēs «профан, несведущий человек», производному от idios – «своеобразный, иной, странный, необычный». В значении «сумасшедший» – от Парацельса (1526 г.)* [Шанский 2004: 224].

На основе данной информации учащиеся должны прийти к следующему логическому умозаключению: во времена Ф.М. Достоевского у слова *идиот* больше ощущался «этимологический» оттенок значения. Это слово восходит к греческому *idiotēs*, что значит *человек, не похожий на других*. Именно это имел в виду писатель.

Таким образом, данная интерактивная викторина, созданная на широкой лексикографической базе, развивает языковые, речевые, коммуникативные, лингвокультурологические компетенции учащихся, так как дает возможность обобщить знания по языку и литературе сквозь призму словарной статьи толкового словаря. Следовательно, формирование

разносторонней языковой личности школьника должно проходить в неразрывной связи с комплексом методов и приемов обучения, среди которых особое место занимает словарная работа.

Литература и источники

1. Баранов М.Т. О работе с толковыми словарями на уроках русского языка в IV-VIII классах // РЯШ. – 1969. – № 6. – С. 38-42.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В. И. Даль; совмещ. ред. изд. В. И. Даля и И. А. Бодуэна де Куртенэ; [науч. ред. Л. В. Беловинский]. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 573 с.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов ; под ред. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М. : Оникс [и др.], 2009. – 1359 с.
4. Письмо Минобрнауки РФ от 06 мая 2013 года № 08-535 «О формировании культуры работы со словарями в системе общего образования Российской Федерации». – 7 с.
5. Шанский Н.М. Лингвистические детективы / Н. М. Шанский. – 4-е изд., стер. – М.: Дрофа, 2007. – 524 с.
6. Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Дрофа, 2004. – 398 с.

*Марченко Э. С.,
студент, ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского», г. Симферополь
Науч. рук. – Петров А. В.,
д. фил. н., ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского», г. Симферополь*

ОТРАЖЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ИДИОМАТИЧНОЙ СЕМАНТИКОЙ В СЛОВАРЕ В. ДАЛЯ

Аннотация. Исследование посвящено изучению производных слов русского языка с идиоматичной семантикой. Цель исследования заключается в изучении особенностей подачи производных слов с фразеологической семантикой, зафиксированных в Словаре В.И. Даля. Прокомментированы разновидности смешанного и синонимического типов толкований лексических единиц. Качественно-количественный состав словарной дефиниции отличается объемом, наличием фразеологического оборота, отфразеологических дериватов или производных слов с фразеологической семантикой.

Ключевые слова: отфразеологический дериват, тип толкования лексического значения слова, синонимический ряд, слово с идиоматичной семантикой

Summary. The study is devoted to the study of derivative words of the Russian language with idiomatic semantics. The purpose of the study is to study the features of motivation of derivative words with phraseological semantics, recorded in the Dictionary of V.I. Dahl. Varieties of mixed and synonymous types of interpretation of lexical units are commented. The qualitative and quantitative composition of the dictionary definition differs in volume, the presence of phraseological turnover, phraseological derivatives or derivative words with phraseological semantics.

Key words: phraseological derivative, type of interpretation of the lexical meaning of the word, synonymic series, word with idiomatic semantics

М.В. Панов одним из первых обратил внимание на идиоматичность (или фразеологичность) как одно из важнейших качеств производных лексем. Идиоматичность – это невыводимость целого лексического значения производного слова из суммы семантического содержания каждого из его структурных элементов.

О.П. Ермакова разделяет производные слова на два типа: нефразеологичные и фразеологичные [Ермакова 1972]. Изучая семантику дериватов, ученые выявляют дополнительные приращения смысловых

компонентов – «смысловые приращения». Такие дополнительные смысловые компоненты зачастую не получают в лексемах структурного выражения. Фразеологичность слова предполагает устойчивость и метафоричность его значения, а также воспроизводимость.

Цель исследования – проследить, как в «Толковом словаре живого великорусского языка» подаются производные слова с идиоматичной семантикой.

В.И. Даль для толкования лексического значения производных с идиоматической семантикой использует в «Словаре» такие типы толкования: синонимический, описательный, смешанный, мотивирующий и отсылочный.

Синонимические ряды, выстраиваемые В.И. Далем в словарной статье, обладают определенными количественными и качественными особенностями. Количество компонентов синонимического ряда может достигать девяти единиц. Большинство компонентов словарных толкований выражены существительными или прилагательными, однако встречаются глаголы и наречия.

В словарной дефиниции синонимический ряд может иметь отфразеологические дериваты и слова, не связанные с фразеологизмами словообразовательными отношениями. Так, слово с фразеологическим значением «губошлеп» трактуется с помощью трёх синонимов: *‘разиня, ротозей, зевака’*. Композит «ротозей» является отфразеологическим дериватом, образованным от фразеологизма «зевать ртом» в значении ‘скучать, ничего не делая’.

Значение лексем «шалберничать», «шалберить», «шалобродить», входящих в словообразовательное гнездо с вершиной «шаль», передано через синонимический ряд, состоящий из четырех компонентов, выраженных глаголами: ‘баклушничать, повесничать, шляться, дурить’. Предикат *баклушничать* восходит к фразеологическому обороту *бить баклуши*.

Синонимический ряд может быть представлен сочетанием определенных лексем с лексемами, обладающими фразеологической семантикой (словами, у которых нет связи по структуре или смыслу с фразеологической основой, но актуализируется фразеологическое значение).

Например, лексемы «перенощик», «перенощица» толкуются через синонимический ряд, состоящий из восьми компонентов – имён существительных: ‘наушник, наушница; лазутчик, сплетник, пересказчик, наговорщик, смутник, клеветник’. Компоненты словарной дефиниции «наушник» и «наушница» являются производными с фразеологическим значением.

Синонимический ряд может отличать сочетание фразеологической единицы (не являющейся мотивирующей по отношению к производному слову) и слов с фразеологической семантикой.

В «Словаре» В.И. Даля встречается большой синонимический ряд, отличающийся сочетанием глаголов и фразеологической единицы «точить балы», позволяющий раскрыть семантику слова «балентрясить» – ‘белендрясить, лясничать, балясничать, говорить забавные пустячки, точить балы, рассказывать, занимать беседу’. Компоненты словарной дефиниции «белендряситить», «лясничать», «балясничать» являются производными со сходным лексическим значением, восходящими к фраземе *точить лясы (балясы)*.

Компоненты в толковании лексического значения могут быть выражены однокоренными словами или иметь разные корни. Возможно сочетание в одном толковании как однокоренных лексем, так и композитов с разными корнями. Например, по отношению к лексеме «ласа» встречается ряд однородных компонентов, включающий слова разных частей речи с фразеологической семантикой: «ласкобоить», «ласкобойничать», «ласкомойть», «ласкомойничать», «ласкомоя». Производные слова обладают лексическим значением ‘льстить, подлещаться’.

В словообразовательном гнезде с вершиной «млеко» находится отфразеологический дериват «молокосос», семантика которого трактуется с помощью описательного способа толкования ‘незрелый, по летам и суждениям, но самоуверенный человек’. Производное слово образовано на основе фразеологизма «молоко на губах не обсохло» ‘кто-либо совсем еще молод и неопытен для дела’.

Через отсылочный тип толкования передана семантика производного «хвостничать» в словарной статье «хвост» (то же действ. по глаг. «хвостить» – ‘лгать’).

В «Словаре» В.И. Даля отдельно отсылочный тип толкования практически не встречается. Он применяется в сочетании с описательным или мотивирующим, а также синонимическим способом.

Например, слово с фразеологической семантикой «шалаболь» описывается с помощью сочетания производящего «шаль» ‘взбалмошное состояние, дурь, безрассудство’ и глаголов «шататься» и «повесничать». Такое сочетание нескольких типов подачи лексического значения слов исследователи выделяют в смешанный тип толкования.

Смешанный способ толкования в статьях «Словаря» В.И. Даля может сочетать в себе специфику синонимического и мотивирующего типов подачи лексического значения слов. Кроме того, одна из особенностей способов толкования производных слов в «Словаре» В.И. Даля заключается в сочетании в одной словарной статье производных слов (отфраземных дериватов или слов с фразеологической семантикой) и их мотиваторов (мотивирующих фразем).

Например, словообразовательное гнездо с вершиной «нос» содержит отфразеологические дериваты «носатить» («обносатить»), семантика которых толкуется с помощью смешанного способа толкования

(синонимического и мотивирующего), включающего три компонента (синонимический ряд), представленные фраземами, среди которых называется и мотивирующий: ‘носатить кого, приделывать, приставлять нос, оставлять с носом’, а также производящий фразеологизм. Предикат «носатить» является производным, образованным от фразеологизма «оставить с носом» ‘дурачить, обманывать, оставлять ни с чем’.

При анализе словарных статей также выявляется такая особенность толкований, как включение в словарную дефиницию производных слов или отфразеологических дериватов совместно с другими компонентами. Например, семантика дериватов «дармояд», «дармоядка», «дармошат», содержащихся в словообразовательном гнезде с вершиной «дарить», толкуется при помощи смешанного способа толкования – описательного и синонимического: ‘кто даром хлеб ест, живет не трудясь; тунеяд, мирояд, дармояжка’.

Таким образом, в «Словаре» В.И. Даля при описании слов с идиоматичной семантикой преобладают синонимический (синонимический ряд) и смешанный способы толкования.

Литература и источники

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940.
2. Ермакова О.П. Фразеологичность семантики производных слов различных словообразовательных структур // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1975. – С. 57–63.

*Скиба А.А.,
студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород.
Науч. рук. – Мальцева Г.Ю.,
к. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород.*

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА ЛЕКСЕМЫ «ВДРУГ» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация. Статья посвящена анализу лексемы вдруг в творчестве Ф.М. Достоевского, в частности, в повести «Кроткая». Дается оценка ее частотному использованию лексемы «вдруг», выявляются оттенки значения в контекстах. Автор приходит к выводу о том, что лексема «вдруг» является идиостильным знаком в творчестве Ф.М. Достоевского. Выявлено, что наречие «вдруг» маркирует резкие переходы от одного действия к другому, а также выполняет функции смены характера героев и организации текста. Сделан вывод об особом статусе лексемы «вдруг» в творчестве Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, идиостиль, идиоглосса, лексема «вдруг».

Summary. The article is devoted to the analysis of the lexeme suddenly in the works of F.M. Dostoevsky, in particular, in the story «Meek». An assessment of its frequency use of the lexeme «suddenly» is given, shades of meaning to contexts are revealed. The author comes to the conclusion that the lexeme «suddenly» is an idiostyle sign in the works of F.M. Dostoevsky. It is revealed that the adverb "suddenly" marks abrupt transitions from one action to another, and also performs the functions of changing the character of the characters and the organization of the text. The conclusion is made about the special status of the lexeme «suddenly» in the works of F.M. Dostoevsky.

Key words: F.M. Dostoevsky, idiostyle, idioglossa, lexeme «suddenly».

Ф.М. Достоевский – гениальный писатель и тонкий психолог, творческое наследие которого по глубине и широте своего содержания по

праву занимает вершину как русской, так и мировой литературной классики. Богатство, выразительность и разнообразие его языка, сознательные искажения литературной нормы, маскирующие авторские приемы углубления значения, выводящие на подтекст произведения, до сих пор привлекают внимание читателей, а языковая личность Ф.М. Достоевского занимает центральное место в работах многих ученых.

Ю.Н. Караулов и Е.Л. Гинзбург одними из первых предложили для описания языка Ф.М. Достоевского термин «идиоглосса» [Караулов, Гинзбург 2001: 14]. Идиоглоссы – единицы, являющиеся лексическими маркерами идиостиля автора. Они обладают когнитивными свойствами: отражают представления языковой личности писателя о мире, несут в себе основополагающие идеи для интерпретации и осмысления его текстов.

Лексема «вдруг» – одна из самых известных и узнаваемых идиоглосс писателя. Являясь знаком авторской манеры письма, она играет важную роль в художественном мире Ф.М. Достоевского.

Впервые в исследовательской литературе на «русское вдруг» обратил внимание А.А. Белкин. Он отмечал, что «вдруг» у писателя «очень часто имеет особый смысл. Оно означает такую встречу, такое событие, которые играют решающую роль в судьбе человека, а порою являются катастрофическими» [Белкин 1973: 129]. Ученый объясняет крайне частое употребление Ф.М. Достоевским лексемы «вдруг» стремлением художника изобразить хаотичную и катастрофическую жизнь, для которой свойственны «неожиданные спады и подъемы, неожиданные повороты психики героев, – и отсюда постоянное употребление излюбленного слова «вдруг» [Белкин 1973: 131]. А.А. Белкин связывает использование писателем наречия «вдруг» с созданием «атмосферы трагедийности».

Кроме того, о частотном использовании Ф.М. Достоевским лексемы «вдруг» писал и Ю. Карякин. Исследователь уверен, что обилие «вдруг» связано вовсе не с «неряшливостью письма», а с особым значением именно русского «вдруг», важностью «даже его звучания, его краткости (здесь не чистая, а семантическая фонетика)» [Карякин 1989: 643]. По подсчетам Ю. Карякина, у Ф.М. Достоевского в «Преступлении и наказании» – 565 лексем «вдруг», а в «Братьях Карамазовых» – 1154.

В осознании М.М. Бахтина «вдруг» в литературе древности мог быть двояким: вдруг – случай, который рождал чудесный план повествования (чаще – в сказках), вдруг – рок – это воля судьбы, богов, когда рождается катастрофический план, а пространство искажается. Изучая греческое авантюрное время, ученый акцентирует внимание на том, что «оно слагается из ряда коротких отрезков, соответствующих отдельным авантюрам; внутри каждой такой авантюры время организовано внешне – технически: важно успеть убежать, успеть догнать, опередить, быть/не быть как раз в данный момент в определенном месте, встретиться / не встретиться и т. п.... Эти временные отрезки вводятся и пересекаются специфическими «вдруг» и «как

раз». «Вдруг» и «как раз» – наиболее адекватные характеристики всего этого времени, ибо оно вообще начинается и вступает в свои права там, где нормальный и прагматически причинно-осмысленный ход событий прерывается и дает место для вторжения чистой случайности с ее специфической логикой» [Бахтин 1975: 242].

Повесть Ф.М. Достоевского «Кроткая» была впервые опубликована в «Дневнике писателя» в ноябре 1876 года. Объем «фантастического рассказа» невелик (всего двадцать шесть страниц), однако наречие «вдруг» встречается в нем 76 раз. Опираясь на данные словаря В.И. Даля, определяем у данной лексики три значения:

1. ‘нечаянно, внезапно’

– «Сначала кричали, а тут *вдруг* замолчали и все передо мной расступаются и... и она лежит с образом»;

– «Она как бы вся вздрогнула, пролепетала было опять, что я преувеличиваю, но *вдруг* всё лицо ее омрачилось, она закрылась руками и зарыдала...»;

2. ‘тотчас, немедленно, скоро, спешно’

– «И *вдруг* эта шестнадцатилетняя нахватала обо мне потом подробностей от подлых людей и думала, что всё знает, а сокровенное между тем оставалось лишь в груди этого человека!»;

– «И *вдруг* – и *вдруг*, видя, что я смотрю на нее, она бледно усмехнулась бледными губами, с робким вопросом в глазах».

3. ‘сразу, разом’

– «Мне *вдруг*, смотря на нее, влетела тогда в голову идея, что весь этот последний месяц, или, лучше, две последние перед сим недели, она была совсем не в своем характере, можно даже сказать – в обратном характере: являлось существо буйное, нападающее, не могу сказать бесстыдное, но беспорядочное и само ищущее смятения».

Все эти значения слова «вдруг» объединяет семантический компонент ‘внезапность’. Контексты употребления лексики «вдруг» указывают на внезапное, резкое прерывание уже начатого действия и неожиданный переход к совершенно другому. Помимо этого, мы наблюдаем выполнение словом «вдруг» функции смены характеров героев: чаще всего за ним следует выплеск эмоций главной героини, что демонстрирует непостоянство в ее поведении. В.Н. Топоров также подчеркивает, что «вдруг» употребляется Ф.М. Достоевским в контекстах «сюжетных шагов, совпадающих с переходами», а также «смены душевных состояний» [Топоров 1995: 198].

Повествование Ф.М. Достоевского состоит из целого ряда неожиданных событий, и «вдруг» является некой границей, после которой обязательно что-то происходит. Неожиданность и внезапность у писателя находятся во взаимосвязи со «стихийностью поведения, где не человек

действует, а с ним или в нем что-то совершается» [Арутюнова 1996: 72], то есть все события происходят вне сознания человека, по воле случая.

Наблюдается обилие употребления Ф.М. Достоевским наречия «вдруг» в пределах одного контекста («Она *вдруг* вскочила, *вдруг* вся затряслась и – что бы вы думали – *вдруг* затопала на меня ногами»). Тем самым писатель, объединяя события в одной общей точке случайности, организует свой текст. Также данная лексема встречается в одном контексте в разных значениях: «Как это случилось, что всё это *вдруг* <внезапно> упало с глаз и я *вдруг* <сразу> прозрел и всё понял!». Этот прием позволяет писателю более тонко передать все смысловые нюансы.

Частотна и сочетаемость наречия «вдруг» с глаголами различных лексико-семантических групп: с глаголами говорения (*вдруг* сказал, *вдруг* спросил, *вдруг* перебила, *вдруг* прибавила, *вдруг* сообщает, *вдруг* пролепетал, *вдруг* высказал), с глаголами движения (*вдруг* приходит, *вдруг* вскочила, *вдруг* подходит), с глаголами изменения внутреннего состояния (*вдруг* покраснела, *вдруг* вспыхнула). Становится понятно: писателю было важно передать непредсказуемость каждого действия.

В завершение еще раз подчеркнем: являясь маркером идиостиля Ф.М. Достоевского, лексема «вдруг» в произведениях служит своеобразным сокращением времени переходов действий от одного к другому, акцентированием внимания на неожиданных поворотах психики героев, а также способом организации текста.

Литература и источники

1. Арутюнова Н.Д. Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: памяти Т. Г. Винокур. – Москва: Наука, 1996. – С. 61-90.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерк по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. – Москва: Художественная литература, 1975. – 504 с.
3. Белкин А.А. «Вдруг» и «слишком» в художественной системе Достоевского // Статьи и разборы. – Москва: Художественная литература, 1973. – С.129-134.
4. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – Москва: ЭКСМО, 2005. – 736 с.
5. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в семи томах. – Москва: Лексика, 1994. – Т.7. – 576 с.
6. Караулов Ю.Н., Гинзбург Е. Л. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. 1. – Москва: Азбуковник, 2001. – 442 с.
7. Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века – М.: Сов. писатель, 1989. – 646 с.
8. Топоров В.Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области. – Москва: Прогресс-Культура, 1995. – С. 193-258.

*Хорошилов М.,
обучающийся 9 класса МБОУ «Школа-гимназия 10 им. Э. К. Покровского»,
г. Симферополь*

*Науч. рук. – Билык Т. А.,
учитель МБОУ «Школа-гимназия 10 им. Э. К. Покровского», г. Симферополь*

ЗАЧЕМ НУЖЕН КОМПАС? (ЗАРИСОВКА В. ДАЛЯ «МАТКА»)

Аннотация. Рассказ В. И. Даля «Матка» заинтересовал нас и побудил к подробному его изучению. Особый интерес вызвала семантика слова «матка» в данном контексте. В статье рассмотрены художественные средства, использованные автором, а также проанализирована этимология слова «матка» в значении 'компас'.

Ключевые слова: В.И. Даль, лексикография, этимология

Summary. The story of V. I. Dahl "Matka" interested us and prompted us to study it in detail. Of particular interest was the semantics of the word "matka" in this context. The article considers the artistic means used by the author, and also analyzes the etymology of the word "matka" in the meaning of 'compass'.

Key words: V. I. Dahl, lexicography, etymology

Прочитанный нами рассказ Владимира Ивановича Даля «Матка», написанный в 1853 году, вызвал как практический, так и лингвистический интерес. Какие доказательства в быту используют матросы, чтобы объяснить, почему Земля круглая? Почему компас именуется маткой?

Рассмотрим некоторые определения из «Словаря» В.И. Даля, которые понадобятся для дальнейшего разбора.

«Компас – м. немецкий, беломорское, матка, магнитная стрелка на шпильке, с бумажною картушкою, на коей означены страны света или 32 ветра, румба (арх. стрика). Горный компас служит для определения направления рудных жил. Компасный, к компасу относящийся. Во флоте нашем приняты голландские названия румбов или стриков, но у беломорцев есть свои, прилагаемые здесь с общим русским переводом. Буквы N, S, O, V, означают, по морск.: норд, зюд, ост, вест (север, юг, восток, запад)». Так, мы видим, что в «Словаре» В.И. Даль отмечает слово «матка» для обозначения компаса у поморов, на Севере.

В произведении «Матка» компас упоминается как прибор, указывающий местоположение сторон света, а также как одно из доказательств того, что земля круглая. Всего он разделен на 32 части, по восемь в каждой четверти, каждую черту называют румбом. Матрос должен уметь определить по компасу, откуда именно дует ветер, поэтому матрос, не знающий всех румбов – не матрос.

«Румб – м. морск. стрик арх. одно из 32-х направлений компаса; см. ветер и компас. Румбовой, к сему относящийся». Слово «румб» принадлежит к морской терминологии, синоним ему – архаичное слово «стрик»: «м. южн. (малорос. немецк. или строка?) полоса, черта, прямая строка. Ехать стриком, с выносом, либо гусем. Стричка ж. лента, ленточка, особенно девичья, на голову. | Стрик, арх. англ. страна света, румб, вернее промежуточных румбы,

где моряки говор. с голландск. тень; см. компас. Он стриков не знает, 32-х румбов компаса».

В тексте от лица матросов повествуется том, что Земля круглая, тому в доступной, метафоричной форме приводится целый ряд доказательств. Частотным приёмом аргументации является вопросно-ответная форма: *«Почему же ты всегда видишь круг? Потому, что раз Земля кругла, как шар, так она кругла повсюду, откуда ни гляди»; «Кто слышал про лунное затмение? Чай, сами видали его».* Рассказчик опирается на личный опыт моряков: *«А кто из вас хаживал в дальние походы, того уж нечего учить: обошедши Землю вокруг да не споткнувшись нигде на пороге, не видав ни грани, ни перевалу с лица наизнанку, поневоле скажешь, что Земля кругла».* В качестве доказательства используются бытовые примеры: *«Проткни яблоко насквозь гвоздем, обороти его боком к свече, которая будет Солнцем, и оборачивай яблоко, повертывая гвоздь между пальцев все в одну сторону, – вот как бежит и оборачивается Земля»; «Возьми пушечное ядро, да расставь по нему две смоляные пешки, да прогляди их на глаз; промеж них горбок, который закрывает одну пешку от другой».*

Язык рассказчика метафоричен. Так, для обозначения полюса употреблено словосочетание «пуп земли»: «полюсы, или два пупа Земли». Пуп земли – космологическое понятие центра мира в различных религиозно-мифологических традициях, мифопоэтический символ центра. Это одна из репрезентаций (образов) мифологической середины мира – сакрального центра вселенной, выполняющего гармонизирующую роль. В переносном смысле *пуп земли* – иронический фразеологизм, характеризующий в человеке излишнюю «самость» – самоуверенность, заносчивость и эгоизм. В рассказе, тем не менее, «пуп земли» – это полюс.

В тексте встретился фразеологизм *дело в шапке* – синоним выражения *дело в шляпе*. В «Словаре» В.И. Даля предлагается следующее значение данного идиоматического выражения: «от жеребья: слажено, готово, кончено».

Частым образным средством в рассказе выступает сравнение: *«Почему край моря всегда пролегает кругом, ровно обручем? Потому что земля кругла, как шар, так она кругла повсюду, откуда ни гляди. Где ни стань пальцем на ядро, а другим, как вилкой, обводи – везде выйдет круг».* *«Море повсюду должно стоять горбом».*

Интересно употребление пословицы «Без имени овца – баран»: *«Без имени овца – баран; поэтому пуп, или полюс, который ближе к нашим местам, назвали Северным, а другой – Южным».* Значение ее таково: ‘то, что не имеет названия, нельзя (или трудно) определить’, ‘всему надо дать имя для ясности’. В «Пословицах русского народа» В.И. Даля в разделе «Название – имя – кличка» встречается первоначальная форма данной пословицы: «Без вымени овца – баран», уже во времена Даля оцениваемая как устаревшая, исходная.

Откуда же взялось название «матка» для компаса?

В «Большом толковом словаре» под ред. С.А. Кузнецова мы видим несколько значений слова «матка»: 1. Самка-производительница у животных. 2. Внутренний женский половой орган человека и живородящих животных, в котором развивается зародыш. 3. Разг. Маточник. Лук-матка. Матка-картофелина. 4. Нар.-разг. Мать. 5. Нар.-разг. О вожаке, предводителе в некоторых играх (в лапте, рюхах и т.п.). 6. Мор. Специальное судно для обслуживания подводных лодок, торпедных катеров, тральщиков и т.п. Как видно, компаса здесь мы не обнаружили, хотя элемент значения 'то, что ведет, руководит' можно связать с 5 значением, однако это выглядит недостаточно правдоподобно.

Вернемся к поморам. Старинное поморское название архипелага Новая Земля – тоже *Матка*. Связано ли данное название с тем, что Новая Земля – источник пропитания для поморов, поскольку богат ресурсами для промысла? Однако есть мнение, что всё наоборот: «лексикограф А.О. Подвысоцкий еще в прошлом веке высказал предположение, что архипелаг назван Маткой “не оттого ли, что в такое дальнее плавание, как Новая Земля, опасно плавать без матки”» [Цит. по: Вокруг света, 29 марта 2007]. Наиболее же правдоподобной версией является заимствованное происхождение матки-компаса от финно-угорского *matku*, *matka* 'путь, дорога': приспособление для навигации указывает морякам путь. Так образовался омоним для русского слова.

Подведем итог. Автор умело рассказывает о трудных вопросах мироустройства, произведение «Матка» тому доказательство. Рассказ богат средствами художественной выразительности, которые позволяют передать сложные понятия понятным обывателю языком. Сам термин «матка» интересен по своей этимологии.

Литература и источники

Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2005. – 736 с.

Даль В. И. Матросские досуги. – Петербург, 1853. – С. 110-116.

Попов С. Читая карту Арктики... // Вокруг света. – 29 марта 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/3406/> (дата обращения – 01.05.2022)

Тилипман А. Краткий словарь финно-угорских топонимов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ladoga-lake.ru/pages/all-topo-table.html> (дата обращения – 01.05.2022)

Чернова В.Д.

студент, НИУ «БелГУ», г. Белгород.

Науч. рук. – Чумак-Жунь И.И.,

д. фил. н., НИУ «БелГУ», г. Белгород

СЛОВАРЬ ОДЕЖДЫ ГЕРОЕВ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению значений номинаций одежды главных героев романа Ф.М. Достоевского «Идиот» и их влияние на раскрытие каждого персонажа. В статье рассматривается перспектива создания отдельного словаря, посвящённого данной лексической группе.

Summary. The article is devoted to the consideration of the values of the clothing categories of the main characters of F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot" and their influence on the disclosure of each character. The article discusses the prospect of creating a separate dictionary dedicated to this lexical group.

Ключевые слова: номинации одежды, лексическая группа, деталь, антонимия, роман «Идиот»

Key words: clothing categories, lexical group, detail, antonymy, novel "Idiot"

Большую роль в передаче особенностей характера персонажа художественного произведения имеет описание внешности, в особенности одежды, которая способна выражать эксплицитно своеобразие его мировосприятия.

Так, в каждом произведении Достоевского присутствуют острохарактерные персонажи, которых необходимо анализировать, отталкиваясь не только от сюжета и мотивов их поступков, но и от внешних характеристик. Одежда каждого из персонажей определяется веяниями эпохи, социальным статусом героя и особенностями его восприятия мира.

Рассматривая лексико-грамматическую группу одежды в романе Ф.М. Достоевского «Идиот», мы выделили ключевые номинации для каждого персонажа, которые помогут восприятию его образа.

Исследование следует начать с главных персонажей романа – князя Льва Николаевича Мышкина и Парфена Рогожина. В начале произведения при описании их внешности неоднократно используются номинации *тулуп – плащ* (для Рогожина и Мышкина соответственно). Данные элементы взаимно антонимичны по культурологическому и семантическому признакам. Так, на Рогожине был надет «*широкий, мерлушечий, черный, крытый тулуп...*» [Достоевский 2020: 525]. Герой хорошо подготовлен к русским холодам, на это нам указывает прилагательное *широкий*, подразумевающее, что под тулупом дополнительно может находиться тёплая одежда. Данная вещь выполнена из *мерлушки*. «Терминологический словарь одежды» Л.В. Орленко указывает, что это ‘шкурка ягненка грубошерстной породы овец (кроме смушковых) в возрасте до тридцати дней’ [Орленко 1996]. Материал, из которого выполнен тулуп, ассоциируется с самой Настасьей Филипповной Барашковой – жертвой Рогожина. Прилагательное *чёрный* с давних времён соотносится с темными силами, а прилагательное *крытый* указывает, что Рогожин на тот момент был при деньгах. Такого рода тулуп делает его «своим» в России.

Противопоставляется данной номинации «*широкий и толстый плащ без рукавов и с огромным капюшоном...*» [Достоевский 2020: 526]. В данном случае плащ является предметом заграничного гардероба и маркирует личность князя, характеризуя его, как «чужого» для общества. Сам Достоевский неоднократно подчеркивает в тексте романа это противостояние между «своим» и «чужим»: Рогожин описывается, как «*черноволосый сосед в крытом тулупе*», «*миллионер в тулупе*», – Мышкин характеризуется читателям как «*обладатель плаща*», «*белокурый молодой человек в швейцарском плаще*».

Кроме того, контекстуально антонимическими и не менее важными по значимости являются номинации *сапоги* – *штиблеты*. Примечательно, что Рогожин после получения наследства не меняет свои сапоги на более изящную обувь, он пренебрегает щегольством в силу своего купеческого воспитания. Данная номинация демонстрирует это: «*Я и теперь тебя за деньги приехал всего купить, ты не смотри, что я в таких сапогах вошел, у меня денег, брат, много, всего тебя и со всем твоим живьем куплю... захочу, всех вас куплю! Всё куплю!...*» [Достоевский 2020: 634].

Рогожинским сапогам противопоставляются *штиблеты* Мышкина. Данная номинация иностранного происхождения и обозначает: ‘кожаные или су-конные гетры <...> на пуговицах, застегивающихся сбоку’ [Беловинский 2007: 770]. В XIX веке слово стало обозначать ‘плотно облегающую ногу обувь из сукна или полотна на пуговицах’ [Кирсанова 1989: 275]. Штиблеты в романе используются исключительно князем Мышкиным, номинация указывает на бедственное материальное положение героя, характеризуя его личность.

Не менее интересной для исследования является *узелок* князя Мышкина: «*В руках его болтался тощий узелок из старого, полинялого фуляра, заключавший, кажется, все его дорожное достояние*» [Достоевский 2020: 526]. Являясь единственно исконно русской вещью, данный элемент наталкивает на сопоставление с русским странником. Кроме того, важную роль имеет материал, из которого изготовлен узелок – *фуляр*. В «Энциклопедии моды» Р.П. Андреевой дано следующее определение: ‘легкая, очень мягкая шелковая ткань полотняного переплетения из натурального шелка типа тонкого полотна’ [Андреев 1997: 366]. Узелок, являясь олицетворением бедности князя, сделан из дорогого материала, что говорит о двойственном значении данной номинации. Важно подчеркнуть, что такие номинации, как *плащ*, *штиблеты* и *узелок* образуют ЛСП «чужой» – *тулуп* и *сапоги* входят в ЛСП «русский».

Не только Мышкин и Рогожин имеют в гардеробе знаковые элементы. Если рассматривать женские образы, то стоит подробнее остановиться на гардеробе Настасьи Филипповны. Одной из интересных номинаций для анализа представляется *платье* и изменения в его описании. В начале романа: «*Она была сфотографирована в черном шелковом платье, чрезвычайно простого и изящного фасона...*» [Достоевский 2020: 551]. В конце романа мы наблюдаем смену чёрного одеяния на белое: «*Кругом, в беспорядке, на постели, в ногах, у самой кровати на креслах, на полу даже, разбросана была снятая одежда, богатое белое шелковое платье, цветы, ленты*» [Достоевский 2020: 1110]. Символичны цвета, выбранные для героини: *чёрный* – отсутствие всякого света, траур, зло и *белый* – добро, чистота, прощение. Настасья Филипповна предстаёт как бы в саване, белое одеяние символизирует чистоту помыслов и единение с Богом. Можно

предположить, что Настасья Филипповна проходит путь очищения и предстаёт перед Богом безгрешной.

Следует рассмотреть номинации, обозначающие драгоценные аксессуары. Одна из них объединяет двух персонажей из разных сословий – Тоцкого и Рогожина. Для первого характерен следующий внешний вид: *«Одевался широко и изящно и носил удивительное белье. На его пухлые, белые руки хотелось заглядеться. На указательном пальце правой руки был дорогой бриллиантовый перстень»* [Достоевский 2020: 670]. Такая же номинация встречается при описании Рогожина: *«Костюм его был совершенно давешний, кроме совсем нового шелкового шарфа на шее, ярко-зеленого с красным, с огромною бриллиантовою булавкой, изображавшею жука, и массивного бриллиантового перстня на грязном пальце правой руки»* [Достоевский 2020: 680]. Кроме того, у Рогожина также имеется бриллиантовая булавка в виде жука. В «Энциклопедии символов» В.М. Рошалья жук имеет негативную коннотацию: ‘страж смерти, который жужжанием, согласно поверью, предупреждает о приближающейся опасности’ [Рошаль 2008: 794]. Рогожин, таким образом, предстаёт в качестве некой нечистой сущности, которая несет смерть и разрушение.

Бриллиант имеет и метафорическое значение – им предстаёт в романе сама Настасья Филипповна. Так, Тоцкий отмечает: *«Боже, что бы могло быть из такого характера и при такой красоте! Но, несмотря на все усилия, на образование даже, – всё погибло! Нешлифованный алмаз – я несколько раз говорил это...»* [Достоевский 2020: 695]. Бриллиант фигурирует в виде перстня и булавки у Тоцкого и Рогожина, оба восхищены женщиной, словно красивой вещью, но ни один из них не хочет понять её истинные чувства. Сама героиня, таким образом, предстаёт редкой драгоценностью, попавшей в грязные руки.

В данной статье мы рассмотрели основные и наиболее интересные для анализа номинации. Имеет смысл включить их в специальный словарь. Он может быть представлен в следующем виде: номинация, количество употреблений в тексте, определение (если необходимо), какие персонажи используют и как с её помощью раскрывается тот или иной персонаж.

Данный словарь будет полезен в качестве материала для анализа героев романа на элективном уроке литературы, ученики могут попробовать создать свой словарь, анализируя другое произведение писателя и сравнивая портретные характеристики и особенности их выражения. Кроме того, данный материал будет полезен студентам гуманитарных направлений для более глубокого сравнения особенностей изображения портрета Достоевского и его современников, выделив общие черты, характерные для литературы XIX века и индивидуальные особенности самого писателя.

Литература и источники

1. Андреева, Р.П. Энциклопедия моды / Р.П. Андреева. – Санкт-Петербург: Литера, 1997. – 416 с.

2. Беловинский, Л.В. Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XX в. / Л.В. Беловинский. – Москва: Эксмо, 2007. – 784 с.
3. Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание; Идиот: романы / Ф.М. Достоевский. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. – 1120 с.
4. Кирсанова, Р.М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: костюм-вещь и образ в русской литературе XIX века / Р.М. Кирсанова. – Москва: Книга, 1989. – 282 с.
5. Орленко, Л.В. Терминологический словарь одежды: Ок. 2000 слов [Электронный ресурс] / Л.В. Орленко. – Режим доступа: <http://www.modnaya.ru/articles/dictionary/glossary-of-clothing/index.htm> (дата обращения – 10.05.2022).
6. Рошаль, В.М. Энциклопедия символов / В.М. Рошаль. – Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Сова, 2008. – 1007 с.

*Ширинова А. А.,
студент, ФГБОУ ВО «ПетрГУ», г. Петрозаводск
Науч. рук. – Дьячкова И. Н.,
к. фил. н., ФГБОУ ВО «ПетрГУ», г. Петрозаводск*

СЛОВАРЬ В. И. ДАЛЯ КАК ИСТОЧНИК РЕКОНСТРУКЦИИ РУССКОЙ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ОПИСАНИЯ РЕАЛИИ ПАУК)

Аннотация. В статье дается комплексный анализ лексемы «паук», основанный на материале соответствующей словарной статьи в словаре В.И. Даля. Анализируется дефиниция слова, словообразовательное гнездо, синонимические наименования, а также паремиологические единицы, связанные с данной лексемой. Автором делается вывод о возможности реконструкции этноязыковой картины мира на основе анализа материала словарных статей В.И. Даля.

Ключевые слова: лексикография, словарь В.И. Даля, этноязыковая картина мира

Summary. The article provides a comprehensive analysis of the lexeme “spider”, based on the material of the corresponding entry in the dictionary of V.I. Dahl. The definition of the word, the word-formation nest, synonymic nominations, as well as paremiological units associated with this lexeme, are analyzed. The author concludes that it is possible to reconstruct the ethno-linguistic world view based on the analysis of the material from V.I. Dahl’s dictionary.

Key words: lexicography, dictionary of V.I. Dahl, ethno-linguistic world view

«Язык народа, бесспорно, главнейший и неисчерпаемый родник наш», – писал Владимир Иванович Даль. И уникальный словарь живой русской речи, составлению которого выдающийся ученый посвятил почти всю свою жизнь, – наглядное тому подтверждение. Вобрав в себя богатейшие ресурсы русской словесной культуры, этот лексикографический труд, подобно самому языку, стал настоящей сокровищницей для его изучения.

Особый интерес словарь В.И. Даля представляет, в частности, для этнолингвистики – области языкознания, изучающей отражение в языке культурных (бытовых, религиозных, социальных и пр.) представлений народа, говорящего на нем; специфику восприятия этносом окружающего мира и собственного места в этом мире через призму языка (см. подробнее [Плотникова 1990], [Стефанский 2017]). «Толковый словарь живого великорусского языка» замечателен в этом отношении, поскольку он отражает «тесную связь литературного языка с диалектной базой и фольклорной традицией, широко представляет терминологию духовной

культуры народа» [Плотникова 1990: 7]. Целью В.И. Даля было «обратить интерес общественности к живому русскому слову и его фольклорно-этнографическим истокам, показать «русский дух» языка» [Плотникова 1990: 8], что в итоге определило этнолингвистическую основу его словаря.

Лексика, называющая обрядово-календарные и мифологические реалии традиционной народной культуры, разнообразные номинации объектов материального мира, диалектизмы, устойчивые выражения, фольклорные тексты, примечания, комментарии, пословичные иллюстрации, описательные толкования, упоминания культурных представлений, верований, обычаев и обрядов русского народа – всё это делает «Толковый словарь» Даля бесценным источником этнолингвистической информации, средством реконструкции русской этноязыковой картины мира.

Показательно в этом отношении описание в «Толковом словаре живого великорусского языка» такой реалии, как *паук*.

Обращаясь к толкованию данного слова, Даль пишет, что это «повсюду известное насекомое», тем самым подчеркивается, что данная реалья настолько известна русскому человеку, что в специальной дефиниции она не нуждается. Далее характеристика слова осуществляется через ряд синонимических наименований этого членистоногого в русских диалектах, где каждый компонент парадигмы уже представляет интерес для дальнейшего изучения (*павук, павок, павко, павел, мизгирь, муховор, сетник, кошель, тенетник*).

В словарной статье представлен также словообразовательное гнездо лексемы *паук*. Фиксируется группа прилагательных, образованных от данного субстантива (*пауковы, паучьи, пауковое, паучное* и *паукообразное*). Кроме прилагательных отмечаются варианты наименования паутины в русском языке (*паутина, паучина, павчина, паутинник*). Данная группа аналогично расширяется за счёт прилагательных (*паутинный, паучинный*), имеющих значение ‘относящийся к паутине’. В словарной статье приводится также наименование растения, образованное от изучаемого корня, – *паучник* растен. *Anthemisum*; аугментативы (*паучища, паучище*) и диминутивы (*паучек, паученок, паучишка*). Таким образом, деривационная парадигма слова, зафиксированная Далем, в целом представляется более развёрнутой, чем в современном русском языке, включает в свой состав малоупотребительные и неизвестные наименования.

Статья также дополняется паремиологической иллюстрацией – *Лови паук мух – покеле ноги не оципаны!*, значение которой можно определить примерно так: ‘пока жив, делай своё дело, не останавливайся’. Данная пословица, содержащая побуждение, проникнута народной иронией, связанной с пониманием одинакового конца всего живого, но не отменяющей при этом необходимости выполнять свое предназначение, пока жизнь не оборвалась. Характеристика удела человеческого в этой пословице не

отличается от удела всего живого, иллюстрируется через существование паука.

Связь образа паука и человека просматривается и в таких номинациях, как *павко* и *павел*, которые, по-видимому, появились благодаря распространенной в южнорусских диалектах и украинском языке лексеме *павук* в результате ее фонетического сближения с именем *Павел* и его производными.

Значимую роль в характеристике паука играют отсылки через приведенные В.И. Далем синонимы к другим статьям словаря, которые также позволяют уточнить и расширить наши представления об этом насекомом в русском языковом сознании.

Большой интерес в этом отношении вызывает, в частности, слово *мизгирь*. Обращаясь к этой словарной статье, мы узнаём, что данное слово употребляется в северо-восточных говорах. *Мизгирь* также характеризуется как особая разновидность паука – ‘земляной, злой, паук; тарантул’. Любопытно замечание Даля о том, что эта лексема могла использоваться в том числе для номинации людей в значении ‘малышок, малютка; слабосильный, мозгляк’. Составитель словаря также фиксирует, что в новгородских говорах оно применялось для наименования плаксивого человека (‘плакса’). Соответствующий метафорический перенос, по-видимому, обусловлен тем, что астеничные люди, особенно дети, нередко характеризуются именно плаксивостью.

Следует уделить особое внимание богатому иллюстративному материалу этой статьи. Так, здесь мы находим примету *Мизгиря убьешь – сорок грехов сбудешь*, которая актуализирует христианское восприятие паука в русской духовной культуре, где паук – злое животное, которое противостоит Богу; пословица *Правда, что у мизгиря в тенетах: шмель пробьется, а муха увязнет* отражает народное стремление пояснить восприятие абстрактных сущностей через уподобление миру природы, в результате пословица ярко отражает специфически русское понимание *правды* – она оказывается за тем, кто сильнее. Сравнение человека и паука отражается в таких устойчивых выражениях, как *запутался, что мизгирь в тенетах; как мизгирь, из себя нитку тянет*. Здесь же находим и фразу, ставшую крылатой благодаря народной сказке: *Бойтесь, мошки, господина честнаго, мизгиря толстаго!*, которая напоминает о русском фольклорном сюжете, где мы видим положительный образ паука как защитника людей от мух.

Хочется обратить внимание также на очень интересное слово *мизгириха*, которое отмечается Далем в вятских и пермских говорах и обозначает верещанку, сковородную яичницу. Чтобы определить мотивировку данной номинации, ее связь с лексемой паук, мы обратились к историческим и диалектным словарям. В словаре русского языка XI-XVII веков это слово отсутствовало, а в «Словаре русских народных говоров»

содержало отсылку к Далю. Попытаемся предположить, что связь обозначенных слов осуществляется не через образ паука, а через представление о паутине, поскольку сетка, которая возникает на обратной стороне яичницы во время приготовления, очень ее напоминает. Однако это только наша гипотеза, она нуждается в дальнейшей проверке.

К числу слов-загадок можно отнести и наименование паука *муховор*. Находим его в словарной статье *муховор* к слову *муха*. Указано, что это наименование паука употребляется в северо-новгородских диалектах: *Вишь, муховор муху пеленает!*, однако никак не комментируется составителем вторая часть словосложения.

Происхождение этого компонента, на первый взгляд, хочется связать со словом *воровать* и с опорой на современный язык трактовать внутреннюю форму этого слова, как ‘тот, кто ворует мух’, что отражает процесс добывания пищи пауком. Но на фоне происхождения других номинаций паука (*сетник, тенетник, мизгирь* – ср. лит. *mezgù, mezgiaĩ, mēgsti* ‘вязать, завязывать’ [Фасмер]) более вероятно, что это слово связано с диалектным словом *воры*, которое известно в северных говорах как наименование заграждения, забора, ограды. В этом случае название насекомого может быть восстановлено, как ‘тот, кто расставляет заграждения, ловушки на мух, ловец мух’.

Сетник, по В.И. Далю, восточносибирское наименование паука. По форме слова понятно, что оно связано с умением паука ткать сеть. Слово *тенетник* также связано с умением паука ткать паутину (первичное значение лексемы *тенето* – сеть). Слово отмечается составителем словаря в нижегородских говорах. В определении к слову даётся, что это ‘особо большой паук, крестовик’, кроме этого тенетником называют саму паутину. В иллюстративном материале к данной лексеме мы находим приметы (*Много тенетника, долгая (сухая) осень. Осенний тенетник – на ясную погоду, на ведро*) и пословицу (*Лезет в глаза, как тенетник*).

В связи с отражением во внутренней форме наименования паука образа плетения и сети интересно обратиться еще к одному его наименованию, отмеченному в словаре В.И. Даля – лексеме *кошель*. Отмечается использование этого обозначения паука в ярославских говорах. В данном случае Даль предлагает следующее определение – ‘паук, мизгирь, у которого весь зад образует надутый мешок’, явно склоняясь к версии, что происхождение этого названия основано на сходстве такого паука с человеком, несущим сзади за спиной кошель. Однако современные исследователи интерпретируют это название иначе. Слово *кошель*, а также номинации *кузовник, котомка*, которые у Даля не отмечены, они также возводят к значению ‘плести’, поскольку *кошель (кузов, котому)* – заплечный мешок – плели из прутьев или бересты [Кривошапова 2007: 84-85].

Опираясь на проанализированный материал, мы можем прийти к выводу, что, даже обратившись только к одному словарю Даля, мы получаем

разноплановую информацию об образе паука в традиционной русской культуре. Помимо самой номинации *паук*, мы находим сведения о большом количестве синонимических наименований, каждое из которых расширяется за счет отдельных словообразующих гнезд, помогающих составить если не исчерпывающее, то достаточно развернутое и глубокое представление об этом насекомом в русском языковом сознании. В этом лингвистическом «портрете» отражаются различные черты: выявляются ключевые характеристики восприятия паука как прежде всего плетущего сеть, фиксируется амбивалентность оценки его образа в русской культуре, восходящая, с одной стороны, к язычеству, с другой – к христианству, обозначается ряд уподоблений паука и человека, которые отсутствуют в современном литературном языке, создается образ-паутины-сети, в которой можно запутаться. Каждый элемент проанализированных словарных статей Даля может быть расширен и дополнен с помощью других источников, но в области этнолингвистического изучения языка он, без сомнения, служит базой и отправной точкой для понимания основных векторов развития исследования. И это замечание касается не только рассмотренной лексики.

Словарь Даля всегда будет интересен и актуален, так как он даёт огромный пласт культурных представлений не только о пауке, но и о других словах, становясь источником богатейшего этнолингвистического материала.

Литература и источники

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://onlinedic.net/dalya/letter1.php> (дата обращения – 07.05.2022).
2. Кривошапова Ю. А. Языковой и культурный портрет реалии: паук // Ономастика и диалектная лексика : Сб. науч. тр. – Екатеринбург, 2007. – Вып. 6. – С. 83–87.
3. Плотникова А. А. Этнолингвистический словарь как лингвистический, этнографический и фольклорный источник (на материале славянских языков и традиций) : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.03. – Москва, 1990. – 23 с.
4. Стефанский Е. Е. Словари В. И. Даля и А. Брюкнера как этнолингвистические источники // Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2017. – №2 (22). – С. 129-137.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 тт. – М., 1987. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/vasmer/%D0%BC%D0%B8%D0%B7%D0%B3%D0%B8%D1%80%D1%8C> (дата обращения – 07.05.2022).

Научное издание

Дали Даля

Сборник статей по материалам II Всероссийской
научно-практической конференции «Далевские чтения»,
приуроченной ко Дню славянской письменности
и культуры

Подписано в печать 02.12.2022. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 11,04. Тираж 100 экз. Заказ 142.
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ООО «Эпицентр»
308010, г. Белгород, ул. Б. Хмельницкого, д. 135, офис 40